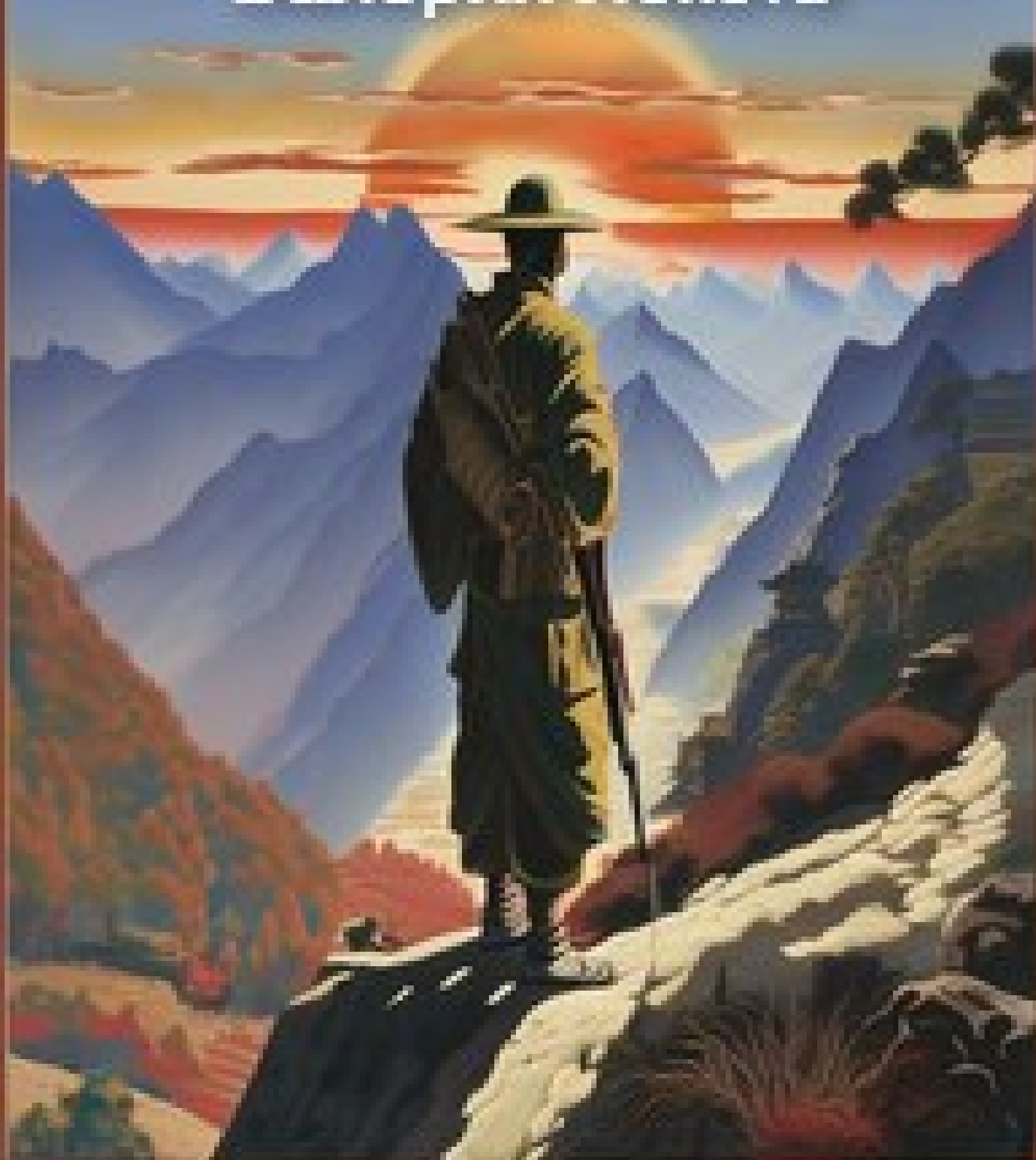

Тайна чёрного кинжала

Валерий Локоть

Клинок лежал на полке притягивая внимание. Чёрные каучуковые накладки на рукоятке. Ножны не полностью закрывают лезвие, оно отликает матовым цветом и излучает уверенность в собственном совершенстве. Я протянул руку, взял его, в очередной раз не справившись с желанием хотя бы прикоснуться к нему. Снял ножны и осторожно провел пальцем по лезвию кинжала...

Пролог.

Дорогой читатель, данное произведение является художественно-фантастическим. Только в отдельных главах рассказывается о событиях, происходивших в действительности. Большинство людей в романе вымышленные, и только некоторые лица жили в реальной жизни. Прошу не воспринимать мой роман как документальное свидетельство прошедших событий. С уважением, автор.

Время.

Я часто думаю о времени. Когда говорят "было время", это о памяти, о истории, о ушедшем... Время есть в настоящем, которое мы путаем с прошлым, потому что ускользнувшее, упущенное время уже не вернуть. Надо уметь ждать, вовремя увидеть и не упустить то, что тебе дают: новую встречу, любовь, счастье, удачу, в общем, то, о чём ты мечтал. Верю ли я в знаки судьбы или в ангела хранителя? Верю. У меня в моей жизни таких моментов было много. Один из них произошёл в Афганистане осенью 1987 года. Наш 186 ООСпН (Отдельный Отряд Специального Назначения) размещался недалеко от кишлака Шахджой (Царский ручей) в провинции Забуль, поэтому и отряд называли Шахджойским.

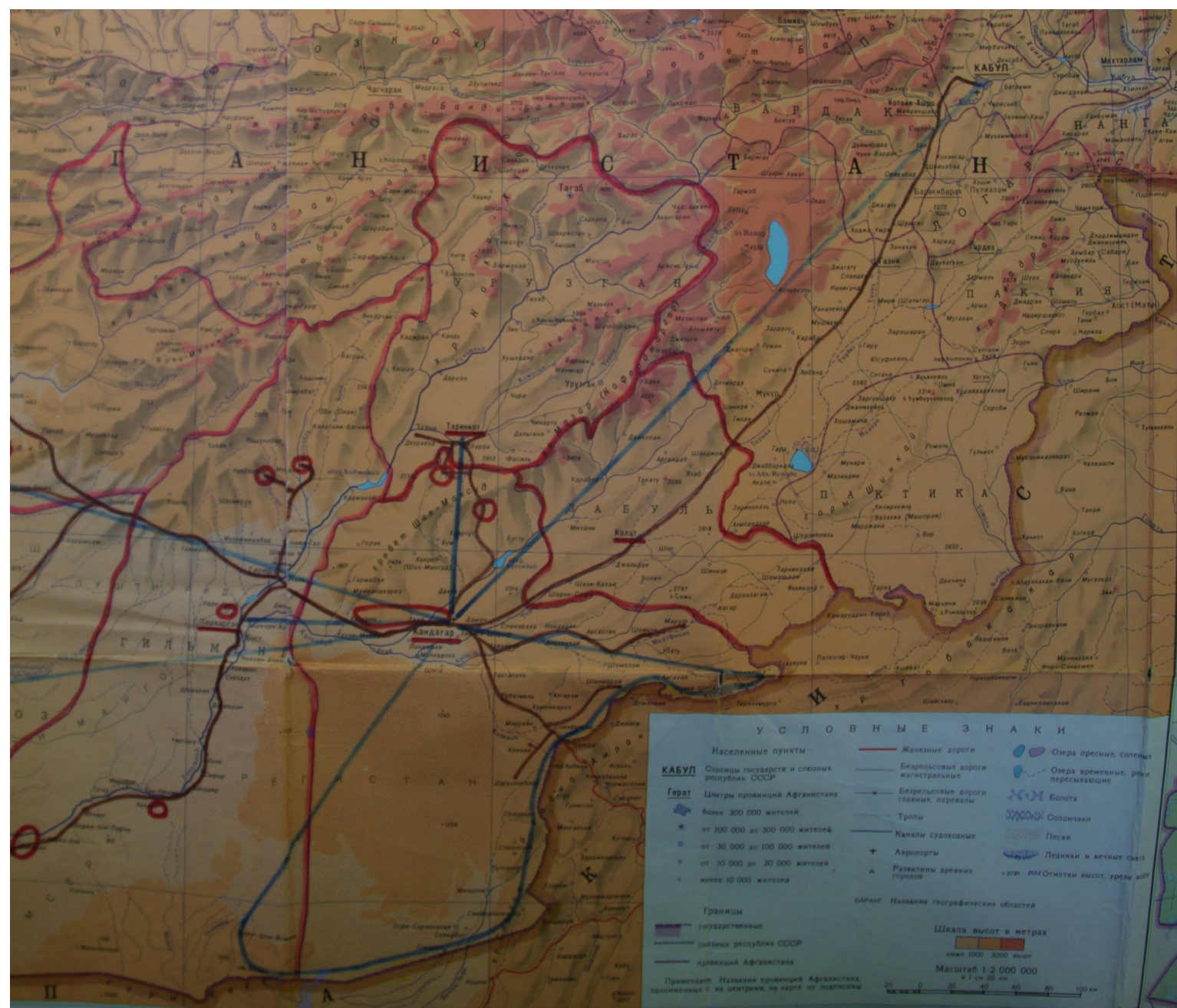
Только четверть территории региона равнинная, остальная местность представляет собой полугорный или гористый рельеф.

Южнее хребта Гиндукуш расположились Сулеймановы горы, одной частью размещаясь в афганской провинции, другой в пакистанской провинции Белуджистан.

Живописную долину в центре региона, протянувшуюся от города Газни и до Кандагара, разрезает шоссе, на севере соединившее Забуль с Кабулом и проложенное через провинции Газни и Вардак. А на юго-западе, пройдя Кандагар, Гильменд, Фарах и Герат, дорога выходила на границу с Советским Союзом, с Туркменской ССР.

Климат считается субтропическим континентальным, но перепады температур здесь такие, что днём летом они доходят до сорока и более градусов Цельсии, а ночью падают до минусовых, когда во флягах замерзает вода.

Граница с Пакистаном от месторасположения нашего отряда проходила всего в сорока километрах, и оттуда постоянно шли как торговые караваны, так и караваны бандформирований с оружием, боеприпасами и медикаментами. Редко когда такие караваны были из вьючных животных (лошадей, верблюдов, ослов и ишаков), в большинстве случаев это были грузовые машины, мы называли их бурубухайки (на фарси буру бахай — счастливой дороги!), ещё были тракторы, джипы с грузоподъёмностью до восьмисот килограммов, но духи (так мы называли своих врагов) умудрялись возить и больше тонны грузов.

Карта провинции Забуль с прилегающими территориями.

Задача нашего отряда состояла в том, чтобы не допустить прорыв духовских караванов внутрь страны, где у них были построены целые укрепрайоны с госпиталями. Поэтому и уходили группы спецназа в поиск, разведку, засаду.

А ещё была практика облётов местности, проведения досмотровых операций караванов при поддержке вертолётов.

На деле всё происходило так: вылетали из ППД (пункт постоянной дислокации) на вертолётах, находили идущий караван, делали очередь из пулемёта, метров за тридцать перед ним, караван останавливался, вертушки со спецназом садились на землю, и мы проводили досмотр на наличие оружия и боеприпасов. Обычно бандиты прорывались ночью, а днём шли торговые караваны, но бывало так, что духи рисковали.

Мы начинали облёты рано утром. На двух Ми-8 (в обиходе «восьмёрки») летели две группы спецназа, ведущий и ведомый, плюс два "крокодила" — вертолёты поддержки Ми-24.

И вот в один из дней дежурные группы нашей роты с утра и до вечера летали над подконтрольной нам территорией. Я был старшим группы на ведомом борту. Досмотрели один торговый караван и всё — духи затаились и дороги опустели. Крайний вылет, а у меня

дико разболелась голова. Подхожу к ротному, капитану Горошко (он был на ведущем борту и руководил всем облётom), говорю: "Палыч, голова разболелась, целый день летаем, духов всех распугали, разреши не лететь". Он: "Ладно, отдыхай".

Я пришёл в свою землянку, сбросил снаряжение, выпил таблетку анальгина и прилёг отдохнуть. Проснулся от того, что почувствовал, как отряд «загудел». Нервы на пределе, вот и чувствуешь любые изменения в обстановке.

Вышел из землянки и увидел идущего мне на встречу Горошко:

— О, тарджуман (моя официальная должность была переводчик отряда, а тарджуман это на персидском переводчик), орден то ты свой про...бал. Посмертно! Бу-га-га, — рассмеялся он, — пойдём, посмотришь.

Пока шли к стоянке вертолётom, я узнал, что при облёте наши заметили шедший караван из трёх машин, дали перед ним очередь из пулемёта. Духи остановились, дождались, когда вертушки с десантом пошли на посадку, и открыли шквальный огонь по ним. В ответ вертушки поднялись в небо, замкнули круг и сверху расстреляли духов НУРсами (неуправляемые ракеты), а потом «восьмёрки» с разведчиками сели на землю, и наши бойцы доби́ли врагов.

На вертолётной площадке Горошко запрыгнул в мой ведомый Ми-8. "Гляди сам," — ткнул он пальцем в блистер (окно вертолётa на борту), возле которого я пролетал весь день. Сейчас он был закрыт, а ровно в центре было пулевое отверстие...

С тех пор прошло больше тридцати лет, но память возвращает меня в то время, заставляет вновь чувствовать бегущий по крови адреналин и вспоминать страницы промелькнувшей жизни.

Клинок лежал на полке, притягивая внимание. Чёрные каучуковые накладки на рукоятке. Ножны не полностью закрывают лезвие, оно отликает матовым цветом и излучает уверенность в собственном совершенстве. Я протянул руку, взял его, в очередной раз не справившись с желанием хотя бы прикоснуться к нему. Снял ножны и осторожно провел пальцем по лезвию кинжала... Это произошло двадцать лет назад. Мне позвонил мой товарищ и сказал, что его знакомый предложил купить немецкий кинжал времён Второй мировой войны. Этот парень помогал по хозяйству одному ветерану войны, и в благодарность за помощь тот подарил ему нож, рассказав историю о том, как в 1941 году под Можайском группой бойцов военной контрразведки были уничтожены немецкие диверсанты. Ветеран вспомнил, как забрал его у убитого им фрица на память. По законам войны победители всегда имеют право на трофеи.

Первый раз взяв в руку кинжал, я почувствовал, как в меня будто вливается энергия, а нож показался мне живым. Это и толкнуло меня на покупку. Потом я много раз смотрел на него, пытаюсь проникнуть в его тайну. Станный пирамидальный клинок, гарда, выполненная в форме пятиконечной звезды или пентаграммы, на которой с одной стороны был отштампован фашистский орел, держащий свастику, а с другой выбит год 1939, и конусообразная рукоятка наводили на мысль, что нож выполнял ритуальные функции у какого-то загадочного культа. В нижней части рукоятки — отверстие, сделанное с непонятной целью.

Впрочем, мои попытки отыскать какое-либо упоминание подобного ножа среди холодного оружия Вермахта не увенчались успехом. А моя теория принадлежности кинжала к обществу Анненербе (Наследие предков) или обществу Туле ничем не подтверждалась...

Справка: Анненербе и Туле — немецкие оккультные и политические общества.

В своих поисках я даже познакомился с главным хранителем Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, экспертом Министерства культуры России Монетчиковым Сергеем Борисовичем.

Увидев нож, он удивлённо хмыкнул, открыл верхний ящик своего стола, достал латексные перчатки и только после этого взял его в руки.

Тщательно обследуя каждый миллиметр, Сергей Борисович осмотрел кинжал. Затем, держа его с двух сторон и поднеся к правому уху, начал качать его перед собой, к чему-то прислушиваясь.

Прошло минут двадцать, прежде чем он оторвал от него взгляд и задал свой первый вопрос:

— Как нож попал к Вам?

Внимательно выслушав меня, он достал лупу и ещё раз изучил кинжал.

— Скажите, вот в этом месте, — Монетчиков показал пальцем на грань ножа чуть выше гарды, — явно что-то затёрто. Здесь были какие-то знаки, цифры или надписи?

— Не знаю, — я пожал плечами, — нож попал ко мне уже в таком состоянии.

— А Вы обратили внимание, что внутри рукояти слышится движение какой-то

жидкости?

— Да, конечно, в какой-то мере это и возбудило моё чрезмерное любопытство. Мне приходилось слышать о мифических ртутных ножах и о их сказочных возможностях всегда поражать цель.

— Поверьте, я хороший специалист по пехотному оружию Третьего Рейха и могу с уверенностью сказать, что нож сделан из той же стали, из какой делали стволы огнестрельного оружия для вооруженных сил в Германии тридцатых годов. Не сомневаюсь, это не какая-то подделка, а промышленное изделие, о чём говорят насечки на рукояти.

— Смотрите сами. — Монетчиков протянул мне нож. — Видите? По гурту рукояти идёт рифлёная насечка! Это сделано, чтобы нож не скользил в руке. Такие насечки делают на монетах, чтобы защититься от подделок. И нанести их возможно только на специальных заводских станках. Думаю, что была изготовлена партия таких кинжалов. И судя по форме ножа, он создавался как символ каких-то идей или для осуществления каких-то ритуалов. Я даже склоняюсь к мысли о оккультных Обществах Туле и Анненербе... Ну и нельзя исключать его использование в диверсионных целях. Не пробовали метать?

— Извините, но нет, — я усмехнулся, — приходила в голову такая мысль, но побоялся сломать. Да и жидкость внутри рукояти не даёт мне покоя.

— Согласен. Вскрывать нож самостоятельно опасно. Там вполне может оказаться какой-либо смертельный яд. Немцы были любители таких вещей. Холодное оружие это не мой профиль исследования, но я знаю, с кем можно поговорить. С изобретением огнестрельного оружия человечество многое приобрело, но и многое потеряло. Поверьте, иногда мифы оживают. Пистолеты, ружья, пулемёты убивают на расстоянии, а вот холодное оружие входит в человеческую плоть, умывается кровью и впитывает энергию раненного или убитого им человека. Мистика и оккультизм не для меня, но я никогда не сомневался в их существовании. Ваш кинжал подтверждает мои слова. Вы же чувствуете тёмную ауру этого клинка!? И при этом не боитесь брать его в свои руки. Значит он Вас признал. А вот мне лучше не брать его голыми руками, хотя и перчатки не всегда могут защитить от его силы. Не хотите оставить мне на недельку нож для качественного изучения?

Я задумался, а потом решительно качнул головой:

— Нет. Не сейчас. Может позже.

Позже у меня не получилось. Появлялись какие-то срочные дела, и я всё откладывал встречу с Сергеем Борисовичем, пока не узнал, что о его скоропостижной смерти...

А вчера я случайно узнал, что кинжал у предыдущего хозяина был украден, хотя всё остальное оказалось правдой, и кинжал действительно принадлежал ветерану НКВД.

Я поднёс нож к уху и слегка потряс его, слушая, как внутри рукоятки переливается какая-то жидкость. Зачем она там? Что это за жидкость?

Ну да Бог с ним, с кинжалом, мне сказали, что, несмотря на преклонный возраст, ветеран был ещё жив, и я решил вернуть его законному владельцу.

Мой взгляд прошёлся по фотографиям, стоящим в рамках. Моя боевая молодость. Больше всего фотографий, на которых я в Афганистане. Спецназ Главного Разведывательного Управления. Черно-белые фото. Горы и местность, похожая на пустыню. Я с моими друзьями из отдельного отряда спецназначения. Все молодые и, не смотря на войну, жизнерадостные.

А вот более ранняя фотография. На ней мой друг Сашка в курсантской форме с

автоматом на фоне полосы препятствий Военного института. Ускоренные курсы подготовки младшего офицерского состава. Тридцать шесть лет назад... На меня нахлынули воспоминания. Боже, как бы мне хотелось вернуться в это счастливое, полное надежд и мечтаний прошлое! Большой палец лег на нижнее отверстие рукоятки. Рука, державшая кинжал, непроизвольно сжала ее с огромной силой. Внезапно я почувствовал резкую боль в пальце от укола иглы, выскочившей из отверстия. В глазах потемнело, а затем мои мозги взорвались, и я распался на миллиарды микрочастиц...

В глаза будто насыпали песка. Резь не давала сфокусировать взгляд, а в висках отдавалось пульсирующей болью. Черт возьми, что за ерунда со мной произошла!? — Колёк! Ты чего застыл? Что? Колёк??? Меня так не называли уже лет тридцать! Я наконец-то увидел того, кто назвал меня старым прозвищем, и от увиденного я остолбенел. Передо мной стоял мой погибший тридцать пять лет назад в Афганистане друг Костя...

Бой у кишлака Шабан.

Эта глава не выдумана. Кто-то, прочитав её скажет, что я повторил написанное ранее другими очевидцами происходивших событий, и будет прав. Только как по-другому рассказать, если ты описываешь реальную историю, услышанную от непосредственного их участника? Я был близким другом погибшего Кости Колпащикова и уже после вывода войск из Афганистана встретился с Ильдаром Ахметшиным, от которого и узнал о подробностях этого боя и гибели наших парней. Ильдар погиб в ДТП в 1996 году. Земля Вам пухом, братишки... Прошу тех авторов, которые раньше меня изложили эту трагичную историю, не судить меня строго.

Вечер, пятое февраля 1988 года.

— По полученной от агентуры разведанным, в кишлаке Шабан расположилось бандформирование численностью до десяти человек. Вашей группе необходимо провести поисково-засадные действия в двух километрах западнее населённого пункта. Задача: не допустить прорыва бандитов из кишлака до подхода основных сил. Состав группы: три бронетранспортёра, двадцать семь разведчиков. Вам придан расчёт гаубицы Д-30 под командованием капитана Гнид. Дополнительно включен офицер штаба бригады старший лейтенант Польских. Есть вопросы, товарищ старший лейтенант? — командир триста семидесятого батальона майор Еремеев смотрел на командира РГСПН 632 Ильдара Ахметшина.

— Никак нет, товарищ майор!

— Начальник штаба, начальник разведки, у Вас есть что добавить?

— Товарищ майор, — взял слово начальник штаба, — у меня младший лейтенант Колпащиков, переводчик, просится на боевой выход. Это мой лучший помощник. Пусть сходит с бронегруппой.

— Не возражаете? — комбат повернулся к начальнику разведки и Ахметшину.

— Пусть идёт, товарищ майор. Колпащиков у нас уже полгода. До этого пару месяцев в Шахджойском отряде послужил, оттуда отзывы хорошие. Да и у нас он уже успел повоевать, опыта набрался, — кивнул головой начальник разведки.

— Согласен, — не стал возражать командир группы.

Основной задачей отрядов спецназа в Афганистане было ведение эффективной антипартизанской войны. Кроме уничтожения бандформирований в ходе масштабных войсковых операций, спецназ перехватывал караваны моджахедов, создавая серьёзные трудности в обеспечении оружием, боеприпасами, снаряжением и лекарствами войска оппозиции.

Зона ответственности триста семидесятого отдельного отряда специального назначения была огромная: провинции Гильменд, Нимруз и западная часть провинции Кандагар, а ещё пустыни Регистан и Дашти-Марго (Пустыня смерти). По фронту это триста километров и глубину более двухсот километров. Сам отряд располагался на окраине кишлака Лашкаргах в провинции Гильменд, поэтому в обиходе его называли «лашкарёвским».

Попробуйте перехватить караван, который движется по пустыне, по местности, где нет никаких дорог, а только караванные тропы, лишь иногда проходя по сухим руслам рек, представавшими в виде накатанной колеи.

Только невероятное чутьё караванщиков и их умение находить ориентиры в бескрайних раскалённых песках позволяло караванам преодолевать эти безжизненные территории.

И эти караваны практически каждые сутки прорывались со стороны Пакистана через перевал Шебиян по пустыням Дашти-Марго и Регистан в центральные районы Афганистана.

Караваны были разные. Обычно шли вьючные, состоящие из десяти-двадцати верблюдов. Довольно часто ехали автомобили, число которых доходило до трёх-четырёх, но иногда их могло быть и гораздо больше. Движение бандформирований в составе караванов, которые везли так необходимые для ведения боевых действий боеприпасы, оружие и снаряжение, осуществлялось в основном в ночное время.

Промышленные и продовольственные товары тоже везли, как говорится: война войной, а обед по расписанию.

Раннее утро. Лёгкие втягивают пока ещё свежий прохладный воздух. Солнце только начинает появляться, поднимаясь из-за барханов, а лопасти вертолётов уже начинают своё вращение, прогревая двигатели. Досмотровые группы по двенадцать человек в каждой садятся в два вертолёт Ми-8. Рядом к взлёту готовятся две вертушки прикрытия — Ми-24.

Контрольный взлёт. Лётчики зависли метрах в трёх над вертолётной площадкой, проверили работу двигателей, слегка коснулись колёсами земли и, снова поднявшись, хищно рванули вперёд. Задача: провести воздушную разведку местности до того, как температура воздуха поднимется настолько, что вертолётам станет сложно летать.

Уже полмесяца проходит войсковая операция Юг-88. Командование 40-й общевойсковой армии спланировало боевые мероприятия по уничтожению банды муллы Насима, которая, по оперативным агентурным данным, насчитывала около десяти тысяч человек.

Правительство Афганистана обратилось с просьбой о помощи к советским войскам, потому что мулла Насим не шёл на переговоры и не давал возможности местным властям организовать эксплуатацию ГЭС в кишлаке Каджаки. К тому же плотина, расположенная на реке Гильменд, кроме обеспечения электроэнергией ещё и орошала более тысячи восьмисот квадратных километров засушливых земель.

В зоне проведения операции уже работали четыре группы спецназа от триста семидесятого отряда и три группы от сто семьдесят третьего (Кандагарского) отряда спецназа. И в первые восемь суток было перехвачено три каравана со стрелковым оружием, боеприпасами, снаряжением, медикаментами, реактивными снарядами и ПЗРК «Стрела» польского производства.

Шестое февраля 1988 года, раннее утро. Разведгруппа специального назначения 632 под командованием Ахметшина на трёх бронетранспортёрах выдвинулась на выполнение поставленной боевой задачи.

Не доезжая до кишлака Шабан, бронегруппа начала уходить правее, и тут старший лейтенант Ахметшин услышал со стороны кишлака характерную стрельбу из пулемёта ДШК, а потом увидел в небе четыре небольшие точки, советские вертолёты, которые попали под вражеский обстрел. Скомандовав водителю своего БТРа идти прямо на вертушки, Ахметшин вытащил «Ромашку» (рация для связи с авиацией) и начал вызывать их на связь.

— Воздух! Я земля! Воздух! Я РГ шесть-три-два! Вижу Вас! Что у Вас происходит?

— Воздух! Воздух! Я на трёх БТРах, готов оказать поддержку! Откуда по Вам вёлся огонь? Дайте целеуказание!

— Вижу Вас, земля! Кишлак Шабан! Рядом гора! С неё по нам вёл огонь один ДШК.

— А из самого кишлака по Вам стреляли?

— Нет! Кишлак пустой! Духов не наблюдаем!

Вертолёт развернулся и стал уходить в сторону от кишлака, возвращаясь на базу.

— Булыга, — позвал водителя БТРа Ахметшин, — сейчас возьми чуть левее и тормозни.

Остановив бронегруппу, Ахметшин по радиостанции вызвал на связь офицеров, находящихся на втором и третьем бронетранспортёрах.

Старший лейтенант Польских, тоже выпускник того же РВ2КУКУ, как шутили сами десантники, на информацию Ильдара о ДШК на горе отреагировал тут же:

— Они не могли далеко уйти! Не успели! Предлагаю прочесать гору.

— Согласен, — младший лейтенант Колпащиков, переводчик роты, имел за спиной уже больше десятка боевых выходов как на броне, так и в составе группы, показав себя толковым и боевым офицером, что подтверждалось недавним его представлением к ордену Красная Звезда.

— Хорошо. Слушай Боевой Приказ. Вдоль кишлака выдвигаемся к подножию горы Шабан. Бронетранспортёры рассредоточиваются таким образом, чтобы контролировать и простреливать всю её территорию. Разведгруппа спешится и прочешет все склоны горы в поисках духов с ДШК...

Пыль и песок, поднимаясь из-под колёс впереди идущего бэтэра, не давали младшему лейтенанту Колпащикову рассмотреть дувалы кишлака, который бронегруппа оставляла немного в стороне, огибая его по краю местного кладбища. Третий бронетранспортёр, на котором он ехал, заволокло сплошной пыльной завесой, поэтому и на команду Ахметшина «К бою!» он среагировал с задержкой в несколько секунд.

Первый залп духовских гранатомётчиков пришёлся по первому и второму БТРа. Только к моменту, когда машина от попавшей в неё гранаты загорелась, разведчики уже спрыгнули с неё, занимая круговую оборону.

Почти все, кто был сверху второго бронетранспортёра, успели десантироваться на ходу до того, как ещё один залп РПГ-7 подбил его. Лишь рядовой Лебедев, сапёр, замешкался, не успел спрыгнуть с брони и заживо сгорел от разрыва мины с фосфорной начинкой.

Следующая граната вошла прямо в люк, от детонации взорвались огнемёты, мины, гранаты. У стрелка-наводчика младшего сержанта Гавриленко и рядового Голощапова, которые были внутри, не было ни одного шанса остаться в живых... Взрывом оторвало и отбросило в сторону башню машины.

Несмотря на внезапность атаки духов и понесённые потери, разведчики рассредоточились на местности и открыли ответный огонь по противнику, не давая ему подобраться ближе.

Лейтенант Колпащиков был молодым, красивым парнем чуть старше двадцати одного года, среднего роста с со светлыми волосами. За добрую улыбку и добродушие одноклассники прозвали его Винни Пухом. Он отучился курсантом военного ВУЗа всего год, закончив ускоренные курсы переводчиков, но поступил туда после службы в войсках ВДВ в Группе советских войск в Германии, так что, попав в Афганистане в спецназ, Костя не слишком комплексовал и быстро влился в офицерский коллектив.

Его третий бронетранспортёр не пострадал от атаки врагов. Хотя духовские гранатомётчики попытались поджечь его машину. Одна из гранат чудом прошла рядом с бортом и разорвалась, воткнувшись в нескольких метрах от БТРа. Осколками зацепило двоих

бойцов. Костю слегка контузило, мелкий осколок процарапал ухо. Не обращая внимания на побежавшую кровь, он нагнулся к люку и крикнул водителю:

— Сдавай назад! Надо выйти из-под огня и поддержать наших!

Откатившись метров на сто, Костя приказал поставить БТР за небольшой холм так, чтобы только башня смотрела на кишлак, и открыть огонь из КПВТ, поддерживая своих. Десантникам, находившимся на броне, поставил задачу занять позиции вокруг машины и вести огонь, не давая бандитам подойти близко ни к ним, ни к ведущим впереди бой своим товарищам.

Старшего лейтенанта Ахметшина сбросило с бронетранспортёра взрывной волной. Его немного опалило и контузило, но он быстро пришёл в себя:— Занять оборону! Огонь! Огонь! — кричал Ахметшина. — Слушать меня! Надо продержаться полчаса! Отползайте подальше от машин! Там боеприпасы! Отползайте, пока они не взорвались!

Бойцы, прикрывая друг друга огнём, начали отползать от горящих БТРов. Сложнее было с ранеными. Их приходилось тащить по дну канавы, схватив за вытянутые руки.

Душманы попытались пойти в атаку, ведя массированный огонь не только из стрелкового оружия, но и миномётов, безоткатных орудий и реактивных систем залпового огня.

Вокруг остановившегося бронетранспортёра Колпащикова заиграли фонтанчики от попаданий вражеских пуль. Пришлось начать движение. Пока башенный стрелок вёл огонь по врагу, водитель маневрировал то вперёд, то назад, не давая противнику подбить себя.

По бортовой радиостанции младший лейтенант уже связался с полевым Центром боевого управления, доложил о ведущемся бое и сообщил свои координаты.

На помощь им сразу же выдвинулась дежурная бронегруппа.

Из-за того, что Ахметшин изменил маршрут бронегруппы, на ЦБУ не сразу сообразили где ведётся бой, но поднявшийся от горящих бронетранспортёров дым не оставил сомнений в правильности движения группы поддержки.

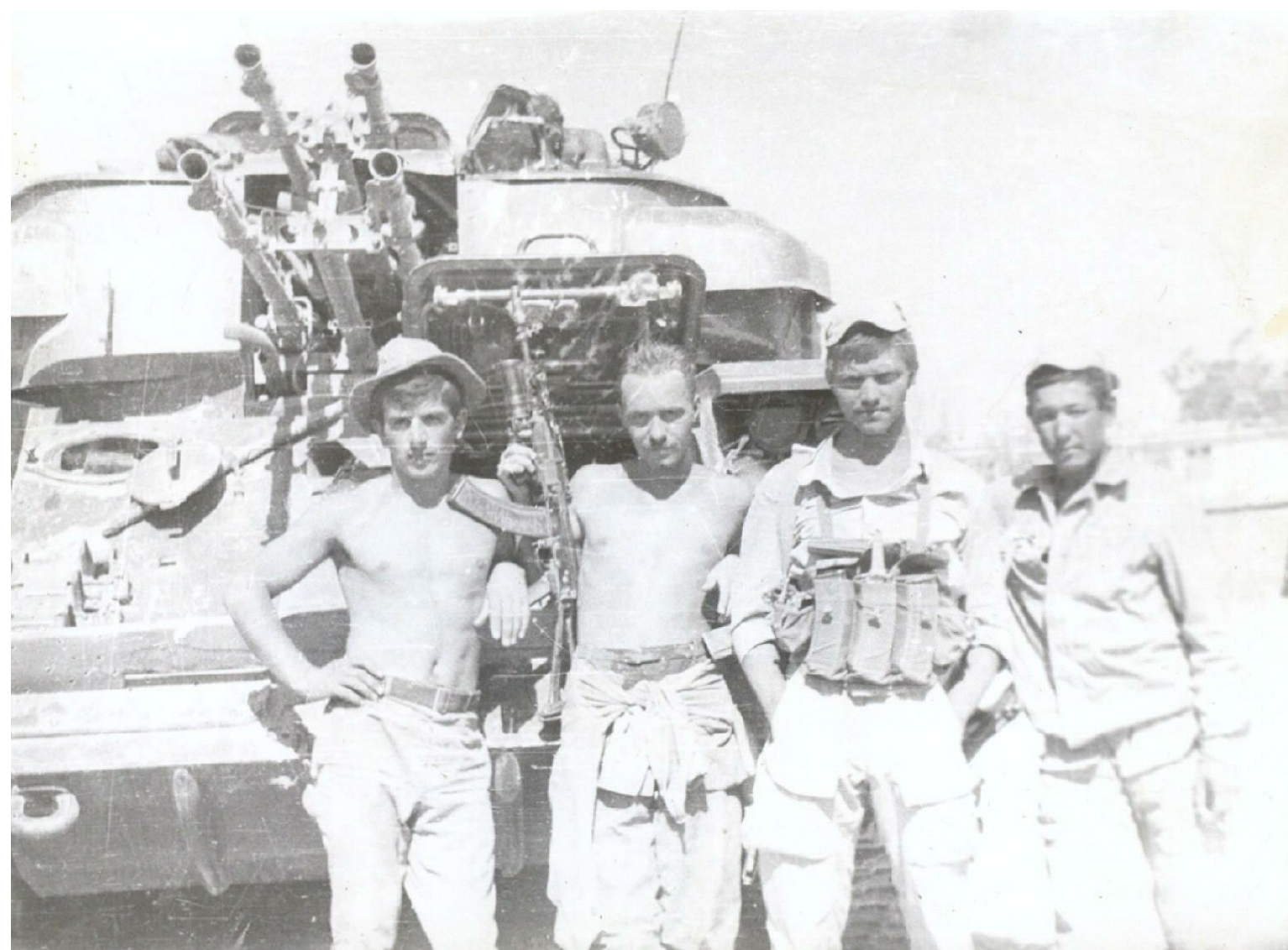
— Командир, духи в атаку пошли! — раздался крик кого-то из десантников.

Ильдар приподнял голову из канавы, и тут же просвистевшая пуля заставила её опустить, но за пару секунд он успел увидеть, как слева и справа перебегают стреляющие фигуры врагов в чёрных одеждах.

— Огонь по атакующим! Внимание! Духи пытаются нас обойти! Стрелять одиночными! Огонь по атакующим!

Дежурная бронегруппа капитана Федина на двух бронетранспортёрах и с одной Шилкой (советская зенитная самоходная установка) с ходу вступила в бой.

Из кишлака Шабан вёлся плотный огонь. Бронетранспортёры и Шилка в ответ начали обстрел вражеских позиций, пытаясь подобраться поближе к нашей горячей технике. От снарядов зенитно-артиллерийской установки Шилка душманы были вынуждены отойти глубже в кишлак на, видимо, заранее подготовленные, хорошо оборудованные позиции.

Бравые парни спецназа на фоне ЗСУ-23-4 «Шилка».

И, несмотря на это, эвакуировать группу старшего лейтенанта Ахметшина пока было невозможно.

Ситуация изменилась только с подходом помощи из пятой отдельной мотострелковой дивизии. Танк Т-62 и боевая машина пехоты начали методично бить из своих пушек, уничтожая огневые точки и живую силу противника. Затем к работе по площадям подключились дальнобойные армейские 152 мм самоходные орудия «Гиацинты» и гаубицы Д-30, превращая кишлак в руины.

Бросив позиции, душманы скрылись через систему подземных туннелей, называемых кяризами...

— Ильдар, чего Вы туда попёрлись? Ты вообще должен был работать в другом районе! — командир третьей роты капитан Федин устало облокотился на бронетранспортёр.

— Гору решили прочесать. Духи наши вертушки оттуда из ДШК обстреляли. Я с лётчиками по «Ромашке» пообщался, они мне сказали, что кишлак пустой. Кто ж знал, что у них там целый укрепрайон создан? Мы по окраине пройти хотели, а там «Чёрные аисты» нас и встретили...

— Там духи оборону заранее подготовили. По нам тоже хорошо долбанули, когда мы к Вам пытались пробиться, — хмуро проговорил Федин. — Спасибо пехоте за танк и БМПшку. Да и боги войны хорошо поработали. Кишлак с говном смешали.

— Они нас из гранатомётов встретили и то ли минами с фосфорной начинкой, то ли

фосфорными снарядами из безоткатки накрыли. У меня сапёр и башенный стрелок сгорели...

Уже в сумерках бронетранспортёры выехали на взлётную площадку, подготовленную недалеко от штаба командования проводимой войсковой операции.

Сначала в Ми-8 посадили раненных, затем на пол вертушки положили плащпалатки с телами убитых бойцов. Вертолёт раскручивал лопасти, раненый в голову старший лейтенант Польских уже сидел внутри машины, а Колпащиков и Ахметшин отказывались лететь.

— Командир, что мне там делать, у меня мочку уха слегка зацепило, — Колпащиков не торопился садиться на борт.

— Так, переводчик, давай в вертушку, тебе своё место борттехник уступил, как король между лётчиками полетишь.

Нехотя Костя запрыгнул в вертолёт.

— Ахметшин, теперь ты!

— Нет, командир.

— Тебе в госпиталь надо! В Кандагар.

Но ни уговоры, ни приказы ротного и командира батальона не смогли заставить Ахметшина полететь.

— Нет! У нас в санчасти, полечусь, — Ильдар и сам не мог объяснить, почему имея сквозное ранение ноги его трясло от одной мысли, что нужно сесть в вертолёт. Никогда и ничего он не боялся, а сейчас категорически отказался лететь.

Вертолёт начал набирать необходимую высоту и скорость, и вдруг...

Резко потеряв высоту, вертушка накренилась на бок и вращающимися лопастями зацепила за вершину песчаного холма. От сильного удара машина перевернулась и, съехав вниз по склону, загорелась.

Все, кто был рядом, бросились в упавшему Ми-8. И даже опасность взрыва не испугала тех, кто бежал к месту катастрофы.

По ходу движения вертолёта лежали дымящиеся тела...

В момент удара о землю пилотов и Костю выбросило из кабины через лобовое стекло. Они погибли мгновенно...

Из салона удалось спасти двоих раненных: старшего лейтенанта Польских и рядового Бульгу и ... борттехника, который уступил место переводчику.

Жизнь. Смерть. Они идут рядом. И никому не дано знать, что нас ждёт впереди. И не зря наши предки верили, что наши жизни уже прописаны в Книге Судеб...

Выживших погрузили в следующий вертолёт, направившийся в Кандагар.

Сердце старшего лейтенанта Валеры Польских не выдержало и остановилось, когда вертолёт уже заходил на посадку рядом с военным госпиталем...

Глава 3

Осень 1986 года, ВКИМО

Костя? — Костя!!! Живой! — я обнял своего друга и начал тискать в объятиях. — Юра, ты что? У тебя солнечный удар? — Костя смотрел на меня в недоумении, не понимая причин моего восторга, а я постепенно начал осознавать абсурдность ситуации. Погибший много лет назад Костя стоит передо мной живой и здоровый, на нем курсантская форма, впрочем, как и на мне... В моём теле легкость движений и полное ощущение здоровья и силы. Я глянул вниз и не увидел своего небольшого пуза, с которым в последние годы сжился. Что-то произошло, и это что-то вернуло меня на 37 лет назад, в мое молодое и здоровое тело. С детства любил читать книги о приключениях и фантастике, наверное, именно это позволило мне мгновенно сориентироваться и поверить — я переместился во времени и пространстве... — Блин, что-то я себя действительно неважно чувствую, — отпустил я Костю. — Какой-то ты бледный, — рядом стоял еще один мой друг, черноволосый, худощавый, подвижный как ртуть, Александр Гуревич, — ты бы присел. — Что случилось, курсанты? — а вот и наш курсовой офицер, старший лейтенант, по прозвищу ПТУР (противотанковая управляемая ракета). — Соколову плохо стало, товарищ старший лейтенант, — Костя шагнул вперед, — наверное, солнечный удар, разрешите, я его в санчасть отведу? Пока мы шли в санчасть, я старался глубже дышать, осматриваясь по сторонам и видя свой военный институт таким, каким он был в годы моей учебы. Почему был??? Есть. Именно здесь и сейчас. И я здесь, а не там, в 21-м веке. Сознание помутилось, я почувствовал тошноту и к горлу подкатил комок. Этого не должно быть, но это есть. Пора осознать и принять это как данность.

Я лежу в своей курсантской кровати. Мои однокурсники уже спят, провалившись в сон после тяжелого дня учебы и физических тренировок... Меня зовут Юрий Соколов. Ростом чуть выше среднего, к своим пятидесяти семи годам я был сидящим блондином с небольшим количеством лишних килограммов, что не мешало мне на турнике удивлять молодёжь. Из особых примет: шрам справа над верхней губой, как говорил один из киногероев, правда по другому поводу: «Эхо войны». Зацепило осколком гранаты на излёте, когда духи зажали нас в ущелье...

Школа, которую я окончил, была восьмилетней, но вопрос, где продолжать мне учёбу особо не стоял, да и выбор в нашем провинциальном городке с восьмидесятью тысячами жителей был небольшой. Я мог бы пойти в другую школу и получить аттестат о десятилетнем образовании, но, подумав, выбрал металлургический техникум, который готовил кадры для местного трубного завода. Ещё в школе ходил в разные спортивные секции: начиная с футбола, шахмат, духового оркестра и заканчивая картингом. Два года занимался карате, кото-рое в те годы было экзотикой, только скоро его стали повсеместно закрывать, и я переключился на классическую борьбу, которой увлекался до самого призыва на службу в армию, к семнадцати годам заработав звание кандидата в мастера спорта. В спорте меня привлекала не столько возможность накачать мышцы тела, сколько желание побеждать. Можно сказать, что уже тогда я получал удовольствие от адреналина, который повышал мою психи-ческую энергию и порой толкал на безрассудные поступки. В своей весовой категории до семидесяти килограммов я был чемпионом района и области, но на республиканских соревнованиях перегорал и выше пятого места не поднимался. Юношеский

максимализм не позволял мне отказаться от уличного мордобоя, когда мои сверстники ходили драться район на район, да и адреналин там зашкаливал. Брать с собой ножи запрещалось негласным пацанским кодексом, но шпакетники от забора в опытных руках оставляли на наших телах не менее сильные шрамы, особенно если в них торчали ржавые гвозди.

После выпуска из техникума решил отдать, как тогда говорили, свой долг Родине, отслужив в армии, которая неожиданно стала моей жизнью. Моё участие в войне в Афганистане, двух Чеченских и многочисленных военных конфликтах, происходивших на территории бывшего Советского Союза и не только, подтверждено боевыми орденами. Не дотянул до генерала, но полковничьи погоны получил лет за семь до отставки... Оглядываясь назад, мне часто хотелось вернуться и исправить многочисленные ошибки молодости, только никогда не верил, что это возможно.

И вот сегодня 27 сентября 1986 года. Еще днём я был в своем кабинете в 2022 году и рассматривал немецкий кинжал... Да! Именно в нем отгадка всего, что со мной произошло. Только куда он делся? Когда я пришел в себя на полосе препятствий, на которой проходил тренировки наш ускоренный курс, в моих руках ничего не было. Значит, он остался там, в моем будущем.

— Курс, подъем! Я намотал портянку на левую ногу и обул сапог. Теперь правый. Курс быстро выбежал на утреннюю зарядку. Хорошо, что тело привыкло к нагрузкам, и у меня не возникает проблем, оставляя позади очередной километр. Лефортовский парк, избеганный нашими курсантами вдоль и поперек, проносится мимо круг за кругом. Это не мешало мне думать, и поскольку на вопрос, что перенесло меня в прошлое, я ответ знал, то меня теперь волновали два вопроса: зачем меня перенесло и как теперь жить? Умывание, завтрак, учеба. По поводу последней мои волнения оказались напрасны. Зато разволновался Александр Иванович, капитан Камень. Я и сам такого от себя не ожидал. Наверное, на меня действовали перенос и психологический стресс. Память выдала все, что я успел узнать, изучая афганский язык в своем будущем, а ещё она стала фотографической, и стоило мне один раз что-либо увидеть, как это отпечатывалось в моём сознании навсегда. — Соколов тасу кавели ши че пе пахто банди яв цо люгатуна вувайи? Дэ Афганистан пэ баб. (Соколов, Вы можете сказать на пушту несколько слов? О Афганистане). — Хо, зе пе пахто хабари кавели шим... (Да, я на пушту могу говорить). Так легко я не говорил, даже после шести лет изучения языка пушту. Казалось, слова складывались в грамматически правильные предложения без всякого напряжения с моей стороны. Я быстро отвечал на вопросы нашего Камня, не задумываясь и играя оборотами речи, чего не замечал за собой даже в период интенсивных занятий языком. После моего краткого рассказа об истории Афганистана Камень долго молчал. — Соколов... Вы сами можете объяснить свои появившиеся знания языка пушту? — Товарищ капитан, это, скорее всего, всё Ваши занятия под гипнозом с погружением в сон, — я старался выправить ситуацию, в которую влез, не подумав о последствиях. — Ладно, садитесь, сегодня пять.

Память проявилась не только в отношении языка, но и всех учебных предметов, изучаемых нами. Было странное ощущение, как будто в нужный момент в моей голове что-то переключалось и знания переполняли меня.

Все, что я когда либо читал, слышал и видел, разложилось по полочкам и легко доставалось мною при необходимости. День пролетал за днем. Подъем, зарядка, учеба, рукопашный бой, ночные бдения над учебниками в Ленинской комнате. Я заново проживал

свою жизнь. Только сейчас я осознал, насколько сильно нагружали нас, готовя к выполнению «интернационального долга» в горячих точках. Моя языковая группа изучала язык пушту и состояла из девяти человек: семеро поступили из армии, отслужив кто год, а кто, как я почти два года, один окончил суворовское училище и ещё один попал к нам сразу после десятилетки. Командиром поставили крепкого парнишку, казаха по национальности, который из своих степей попал служить в морскую пехоту и за год дослужился до сержанта. Первоначально не все из нас до конца понимали, куда и на кого мы пришли учиться, но постепенно рассказы преподавателей, которые почти все прошли Афганистан, прочистили наши головы от глупой романтики, заставив углублённо заниматься изучением языка и воинскими дисциплинами. Во мне жило две памяти. Одна охватывала жизненный путь длиной в пятьдесят семь лет, а вторая делала ответвление в сентябре 86-го и жила своей жизнью.

— Парни, можно к Вам? — в дверь пару раз постучали, а потом в проёме появилась голова Сашки Коршунова, одного из самого молодого курсанта нашего курса. Он поступил в институт после десятого класса, как говорили, «по большому благу», кто-то из его родных имел неплохие связи в Министерстве обороны. Худощавый светловолосый юноша, которого воспитывали в интеллигентной семье и, видимо, так сильно опекали, что в свои семнадцать лет он был очень наивен, не зная многие жизненные вещи.

— Можно Машку за ляжку, да через промокашку, — тут же отреагировал командир нашей языковой группы сержант Султанов, — в армии говорят: «Разрешите»! Чего хотел?

— Мы в своём кабинете окна моем. Их уже год, наверное, никто не мыл, оттереть не можем, так мне Илья Левин дал поручение баночку менструации найти.

Вся наша группа закатилась безудержным смехом. Такие шутки были в ходу у командира третьей группы персидского языка сержанта Левина.

А ещё раньше Илья отправил к нам Сашку узнать, какой длины у танка И-80 клитор. Мне было его немного жалко. Я и в прошлой жизни помогал ему разобраться в тонкостях армейской жизни и юмора, а сейчас, можно сказать, взял над ним шефство, опекая от слишком надоедливых личностей, которые любили поиздеваться над более слабыми, чем они.

И пока все над ним угарали, я подошёл и объяснил ему, что у танка клиренс сорок пять сантиметров, а клитор у женщин и он совсем небольшой.

— Спасибо, Юра, — поняв свою оплошность, Саша густо покраснел и постарался побыстрее выскочить из нашей аудитории...

— Юрчик, не сможешь пойти в наряд вместо меня? — Володька Лебедь смотрел глазами кота из мультфильма про Шрека... Чёрт возьми, память подбрасывает воспоминания из будущего, и моё я разделяется на неравные половины, — ко мне Наташка из Калинина приезжает, а ПТУР меня в наряд поставил.

Калинин?

Память выдала справку: Древний город, основанный в 1135 году в 1931 году город Тверь Московской области был переименован в Калинин в честь советского партийного и государственного деятеля, уроженца Тверской губернии М.И.Калинина, а в 1990 году ему возвратят историческое имя.

Я усмехнулся: у меня же там в особо охраняемой зоне Завидово, полгектара земли и дом... То ли было, то ли будет. В общем, опять мозги греются.

— Могу и сходить, только как ты себе это представляешь? ПТУР поставил тебя, а тут я на тумбочке нарисовался?

— Да я с Казахом договорился, — как я уже говорил, командиром нашей языковой группы был сержант родом из Казахстана, — а ПТУР сегодня уже ушёл и завтра у него выходной, — Лебедь, боясь, что я откажусь, схватил меня за руку, — я потом для тебя, что угодно сделаю. Ну там в наряд, в столовку пойду или в каптёрке порядок наведу.

— В каптёрке у меня всегда порядок... Ладно. Договорились. Свои люди сочтёмся.

Я пошёл готовится к заступлению в наряд по одногодичным курсам, а счастливый Лебедь побежал на КПП встречать любимую.

Небольшое отступление — пояснение о ВИИЯ-ВКИМО:

Славная история Военного института иностранных языков, сокращённо ВИИЯ, началась 1 февраля 1940 года, когда Совнарком СССР принял постановление о создании при Втором Московском государственном пединституте иностранных языков Военного факультета. Эта дата считается днем рождения Военного института иностранных языков, сокращённо ВИИЯ.

12 апреля 1942 г. приказом НКО СССР Военный факультет западных языков при 2-м МГПИИЯ был преобразован в Военный институт иностранных языков Красной Армии. В этом же приказе говорилось, что в состав института вошли факультет восточных языков при Московском институте востоковедения и военные курсы иностранных языков г. Орска. Формировал институт и стал его первым начальником генерал-майор Н. Н. Биязи. За время своего существования институт неоднократно переименовывался. Вначале он носил название ВИИЯ КА — Военный Институт Иностранных Языков Красной Армии. Затем институт переименовали в Военный Институт Министерства Обороны СССР, позднее — Военный Краснознаменный Институт МО СССР. В новой России институт назвали Военной академией экономики, финансов и права, а затем университетом, пока его не соединили с Гуманитарной академией Вооружённых Сил Российской Федерации и не создали на их базе Военный университет имени князя Александра Невского.

Выпускникам Военного Института не требовалось в последующем учиться в военных академиях, поскольку сам институт был в ранге академии. И не редко вышедшие из его стен без дополнительного академического образования становились генералами в Министерстве обороны и других различных ведомствах, таких как КГБ и ФСО. Особенно любили выпускников ВИ «покупатели» ПГУ КГБ СССР (Первого главного управления), позже переименованного в СВР (Службу внешней разведки). Он выпустил массу известных людей, его окончил и знаменитый фантаст Аркадий Стругацкий.

В 1974 году к ВИИЯ присоединили военно-юридический факультет, таким образом образовался ВКИМО (Военный Краснознамённый Институт Министерства Обороны). Поскольку в Военном институте учились не только переводчики, но и юристы, то они могли занимать высшие юридические должности в ранге генерал-полковника — Председателя Военной Коллегии Верховного Суда СССР, Главного военного прокурора Генеральной прокуратуры СССР.

Во времена "холодной войны", а если конкретней, то в 1983 году, немецкий журнал "Штерн" назвал институт не иначе как "осиным гнездом советской разведки", хотя в СССР ВИИЯ не значился в списках военных учебных заведений, да и вообще не упоминался ни в каких открытых публикациях.

В институте было пять факультетов:

Западный факультет.

На нём курсанты изучали западные языки (английский, немецкий, венгерский, финский и т. д.). Исключением были Ускоренные курсы, сокращённо Ускор, на которых в течение десяти месяцев курсантам предлагалось изучить один иностранный язык, при чём не обязательно западный. На Ускоре учили тем языкам, в которых возникла острая необходимость в ходе выполнения «интернационального долга» в различных точках нашей планеты. Для Кубы готовили переводчиков испанского языка, для Афганистана языков

пушту и дари, для Анголы и Мозамбика — португальского.

Не все выдерживали жёсткий распорядок учёбы, проходящей с утра и до поздней ночи: иностранный язык, физическая, строевая, военная и боевая подготовка не оставляли времени для расслабления. Кто-то бросал учёбу и уходил дослуживать в Советской Армии, а кто-то даже становился пациентом психиатра. Зато после десяти месячного ада мальчишкам присваивали звание младший лейтенант. А так как на Ускор принимали не только отслуживших в СА или прямо со службы, но и выпускников суворовских училищ и десятых классов, то были случаи присвоения офицерского звания младший лейтенант семнадцати летним юнцам. И они отправлялись на войну на два года в одну из стран Африки или в Афганистан. В Союз юнцы возвращались лейтенантами, а некоторые даже старшими лейтенантами, светя иконостасом из боевых орденов и медалей, большинство которых были получены за непосредственное участие в боевых действиях. Были и потери. Свыше 50 выпускников, слушателей и курсантов сложили свою голову на чужой земле... В 1971 году над Атлантикой пропал АН-22, летевший в Перу с грузом гуманитарной помощи для пострадавших от землетрясения, это был военный самолет, и среди погибших есть слушатель ВИИЯ, который был бортпереводчиком. Погибали в Египте, в Сирии, в Йемене, Анголе Афганистане — где только не погибали!

Восточный факультет.

Здесь изучали восточные языки. Их количество зависело от потребности страны в переводчиках в арабских странах, странах Юго-восточной Азии, Индокитая, т. е. там, куда поставлялось советское вооружение, направлялись военные советники и зачастую велись боевые действия. Кхмерский, хинди, тайский, амхарский, фарси, иврит, малагасийский, вьетнамский, китайский, африкаанс, яванский и т. д., а к ним обязательно какой-либо западный язык: английский, французский, голландский или испанский, в зависимости от того, чьими колониями на протяжении долгих лет были эти страны. Самые умные и блатные изучали японский язык, который считался самым сложным — там чаще всего у курсантов «ехала крыша». Самыми многочисленными были курсы китаистов, и они же самые несчастные, у тех, кто его освоил, путь был один — десятилетиями сидеть на Дальнем Востоке в ОСНАЗе и заниматься радиоперехватами. Шансов поехать в Китай тогда не было никаких...

Факультет спецпропаганды.

В Советском Союзе пропаганде и идеологии уделялось очень много внимания. В то время через радиостанции мы вещали практически во все страны мира на всех языках, культивируя советский образ жизни. А в локальных конфликтах, таких как в Афганистане, даже принимали участие наши агитбригады! В дипломе у вышедших из стен института лейтенантов была указана специальность — политработник со знанием двух иностранных языков, но в реальности их учили куче способов: выворачивать наизнанку мозги потенциального или реального противника, работать с общественным мнением, убеждать людей, что сопротивление бесполезно и в плену им будет лучше.

Женский факультет.

Туда принимали в основном дочерей и внучек высшего командного состава, редко полковников. Там учились внучки маршала Баграмяна, маршала Конева, многих видных военачальников и партийных деятелей. Сам факультет создали в 70-х годах, в связи с чем среди курсантов ВИИЯ ходила легенда, что он был создан по приказу тогдашнего министра обороны, маршала Советского Союза, дважды Героя Советского Союза Гречко А. А., то ли

для его молодой любовницы, то ли для внучки.

Курсистки носили синюю форму и получали стипендию девяносто рублей, очень неплохие деньги по тем временам. Вообще их нужно было видеть. Толпа девок маршировала по плацу, нестройно стуча туфлями на каблуках, как стадо лошадей копытами, и ещё пытались изображать из себя нечто военно-строевое.

В институте любили проводить праздничные концерты и однажды пригласили Владимира Винокура. Он вышел на сцену, посмотрел на зал и сказал:

— Ой, что-то тут много девочек в синеньких костюмах. Это пэтэушницы?

В то время у учащихся ПТУ была похожая форма.

Такой гул возмущения в зале пошёл! Форма — это была болезненная тема для курсисток. Они все на институтских собраниях требовали обрядить их в зелёную форму, но единственное, чего смогли добиться, так это чтобы парадная форма была такая же, как у остальных курсантов.

Юридический факультет.

Это был самый многочисленный, по полторы сотни курсантов на курсе, факультет. Курсанты отличались от других курсантов тем, что на петлицах носили эмблему щита с мечами. Курсанты других факультетов носили обычную общевойсковую эмблему. Нужно заметить, что в плане обучения юристы проходили не только юриспруденцию, но и военную подготовку, изучали военную технику, тактику до действий дивизии включительно. Из них получались профессионалы высочайшего класса.

Министр Гречко, который благоволил к институту, выделил на ВИИЯ значительные средства. Институту построили два шикарных корпуса, один выглядел небоскрёбом (при этом на шестнадцатый этаж запрещалось ездить на лифте на первых курсах, и курсанты, тяжело пыхтя, поднимались по лестнице), аудитории, оснащённые по последнему слову техники — от нажатия кнопки опускались экраны в классах, можно было просматривать слайды. В специально оборудованном лингафонном кабинете переводчики часами слушали иностранную речь, для натуральности перемежаемую звуками выстрелов и разрывами гранат.

Вообще в то время ВИИЯ был подчинён военной разведке. И традиции там были соответствующие. В институте был спецфонд, куда доставлялись иностранные журналы, военные справочники, всё то, что остальным людям не то, чтобы не дозволялось, но было недоступно. В числе преподавателей было много разведчиков и нелегалов, работавших «на холоде», то есть тех, кто работал в иностранном государстве под видом гражданина этой или какой-либо третьей страны в соответствии со специально разработанной для него до мельчайших деталей биографией (легендой).

Например, немецкий язык преподавал легендарный человек полковник Б. - всю войну пробывший нелегалом в Германии, его даже в Гестапо пытали. После войны он работал барменом около американской военной базы и собирал информацию у пьяных янки. Жил на нелегальном положении в США. Рассказывал, что его приключения в гестапо ерунда по сравнению с тем, как он однажды проспал остановку в Нью-Йоркском метро и заехал в Гарлем, вышел из вагона и на него уставилось несколько негров-людоедов. Спасибо, что очень хорошо бегал.

Ещё один полковник, преподававший тактику, был без обеих ног, но ходил на протезах так, что мало кто об этом догадывался. Ноги он оставил на нейтральной полосе во время арабо-израильского конфликта, когда пытался снять с подбитого израильского танка

приборы ночного видения.

О ВИИЯ в книге *Inside Soviet Military Intelligence* написал выходец из ГРУ, предатель Родины Виктор Суворов. Как обычно бывает, если человек знает о чем-то понаслышке, он обязательно напишет разную чушь. В частности, Суворов утверждал, что существовал особый порядок приёма для детей высших чинов. По его словам, дети генерал-полковников принимаются без экзаменов, дети генерал-лейтенантов — после поверхностного экзамена, а детей жалких генерал-майоров на экзаменах просто-напросто истязают, запугивают и стараются завалить. Полная чушь. Вступительные экзамены сдавали все. Другое дело, что кто-то мог и провалить экзамен, но при этом всё равно поступить в военный институт.

А сколько баек ходит про Военный институт! Вот одна из них:

Вечером, обходя здание, полковник, который дежурил по ВИИЯ, обнаруживает в темном углу лингафонного кабинета курсанта и курсистку:

— Так, чем Вы тут занимаетесь??

— Языком, товарищ полковник!

— Так, у вас какой язык, товарищ курсант?

— Французский, товарищ полковник!

— А у вас какой язык?

— Немецкий, товарищ полковник!

— Так каким же языком на... Вы тут занимаетесь???

Военный институт иностранных языков ВИИЯ, а в последующем ВКИМО, был одним из самых престижных вузов МО СССР. Выпускники ВИИЯ были переводчиками высочайшего класса. Да, выпускники гражданских вузов, таких как Ленинградский государственный университет, МГИМО, институт стран Азии и Африки, Московский ИнЯз им. Морис Тореза, тоже хорошо знали иностранные языки, но переводить в мирное время или под вражеским огнём совершенно разное дело. Сможет гражданский переводчик провести экспресс допрос пленного в полевых условиях, когда время допроса ограничено, а по следам разведгруппы идут матёрые враги? А если при этом к допрашиваемому для ускорения получения информации приходится применять физическое или психическое воздействие? Гражданских такому не учат.

Внутренняя жизнь вуза существенно отличалась от других военно-учебных заведений. Формально все необходимые армейские атрибуты и ритуалы — разводы, патрули, караулы, наряды, строевая подготовка, полевые выходы со стрельбами и рытьем окопов, марш-броски во время лагерных сборов и т. п. — в ВИИЯ присутствовали, но с молчаливого одобрения командования исполнялись без излишнего фанатизма, присущего классическим командным и прочим "конно-беговым" училищам. Были и иные послабления, из-за чего курсантам ВИИЯ люто завидовали носившие такие же петлицы с "капустой" и красные погонь курсанты МосВОКУ (Московское высшее общевойсковое командное училище).

К прекрасной языковой подготовке добавлялась возможность посмотреть мир, которой априори были лишены курсанты иных военных вузов. Старшекурсники переводческих факультетов и факультета спецпропаганды нередко отправлялись в командировки за рубеж, что делало их к выпуску прекрасными специалистами, в совершенстве владевшими двумя иностранными языками.

Ну и, конечно, девчонки, которые всегда любили военных и часто прогуливались вдоль ВИИЯ в надежде подцепить курсанта. А на заборе института периодически обновлялась надпись: «Умру, но выйду замуж за курсанта!».

Курсантские будни.

В своём прошлом язык пушту давался мне очень тяжело. Мои товарищи из языковой группы уже к концу ноября всю говорили на языке, а я, как умный пёс: всё понимал, но сказать ничего не мог. Чисто психологический барьер какой-то был. Повезло, что наш Камень это понял, сам мне говорил:

— Соколов, это у тебя память накопительного типа. Вот накопишь достаточную словарную базу, и она пробьёт твою плотину.

Так тогда и вышло. Правда, для этого мне пришлось мучиться пять месяцев.

В этот раз, я уже об этом говорил, всё, что я когда-либо читал, слышал и видел, разложилось по полочкам и легко доставалось мною при необходимости.

06:00 — Курс, подъём! — голос старшины не дал досмотреть мне какой-то ностальгический сон из моего прошлого-будущего.

06:10. Мы выбегаем на зарядку и мчимся по просыпающимся улицам Москвы, мимо старого ликёро-водочного завода Кристалл в ближайший парк. Сегодня это парк имени Первого мая.

— Кто добежит до парка первым, в субботу пойдёт в увольнение! — этот возглас ПТУРа подстегнул самых длинноногих курсантов.

Я, к моему сожалению, к ним не относился, поэтому продолжил свой бег не спеша.

06:50. Вернулись в казарму, занимаемся утренним туалетом и заправкой постелей, они должны быть идеально заправлены, с чёткими кантами на одеяле, отбитыми специальными дощечками. Их придумали наши умельцы из числа прошедших службу в Советской армии. Вроде мелочь, а помогают улучшить настроение нашего ПТУРа и поднять шансы получить заветную увольнительную.

07:15. Утренний осмотр. Кое-кого заставляют перешить подворотничок, но мне это не грозит, опыт даже через много лет не пропьёшь.)

07:30. Завтрак.

07:50. Личное время и подготовка к занятиям. Те, кто не успел вечером или ночью доделать задание для самоподготовки, торопливо листают учебники и зубрят новые знания.

09:00. Начало учебных занятий.

14:10. Обед. Кормили нас очень неплохо. Каждый день на второе котлеты или сосиски с гарниром, в четверг только рыбный день.

14:40. Личное время. Самое время вздремнуть в каптёрке. Мне, как и в первой жизни, повезло заведовать лопатами и метёлками, для которых было выделено отдельное помещение на первом этаже нашей казармы.

15:10. Самоподготовка.

18:00. Все в мыле, подгоняемые ПТУРОм, мы несёмся в Лефортовский парк, чтобы успеть перед ужином пробежать свои пять километров.

18:40. Личное время. Надо успеть умыться и привести себя в порядок перед ужином.

19:20. Ужин.

19:45 Личное время. Смотрим информационные новости, чтобы быть политически подкованными.

21:15. Вечерняя прогулка. Мы идём строем и разрабатываем свои лёгкие бравурными

песнями.

21:25. Вечерняя поверка.

21:30. Вечерний туалет.

22:00. Отбой.

После отбоя жду ухода из казармы ПТУРа и иду в ленинскую комнату. Времени на самоподготовку катастрофически не хватает. Даже мне, получившему второй шанс, приходится листать учебники и освежать в памяти забытые знания, а что уж говорить о остальных курсантах. С пушту у меня полный порядок, а вот со знаниями по тактике и стратегии полный швах. То ли у меня их и раньше не было, то ли память на них не сработала.

Чудесное спасение.

Первый раз суперспособности проявились у меня спонтанно.

Начало октября, мой день рождения выпал на четверг, но напряжённый график учёбы не позволил отметить его в этот день. В субботу наш курсовой офицер примчался с утра в казарму, как будто он был двуязычный и ему не хватило пяти рабочих дней для муштровки курсантов.

— Курс, становись! Равняйся! Смирно! Товарищ старший лейтенант, одногодичный курс для утренней зарядки построен, в строю девяносто один курсант, два человека в санчасти, два на гауптвахте, три курсанта отпущены в увольнительную до вечера воскресенья.

— Вольно! Слушай мою команду! В колонну по пять стройся! Сегодня бежим в парк имени Первого мая! Налево! Бегом марш!

Ворота открылись, и мы выбежали из стен института. Пересекли Волчаевскую улицу, между домами по тротуарной дорожке выскочили на Слободской переулочек, дальше по Самокатной улице, мимо завода Кристалл и вот, наконец, Золоторожская набережная Яузы, наш любимый Детский парк культуры и отдыха Имени Первого мая. Парк создали в конце сороковых годов двадцатого века, сразу после Второй мировой войны, но деревья здесь ещё более старые. До революции парк располагался на обоих берегах Яузы, был засажен редкими растениями, с беседками, статуями, с целой системой прудов и каналов. Вся территория парка, включая нынешнюю территорию завода «Кристалл», принадлежала сначала князьям Салтыковым, потом графьям Головкиным, а затем князьям Разумовским. Пешеходные дорожки усыпаны жёлтыми, красноватыми и даже оранжевыми листьями. Мы бежим по аллеям вдоль террас, на которых растут старые канадские тополи и черешчатые дубы с большими широкими стволами и раскидистыми кронами. Воздух насыщен кислородом. В Москве пока нет такого огромного количества автомобилей, и загазованность ещё не стала проблемой центра города.

Добежав до спортивной площадки, мы размяли мышцы различными гимнастическими упражнениями и, разбившись на команды, сыграли по два пятиминутных тайма в футбол.

Обратная дорога прошла бы также обычно, как и раньше, если бы ко мне не подбежал Гуревич.

— Колёк, давай к Таньке заскочим! — Сашка вторую неделю встречался с девчушкой семнадцати лет, симпатичной на мордашку, но, как мне показалось при нашем первом знакомстве, хитрой и стервозной.

— На построение не успеем, — попытался остановить его я.

— Да ладно, успеем, Птур наших, как всегда, заставит ещё три круга по плацу намотать.

Поняв, что Гуревич от меня не отстанет, я кивнул ему:

— Хорошо, на пять минут.

Незаметно отделившись от нашей колонны курсантов, мы с Сашкой рванули к дому Тани, располагавшемуся буквально в трёхстах метрах от проходной Военного института.

Обогнав меня, Сашка забежал в подъезд. Я немного от него отстал и в этот момент услышал женский голос, сдавленно выдавливающий из себя слово:

— Помогите!

Подняв голову, я увидел маленького ребёнка, выпавшего с балкона, но в последний миг зацепившегося пальцами за его карниз и висящего на высоте шестого этажа. Из окна застеклённого балкона по пояс высунулась женщина, видимо, мать малыша, пытающаяся дотянуться до него.

Думать не было времени, и я, подпрыгнув, уцепился за балкон второго этажа, подтянулся, забросил ногу на карниз, в каком-то невероятном усилии подтянул себя и вылез на поручни балкона. Переместился ближе к стене, левой рукой опираясь на фасад здания, оттолкнулся от ограждения балкона и, схватившись за балкон третьего этажа, подтянул себя вверх. Наверное, в эти минуты меня можно было принять за человека-паука, так быстро я перемещался снизу — вверх. И вот уже я перемещаюсь по балконному ограждению пятого этажа. В тот момент, когда моя правая рука тянулась к ребёнку, его пальчики разжались, и он полетел вниз...

Как я успел подхватить его, объяснить сложно. Дёрнувшись к падающей девочке, моё тело вдруг почувствовало сопротивление, как будто я находился в воде, а мир вокруг замер в оглушающей тишине. С одной стороны пространство сопротивлялось моему движению, с другой оно сдерживало меня от падения. Мне казалось, что я просто наклонился вперёд, схватил ребёнка двумя руками, выпрямился и спрыгнул внутрь балкона.

После этого мир пришёл в обычное состояние, и мои уши разорвал крик матери, которая решила, что её малышка упала. Выглянув с балкона, я крикнул мамаше, что всё хорошо и девочка со мной. В ответ раздались громкие рыдания. В это время дверь балкона открылась и на него выглянул мужичок в трусах, с недоумением смотрящий на меня.

— А что здесь происходит?..

Отдав мокрой от слёз женщине спасённого ребёнка, не стал слушать слова благодарности, а быстро сбежав по лестнице, остановился на третьем этаже возле квартиры девушки моего друга. Позвонив в двери, я думал забрать Сашку, но открывшая мне дверь Татьяна сказала, что он только что убежал. Я развернулся, чтобы уйти, но её неожиданно сильная рука схватила меня и затащила в прихожую.

— Юра, подожди, — коридор прихожей был узкий, и Таня практически прижалась ко мне своей не маленькой грудью, которая частично выглядывала из-за расстегнувшейся верхней пуговицы халатика, — мне нужно поговорить с тобой с глазу на глаз.

— Зачем? Разве у тебя есть какие-то тайны от Саши? — слегка удивился я.

— Ты не понимаешь. Я объясню. Дело в том, что я не люблю Сашу. Мне нравишься ты! — И она потянулась ко мне губами, пытаясь поцеловать.

— Притормози, подруга! — Чтобы остановить её порыв, мне пришлось наклонить голову, убирая свои губы в сторону, а руками, схватившись за её плечи, отодвинуть Таню.

— Ты красивая девчонка, но Сашка мой друг, и даже если бы ты мне нравилась, то я бы никогда не встал на его пути.

— Что?! — из всего мною сказанного Татьяна поняла только то, что она мне не

нравится. — Почему это я не нравлюсь тебе?

— Извини, но как говорят англичане «the tastes are different», ты хорошая девушка, но не в моём вкусе.

— Пошёл вон! — резко отодвинувшись от меня, Танька распахнула дверь.

Посмотрев на её искажившееся в гневе лицо, я понял, насколько правы люди, когда говорят, что от любви до ненависти один шаг.

Выскочив из подъезда, я побежал в институт. На построение успел в последний момент и на удивление никто не заметил моего отсутствия, кроме командира группы, которому я сказал, что заскочил в туалет.

Праздники и тренировки.

В советские времена праздникам уделялось большое внимание. Люди много работали и хотели отдыхать. Трудовой календарь был единым для всех, и дней, окрашенных красным, ждали с нетерпением. К ним готовились, о них говорили, их ждали.

7 ноября в СССР отмечался государственный праздник Великой Октябрьской Социалистической Революции. Вы спросите, а почему революция октябрьская, а праздник 7 ноября? Просто это расхождение в старом и новом стиле календаря. 26 января 1918 года Советом народных комиссаров был принят Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря, нормативно-правовой акт о переходе Советской России на григорианский календарь. В этот день весь советский народ шёл на митинги и смотрел праздничный парад советских войск на Красной площади.

Самые счастливые курсанты ушли в увольнение, ну а мы, подстёгиваемые ПТУРОм, в честь прекрасного праздника бежим малый марафон двадцать километров. Наши ежедневные тренировки дали свой результат. Кто быстрее, а кто под конец черепашьям ходом, но все наши ускоровцы смогли выдержать это испытание и прийти к финишу.

В казарме царила безмятежная суматоха. Офицеры отсутствовали, а курсантский состав занимался тем, чем хотел: кто-то писал письма родным, кто-то сидел в Ленинской комнате и грыз гранит науки, а большая часть отдыхала на своих кроватях.

Лениво переворачивая страницы учебника по бронетанковым войскам, я понял, что учиться сегодня не хочу, и уже поддался общему весёлому настроению, подумывая переодеться в гражданку и махнуть в самоволку на пару часов подышать воздухом свободы, когда в Ленинскую комнату заскочил мой друг Гуревич. Его раздувающиеся, как у быка, ноздри и налитые кровью глаза сказали мне о моём ошибочном решении не говорить Сашке про приставания его подруги.

С момента, когда мы забегали к ней, прошло больше трёх недель. И всё это время нам не давали увольнительных, а единственная попытка моего товарища перелезть через забор института закончилась провалом. И хорошо, что его поймал наш дежурный по институту, а не комендантский патруль, иначе Сашка не отделался бы семью нарядами.

Сегодня другу, наконец, дали увольнительную, и, конечно, он побежал к Татьяне, которая, увидев, что Сашка не в курсе её предательства, рассказала свою версию нашего с нею последнего общения...

— Ты!!! Сука! Как ты мог! — эмоции били через край, и Гуревич бросился на меня с кулаками.

— Саша, чтобы она тебе не сказала, это всё ложь! — я сделал попытку остановить его, но, получив удар в челюсть, откинулся назад.

Что ж я за такой дурак, ведь помнил, что в прошлой жизни Сашка развёлся с Танькой через семь лет совместной жизни из-за её измен, но посчитал не вправе разрывать сердце товарища, видя его искреннюю любовь к ней.

Однокурсники оттащили Гуревича от меня, но с этих пор я потерял друга.

Так и пролетело время до Нового года. С увольнительными у меня не заладилось, успеть бы закрепить получаемую от учителей информацию.

Как и в прошлом, я три раза в неделю хожу на полуторачасовые тренировки по

рукопашному бою к майору Кулакову. Известная в наших узких военных кругах личность. Ученик самого легендарного Алексея Штурмина, основателя первой Федерации карате СССР. Птур разрешил мне уходить с самоподготовки на тридцать минут раньше и не бегать в дни тренировок перед ужином.

Чем мне всегда нравилась рукопашка, так это тем, что в ней переплелись различные виды единоборств. Да, в спортивном виде запрещают наносить опасные удары, соблюдают правила безопасности. А вот в армейском главное правило, это выжить и физически уничтожить противника, и для этого никакие правила не должны тебя ограничивать.

Наш инструктор майор Кулаков считает, что в бою не на жизнь, а на смерть хороши все средства. Всё, что у тебя есть под рукой, должно быть использовано: автомат, нож, ремень, сапёрная лопатка, каска, поднятая с земли палка или камень, а если ничего нет, то в ход идут руки, ноги, локти, колени, голова, зубы и ногти. Поэтому с тренировок я часто возвращаюсь в казарму с синяком под глазом или заткнутой ваткой ноздрей. И это несмотря на то, что ещё в прошлой жизни я выполнил нормативы мастера спорта. Все, кто ходит к Кулакову, имеют хорошую подготовку. В зале много офицеров и курсантов, имеющих звания по боксу, борьбе классической, вольной, самбо или даже карате. Здесь нет случайных людей. Большинство из них знает, что завтра Родина может отправить их выполнять интернациональный долг к чёрту на кулички, и вот там полученные знания и опыт пригодятся.

Удивительно, если не прилагаю усилий, то моё прошлое остаётся неизменным. А чтобы его изменить, оказывается, мне нужно сильно напрягаться. В первый раз я столкнулся с этим как раз перед встречей Нового 1987 года.

31 декабря.

Я сидел на кровати и готовился к наряду по курсу. Ну как готовился — делал вид, что готовлюсь, а сам вспоминал, что было тогда, в том 31 декабре 1986 года, который для меня остался в вернувшемся прошлом. Наконец моё внимание привлекли громоподобные крики нашего начальника курса. Выглянув из угла своего казарменного кубрика, я увидел строй из четырёх курсантов нашего курса, вытянувшихся по стойке смирно перед нашим майором. Он громко распекал курсантов из португальской группы, которых, оказывается, утром поймал комендантский патруль, когда они пытались сбежать в самоволку. Идиоты, могли бы подождать до обеда и спокойно уйти в город с остальными, свободными от наряда курсантами.

— Товарищи курсанты, повторяю для бестолковых, наказывают не за то, что уходят в самоволку, а за то, что попадают! Объявляю Вам по десять суток нарядов! Старшина!

— Я товарищ майор!

— Заменить заступающий наряд в полном составе этими разгильдяями! И пусть они бессменно отстоят десять суток в наряде! Под Ваш личный контроль.

— Так точно, товарищ майор, исполню! — старшина с негодованием смотрел на тех, кто так его подставил.

Нас убрали из наряда и выдали на два дня увольнительные. Как и тогда, ко мне подошёл курсант Олег Вдовин, один из тех, кто имел несчастье попасться патрулю и загреметь в наряд.

— Коля, — обратился ко мне он, — разговор есть.

Мы отошли с ним в ленинскую комнату, сегодня удивительно пустую. Большинство курсантов с моего курса считало, что меня зовут Николаем, даже не зная, что это моё

прозвище, прицепившееся ко мне в учебном центре, когда я решил пошутить. Палатка, в которой мы жили, была рассчитана на двадцать человек, а среди них всегда найдётся какой-нибудь балабол и сказочник. Один такой артист, мы его потом прозвали Мюнхгаузен, начал рассказывать, как он служил в Термезе (город в Узбекистане, на границе с Афганистаном) в секретных войсках и каждую неделю ходил за речку выполнять интернациональный долг, был представлен к ордену Красного знамени, но вот беда, войска были такие секретные, что даже запись в военном билете об этом ему не сделали, а орден так и не нашёл героя. Я тогда возьми и скажи ему: «Ты Колькá маленького знаешь?»

— Какого Колькá? — удивился товарищ Мюнхгаузен.

— Маленького, — улыбнулся я, — он вон там, — ткнул я пальцем в сторону учебного корпуса, — за углом стоит. Пойди и расскажи ему то, что нам сейчас в уши заливал.»

С тех пор меня и стали называть кто Колей, кто Колькóм.

— Коля, у тебя какие планы на Новый год? — Вдовин смотрел на меня в ожидании ответа.

— Да, в общем, никаких. Я же в наряд должен был заступить.

— Слушай, как ты смотришь на то, чтобы встретить его в компании прекрасных дам? —

И Олег рассказал мне причину залёта в наряд.

Неделю назад он познакомился с тремя симпатичными работницами «Трёхгорной мануфактуры" им. Ф. Э. Дзержинского (старейшее московское текстильное предприятие, основанное в конце XVIII века. До 1936 года — Товарищество Прохоровской Трёхгорной мануфактуры, фабрика производила различные ткани). Девушки пригласили его с друзьями к себе отметить наступающий Новый год. В предвкушении прекрасного вечера и ночи он со своими одноклассниками решил, что в предновогодней суете никто не обратит внимание, если они уйдут из института пораньше. В планах у них было заехать к одному из товарищей, который был москвичом, переодеться в гражданку и, захватив заранее купленное шампанское, поехать к девчонкам. А тут такой облом. Вот он и предложил мне, чтобы не расстраивать девушек, поехать к ним вместо него. Ну и может взять кого-то из моих друзей курсантов. Прошное повторялось, как и тогда, все, кроме друга Кости уже разъехались по компаниям.

На Бауманской мы с Костей спустились в метро и подъехали на станцию Краснопресненская. Олег должен был позвонить в общежитие и предупредить девчонок, что мы будем ждать их у выхода из метро. Наземный павильон станции представляет из себя сооружение в виде огромной ротонды, мощные высокие каннелированные колонны светлого цвета поддерживают свод. Вы наверняка замечали, что некоторые колонны гладкие, а некоторые — с вертикальными полосами. Эти вертикальные полосы, а точнее желобки — и есть каннелюры. На декоративной горизонтальной полосе расположена надпись с названием станции, а между входом и выходом пассажиров построена ниша с памятной мемориальной доской. Перед нишей стоит скульптура рабочего с гранатой, которая называется «Дружинник». Вот возле этой скульптуры мы и стали ждать наших встречающих. Уже стемнело, хотя на часах ещё было 17:45.

Простояв пятнадцать минут, мы продрогли и собрались зайти внутрь метро погреться, когда услышали какой-то треск, и я увидел отрывающуюся с карниза огромную сосульку. В это время в метро заходила дама с коляской. Я резко рванул к ней, и мне показалось, что всё вокруг меня вдруг замерло. Одной рукой я подхватил женщину, второй схватил коляску и сделал два шага вперёд, после чего мир ожил, а за спиной с громким звоном упала сосулька.

— Что Вы делаете! — закричала дама, но обернувшись назад, она замерла с открытым ртом, увидев куски лежащего льда.

— Возьмите, пожалуйста, — я вернул ей коляску и пошёл к Косте, который только сейчас начал осознавать происшедшее и смотрел на меня с немым вопросом в глазах «КАК?».

Мне и самому хотелось бы понять, как я успел преодолеть расстояние около пяти метров за те доли секунды, которые прошли с момента, когда сосулька затрещала, отрываясь от крыши и падая вниз, а я, особо не напрягаясь, подхватил коляску с ребёнком и мамой, вынося их из-под удара...

Почувствовав внимание, огляделся и увидел двух девушек, с удивлением смотрящих в нашу сторону. Опять что-то щёлкнуло в моей памяти, и я узнал Наталью и Маринку, двух сестёр, встречающих нас.

— А вот и девчонки! — Я взял Костю за предплечье и потянул в сторону девушек, не давая ему задать вопрос о произошедшем.

— Привет! — Улыбка на моём лице и наша курсантская форма говорили сами за себя. — Девушки, это Вам, — я протянул им шоколадки «Алёнка», — пойдёмте скорее, а то мы уже с Костей замёрзли. Меня зовут Юрием.

Уводя девчонок и Костю от метро, я преследовал цель избежать вопросов от зевак, оказавшихся свидетелями падения сосульки и чудесного спасения дамы с коляской.

По пути к общежитию Костя и Марина молчали, а Наташа попробовала выяснить, что же произошло, но я ушёл от ответа, пошутив, что у нас впереди целый вечер и Новогодняя ночь, полная праздничных чудес.

Новый год.

— Привет, мальчишки! — Как только мы поднялись на третий этаж семейного общежития, нас встретили шесть женщин в возрасте от двадцати до тридцати лет.

— Всем привет! Какой у Вас тут цветник, сплошные розы и все прекрасны! — Я рассыпался в комплиментах, а Костя замер, он не ожидал, что нам окажут столько внимания, да и после казармы было не привычно.

— Разрешите представиться! Это мой друг Костя, а я Юрий, — хлопнув себя по груди правой рукой, изобразил лёгкий поклон.

— Лида! — чмокнула меня в щёку жгучая брюнетка лет двадцати пяти.

Девушки назвали свои имена, но с первого раза мне удалось запомнить Машу и Свету, двух невысоких, кругленьких и милых сестёр-близняшек практически на одно лицо, но в разных платьях. У Маши платье было в горошек, а платье Светы украшали алые маки. Татьяну, серьёзную девушку с грустными глазами и уставшим лицом. Инну, яркую блондинку в мини юбке, с красивыми коленками и выдающимся бюстом. Виолу, её я запомнил из-за редкого имени и больших голубых, широко распахнутых глаз. Конечно, Лиду, уж очень обдал меня жаром её поцелуй. И Марину с Наташей, встречавших нас. Ещё две дамы назвали себя, но их имена проскользнули мимо моей памяти.

Мы стояли возле празднично наряженной настоящей ёлки в большом холле с кухней, к которому примыкал длинный зелёный коридор с одинаковыми дверями синего цвета.

Процесс знакомства продолжался, когда из соседней комнаты выскочил кудрявый светловолосый малыш лет четырёх и с криком кинулся к Тане:

— Мама, мама, меня Петька укусил!

Из-за двери высунулся Петька, чуть повыше ростом, максимум на год постарше, но с такими же кудряшками и крикнул:

— Я случайно! Он сам мне руку в рот сунул!

— Мальчики, успокойтесь, у нас гости!

Мальчишки замерли, уставившись на наши курсантские погоны. Петька вышел из комнаты и подошёл к Косте:

— Дядя, ты солдат?

— Я был солдатом, а сейчас курсант, — Костя присел возле малыша. — Хочешь, дам, посмотреть звезду на моём ремне?

— Да! — глазёнки Петьки засияли, а из-за его плеча высунулся второй сорванец и сказал:

— А меня Витей зовут!

— Дядя Костя, — обаятельно улыбнулся мой друг и окончательно завоевал сердца всех женщин, которые внимательно прислушивались к разговору.

Отказавшись от нашей помощи, хозяйки пошли на кухню готовить праздничные салаты и бутерброды, а нас с Костей посадили в холле смотреть телевизор. Откуда-то с этажа подтянулась ещё малышня, две девчонки лет по пять и один двухлетний карапуз, которого одна из девочек, видимо, его сестра, крепко держала за руку. Всех их привлекали незнакомые дяди в военной форме, а ещё больше конфеты, висящие рядом с ёлочными игрушками, и запах мандаринов, которые закрутили в фольгу и тоже подвесили на ёлку.

Включили в розетку гирлянду, которая замигала разноцветными огоньками.

А у меня от взгляда на разноцветные шишки, разукрашенные птицы, шары со снежинками и счастливые лица детворы вдруг защемило в сердце. Как там мои дети в будущем?.. Странное чувство осознавать, что кого-то близкого ещё нет, но ведь они же были!.. И чтобы они родились, мне заново надо пройти свой путь. Или эта жизнь может пройти по другому сценарию?

В холле сдвинули в ряд несколько столов, постелили клеёнку и начали заставлять угощениями. Для вечно голодных курсантов это был настоящий праздничный стол: салаты оливье, мимоза, селёдка под шубой, даже где-то раздобыли консервированные ананасы в собственном соку и сделали салат с курицей! В общем не буду описывать всё что там было, но главное шампанское и водка стояли на столе в достаточном количестве.

Ближе к 21:00 подтянулись остальные жильцы этого этажа и не только, и скоро нас собралось девятнадцать человек, не считая детей.

Мужчин подошло четверо плюс двое нас. Мужики уже были подшофе, и складывалось впечатление, что в таком состоянии они находились уже не первый день.

— Так, мужчины, информация для Вас, — поднялась со своего места Татьяна, — много не пить, но если напьётесь, то спите на коврике. Подушки и одеяла в шкафу, в этой комнате, — она показала рукой на первую от холла дверь, — кровати мало, а нас много. На кроватях спят девушки. Всем ясно?

Двое из четырёх переглянулись и молча кивнули головами. Остальные сидели, ухмыляясь, видно, уже не в первый раз это слышали. Мы с Костей тоже кивнули.

— Наливайте, мальчики!

К 24:00 народ уже набрал необходимую кондицию. Звучали шутки, анекдоты, кто-то даже пробовал петь. Наконец, по телевизору с поздравлением выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачёв. Его выступление получилось какое-то на удивление короткое и смазанное, но народу на это было наплевать, главное, что шампанское в бокалах, куранты пробили двенадцать, и компания дружно выдохнула:

— С Новым Годом!!! Ура!!!

Все веселились. Вышли на улицу, кричали ура, бросали снежки. На Красной площади запускали фейерверки, и частично нам удалось их увидеть.

Вернулись озябшие, но счастливые. Детей никто не озаботился уложить спать, и они со счастливым смехом бегали наперегонки по длинному коридору общежития. Налили по пятьдесят, чтобы согреться после стыллой улицы, но выпить не успели.

— А кто здесь отмечает Новый год без деда Мороза, а!? — к нам на этаж зашла колоритная пара из деда Мороза и Снегурочки. Мужчина под два метра ростом был в длинном голубом тулупе, подпоясанном вместо кушака вязанным шарфом красного цвета с надписью белыми буквами «СПАРТАК», на голове боярская шапка, на ногах серые валенки в правой руке он держал посох, обёрнутый фольгой, а в левой большой мешок с подарками. Девушка выглядела не менее интересно, но на фоне деда Мороза смотрелась Дюймовочкой. Сине-белое платье, разукрашенное узорами, казалось воздушным из-за пушистого белого меха, пришитого внизу и на рукавах, на её красивую грудь ложилась пышная коса светлого цвета, а из-под венца на нас смотрели огромные зелёные глазки.

— Где здесь ребяташки, которые расскажут мне стишок или споют песенку, а я им подарки подарю!?

— Я! Я! Я! — дети запрыгали вокруг деда Мороза, а потом по очереди стали забираться

на стул, поставленный перед праздничным столом, и с упоением читать стихи и петь.

Костя сидел напротив меня, и, кинув на него взгляд, я понял, что мой друг пропал. Не отрывая глаз, он смотрел на Снегурочку, которая, раскрасневшись после морозной улицы, была прекрасна.

Закончив одаривать подарками детей, дед Мороз, не стесняясь, сел за стол.

— Чего сидим? Кого ждём? Где моя награда? Лекарство от скуки и депрессии?

Народ поддержал Мороза, и все поспешили наполнить бокалы и рюмки.

Мы говорили тосты, пили, закусывали, шутили. Затем девчонки устроили танцы, и когда зазвучала медленная музыка, Снегурочка неожиданно подошла к Косте.

— Пойдём танцевать? — протянула она ему руку, а он вдруг засмутился и, запинаясь, ответил:

— Д-да. Пойдём.

Всю ночь, пока шли танцы, они танцевали вдвоём.

Дед Мороз оказался компанейским парнем и начальником смены на фабрике, а Снегурочка была его младшей сестрой.

Под утро Костя со Снегурочкой куда-то пропали, а мой молодой организм вдруг потянуло в сон. Зашёл во вторую от кухни дверь, в комнате никого не было и я прилёг на кровать. Уже практически засыпая, услышал, как открылась дверь и ко мне на кровать под села девушка. Через полуприкрытые веки я не разобрал, кто это был, только почувствовал, как её горячие руки вытащили мою рубашку из брюк и начали гладить мой живот. Потом они опустились ниже и, несмотря на моё состояние, я начал возбуждаться. Девушка наклонилась в желании поцеловать мой пресс, и тут распахнулась дверь.

— Лидка! Шалава! Ты что здесь делаешь???

Лида успела поправить мою рубашку и поднялась с кровати.

— Чего разорался, придурок? Зашла посмотреть, как себя курсантики чувствуют, молодые, наблюдают ещё.

— Врёшь, сучка! Меня тебе не хватает!?

Раздался звук пощёчины.

— Ах ты, тварь! — Они сцепились друг с другом, а у меня не было сил, чтобы глаза открыть, не то что встрять в их разборки. К тому же вмешиваться в чужие разборки, не зная, муж и жена они или же просто сожители, было бы большой глупостью. Потом они выскочили из комнаты, дверь захлопнулась, но ссора продолжилась в коридоре.

Я заснул, чтобы проснуться в шесть утра. Всё же каждодневные подъёмы в одно время дают о себе знать. Да и мочевого пузыря давил на мой пресс.

По коридору гулял холодный сквозняк, окно в конце коридора было заткнуто подушкой. Кто-то вчера знатно погулял.

Туалет был возле кухни. Заходя в него, я вдруг услышал разговор сидящих на кухне женщин.

— Да, девки, не тот пошёл мужик. Наелись все на халяву, напились и спать на наши кровати завалились. Хоть бы один нормальный непьющий попался. Все в говно! А мне трахаться охота!

Девки согласно заговорили, какие мужики сволочи, а я быстро проскользнул в туалетную комнату.

Зимние каникулы. Вагонные бандиты.

В январе у нас прошла зимняя сессия. Не скажу, что она далась мне легко, отдельные предметы, например, такой, как история КПСС, я никогда не любил.

Зима 1986–1987 годов выдалась снежная, мало того, что нас заставляли гонять как проклятых на лыжах по тому же Лефортовскому парку, так ещё и практически через день приходилось убирать снежные заносы снеговыми лопатами и долбить ломом лёд до самого асфальта. За нашим курсом была закреплена самая гадкая часть территории Военного института: дорога и тротуар от КПП и по прямой метров триста до центрального здания, в котором размещалось всё наше командование. Вот оно и любило драть нашего начальника курса за плохо проявленный героизм курсантов на вверенной земле. Ну а тот, соответственно, драл нас.

Зимние каникулы начинались через два дня после сессии, с 26 января и по 7 февраля. Вот два дня до каникул мы дружно чистили, можно сказать, вылизывали свою территорию от снега и льда. Желание поскорее увидеть своих родных заставило всех курсантов Ускора напрячься.

И вот я в поезде Москва — Днепропетровск. Вагон пятый, верхняя полка. Вещи закинул на третью полку, а сам лежу на второй. Внизу всё забито вещами моих попутчиков, возвращающихся домой. В эти перестроечные годы по всей стране начал проявляться дефицит самых разных товаров. Только в Москве пока ещё можно было найти нужные вещи в магазинах или с рук. Фарцовка (перепродажа) была под запретом, но всё равно процветала.

А я ехал домой пустой и очень по этому поводу переживал. Сердце начинало выскакивать из груди от мыслей, что завтра утром увижу своих родителей живыми и здоровыми... В прошлой жизни как-то не задумывался, насколько люблю их. А вот когда в 2000 году сначала отец, а потом и мать ушли на небеса, я вдруг остро почувствовал себя сиротой и понял, как мало я их слушал, как много не спросил, а ещё то, что не успел им сказать, как сильно я их люблю...

Продуктов у меня с собой не было, а кушать хотелось, поэтому решил сходить в вагон ресторан. Сюда ходили в основном люди с «длинным рублём». Конечно, откуда взяться большим деньгам у курсанта, но двенадцать рублей в кармане у меня лежали.

В ресторане аншлага не было, только в центре за столиком сидела компания из четырёх крепких мужчин, в которых даже на первый взгляд можно было узнать криминальных типов. Не став акцентировать на них своё внимание, я присел за понравившийся мне второй от дверей столик. Меню лежало передо мной: пять наименований холодных блюд и закусок, три первых блюда и три вторых, кофе и чай. Алкоголя не было, уже вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством», который вошел в историю как «сухой закон», и эта борьба началась. Через пару минут ко мне подошла официантка, она же буфетчица, в белоснежном фартуке и кружевном головном уборе. Взял себе на первое рассольник, на второе картофельное пюре с котлетой, салат «Чайка» из зелёного горошка, колбасы и сыра, заправленным майонезом и чай.

Пока ждал заказ, за соседний с компанией столик подсели двое, невысокий благообразный старичок грузин и молодой русский чернявый парень чуть выше среднего роста, со свёрнутым носом боксёра. Заказывать ничего не стали, перебросились

несколькими фразами с одним из мужчин, но из-за стука колёс я услышал только отрывок: «Лох в шестом купе седьмого вагона». Получив какие-то указания, старичок и парень ушли.

Спокойно поев, я расплатился и пошёл в свой вагон. Проходя седьмой купейный вагон, услышал громкий голос с грузинским акцентом:

— Извини, дорогой, ноги старые, мне в третий вагон далеко идти, разреши, присяду немного отдохну.

Глянул в приоткрытую дверь купе и увидел знакомого по вагону-ресторану старичка, а возле окна сидел молодой парень примерно моих лет. Что-то заставило меня остановиться в коридоре возле следующего купе и послушать дальнейший разговор.

— Как тебя зовут, дорогой?

— Александр.

— К родным едешь, Саша?

— Нет, на работу пригласили на Южмаш! — слышно было, с какой гордостью сказал об этом молодой человек.

Южный машиностроительный завод (изначально назывался Особым конструкторским бюро № 586) в это время производил баллистические ракеты и разрабатывал боевые ракетные комплексы стратегического назначения, обеспечивающие возможность нанесения ответного ядерного удара в случае ракетно-ядерного нападения на СССР. Именно эти стратегические ракетные комплексы и послужили основой создания Ракетных войск стратегического назначения СССР. А ещё на Южмаше проводили работы по использованию боевых стратегических ракет для создания космических носителей.

— А что же один едешь? Жена твой где?

— Так не женат я, не успел пока. Я только в этом году МАИ окончил.

— Что за МАИ-ИМАИ такой?

— Московский авиационный институт. У нас в стране это ведущий институт по авиации и космонавтике!

— Что ты говоришь! Какой маладец!

Я прижался к окну, пропуская проходящего мимо меня по коридору боксёра из вагона-ресторана.

— Дед, вот ты где! Заждался тебя, думаю, где ты застрял?

— Внучок, заходи! — дед по-свойски широко распахнул дверь купе. — Мы тут с этим маладцом разговариваем.

— Ты, парень, не смотри, я грузин, а внук мой Толик русский, дочка моя за русского замуж вышла, — пояснил старик.

«Внук» зашёл в купе и присоединился к беседе, а я не торопился уходить. Что-то показалось мне странным и знакомым.

И вдруг щёлкнуло в голове: я уже встречался с такой ситуацией!

Точно! 1993 год, поезд Таганрог-Москва, я ехал с похорон моей бабушки по отцовской линии, рассеянного и уставшего, меня, как лоха, втянули в карточную игру: такой же дед-грузин и русский парень. Это видно, у них такая психологическая разработка для того, чтобы не спугнуть жертву развода.

Вот и сейчас, немного поговорив и наладив контакт с жертвой, мошенники предложили скоротать время, сыграв в дурака.

Ожидая завязки сюжета, я не уходил в свой вагон. Минут через десять боксёр сказал, что играть без интереса скучно и предложил сыграть в другую простую игру, но по мелочи

на деньги.

Уже знаю, что будет: ставки сначала копеечные, потом серьезные. Пассажиру обязательно дадут выиграть, но как только ставки возрастут — обдерут как липку. Проводники сто процентов знают о кидалах, но вмешиваться не будут, так как и они, и их начальство в курсе, да и долю за лоха получают.

Поезд на пять минут тормознул на какой-то станции. Решив сдержать ситуацию, я пошёл в свой вагон, забрал с верхней полки дипломат и, вернувшись, заглянул в купе:

— Здравствуйте. А чего нас так много? Мне проводник сказал, что в моём купе один парень едет.

Дед и боксёр с недоумением смотрели на меня.

— Э-э-э, — промычал старик, — заходи, парень, мы тут по-дружески сидим, говорим.

— А Ваши места где? — уточнил я.

— Мы парень с другого вагона, мимо шли.

— Ну и идите к себе, мне устроится и переодеться надо, — продолжил давить на кидал.

— Саша, а ты что молчишь? — решил апеллировать к пассажиру купе грузин.

Пока я ходил, что-то произошло. В глазах у Саши была растерянность, думаю, он уже понял, кто к нему подсел, но не знал, что делать.

— Послушайте, уважаемые, — обратился я, — у Вас есть свои места в своём купе, а это наше купе, и мне лишние попутчики здесь не нужны.

— Ты обидное говоришь, дорогой, Саша нам деньги должен. Иди пока погуляй.

— Чего?

— Не твоё это дело. Не лезь, куда не просят, — боксёр поднялся с полки, — тебе сказали — погуляй, пацан!

Его левая рука схватила меня за плечо, выталкивая из купе.

Для боксёра важно иметь возможность нанести удар, борцу необходим тесный контакт и захват, а боец рукопашного стиля в полной мере владеет и тем, и другим.

Правой рукой я накрыл кисть схватившего меня противника, зацепив его большой палец, и провернул её вверх и в сторону. Одновременно с этим нанёс удар кулаком левой руки в открывшуюся гортань боксёра. Он явно не ожидал от меня таких действий и ничего не успел предпринять. Упав на нижнюю полку и судорожно глотая воздух, он уже не представлял угрозы, а вот грузин сориентировался мгновенно и откуда-то из рукава у него появилась финка.

Я ожидал чего-то подобного и резко подался из купе назад в коридор.

Дедок проявил не свойственную старости прыть и выскочил из купе, как чёрт из табакерки, попытавшись достать меня своим ножом. В это время поезд резко дёрнулся и старик качнулся назад, ну а я, резко оторвав от пола правую ногу, нанёс ему носком удар в пах.

Немного не рассчитал. От удара дед выпустил финку и упал на пол, скрючившись в позе эмбриона, завывая от боли.

Я заглянул в купе. Боксёр держался за горло, но уже начинал приходить в себя. Недолго думая, нанёс удар ниже и чуть впереди ушной раковины, поражая сонную артерию, что привело к потере им сознания.

Александр забился поближе к окну, в ужасе смотря на происходящее.

— Ты как? В норме? — на всякий случай спросил я. Надо было как-то выводить его из состояния аффекта.

— Нор-маль-но, — слегка запинаясь, ответил он.

Я задумался. Да, влез в ситуацию, теперь нужно её разрулить. По идее, сейчас должны появиться дружки-компаньоны.

Накаркал. Услышав, как открылась дверь тамбура, я выглянул в коридор. Над дедом склонился один из тех, кого я видел в вагоне-ресторане, а за ним стояли ещё двое.

Это была команда силовой поддержки кидал. Упитанные бычки, имеющие широкие плечи и квадратные морды с полным отсутствием интеллекта.

Оттащив грузина в тамбур, быки двинулись на меня.

Быстро окинув взглядом купе, я сбросил с сетки полотенце.

— Руки ему свяжи, — крикнул я Александру, выходя в коридор.

Не мудрствуя лукаво, первого я встретил таким же ударом, как и деда, носком в пах. Только теперь бил жёстче, понимая, что второго шанса мне могут не дать.

Перепрыгнув через упавшего товарища, второй бык попытался достать меня прямым правой в голову. Чуть присев, я слегка уклонился в сторону, пропуская удар, в свою очередь пробивая солнечное сплетение кулаком, с последующим добиванием локтем снизу-вверх в челюсть. И услышал её треск.

Бой в ограниченном пространстве отличается от боя на улице. Здесь нужно уметь сочетать короткие действия с кратчайшими траекториями.

Последний оставшийся на ногах противник поднял финку деда, валявшуюся на полу, и, как в фехтовании, размахивая ею перед собой, начал обходить своих лежащих и стонущих подельников.

— Ну, сука! Ну, тварь! Сейчас я тебя на ленточки резать буду!

Я сделал шаг назад, с одной стороны разрывая контакт, с другой освобождая место для более свободного движения.

И опять мне помогли машинисты, которым зачем-то понадобилось резко затормозить. Теряя равновесие, фехтовальщик попытался достать меня клинком, но поставив нижний блок левой рукой, я отвёл его руку в сторону боковой стенки коридора, одновременно нанося столь любимый мною удар носком правой ноги в пах. Дальше было проще. Завернув заблокированную руку с ножом за спину быка, провёл коронный приём моего учителя по рукопашке, загнав пальцы своей правой руки в ноздри противнику и резко дёрнув на себя, сломал ему нос, а затем отключил его несильным ударом в затылок.

Окинув поле боя своим взглядом, я принял решение связать бандитов, для чего вытащил у них из брюк ремни и завернул руки за спины. Пока не было зрителей, проверил их карманы. Шайка не плохо разжилась на доверчивых пассажирах, общая сумма составила почти тысячу рублей, четыре мои зарплаты. Экспроприировал половину незаконно нажитых банкнот, оставив вторую нашим доблестным правоохранителям.

Спрятавшиеся было пассажиры начали выглядывать из купе. Высунул свою голову и один из проводников.

— Проводник! Передай бригадиру, пусть запросит на ближайшей станции милицию.

Ближайшей станцией оказался Белгород, город с тысячелетней историей и населением почти триста тысяч человек.

Банду арестовали, только главарь, который не принимал участие в драке, успел скрыться. Нас с Сашкой тоже попросили сойти с поезда и дать свидетельские показания. И было бы всё не так уж хорошо, так как бандиты пошли в отказ, но начальник линейного отделения милиции узнал в грузине старого криминального авторитета, а чуть позже и

остальных нашли в милицейской базе.

Поблагодарив и записав все наши данные, нас посадили на следующий, идущий до Днепропетровска поезд.

Милый дом

Наш небольшой домик, в котором прошло моё отрочество, был угловым и стоял, окружённый плодовыми деревьями, на пересечении двух улиц: писателя Николая Островского и композитора Глинки. Сейчас деревья были укрыты снегом, которого в этом году было очень много.

Размышляя над тем, что же забросило моё сознание (или кто?) в прошлое, я не мог не задаваться вопросом: зачем? Конечно, мы все только пыль на страницах истории, но я фаталист и верю, что жизнь каждого вписана в Книгу судеб, которую можно переписать. Меня вернули в те годы, когда старое государство разрушалось, а каким будет новое, ещё никто не знал. Надо ли пытаться что-то изменить, и если да, смогу ли я это сделать?

Мои мысли были прерваны камнем, пробившим окно дома и упавшим на подоконник. Ну надо же! А вот и прошлое, громко напомнившее, что в моей юности было достаточно романтики и любовных терзаний.

В прошлый раз она также заявила о себе разбитым окном... Расслабился, а жить сейчас надо за себя двойного.

Выйдя в прихожую, надел ботинки, накинул куртку и через калитку вышел на улицу. Метрах в тридцати от меня, вниз по улице стояла молодая девушка, красивая восемнадцатилетняя брюнетка. Завидев меня, она пошла в мою сторону.

— Привет.

— Привет.

— А что же ты ко мне не зашёл, любимый?

— Любимый? Мы вроде бы с тобой в письмах уже объяснились. Было да было поросло. Из армии ты меня не дождалась. Сейчас...

— Я только тебя люблю. Я совершила страшную ошибку, но ты должен меня простить! — перебила меня Оксана.

За всеми проблемами, которые навалились на меня после перемещения, я забыл о своей главной проблеме прошлого — взбалмошную, безбашенную, слабую на передок, переспавшую почти со всеми моими «друзьями», мою первую любовь, юношескую влюблённость по имени Оксана.

Наше с ней знакомство состоялось за год до моего призыва в армию. Этот год я прожил как на вулкане. Оксана была не просто безбашенной, порой мне казалось, что в ней живут два человека. Милая и спокойная, улыбчивая и приветливая, за секунду она могла превратиться в фурию и испортить не только прекрасный вечер, но и чью-нибудь физиономию. Проводив меня на службу в Советскую армию, первый год она исправно писала мне письма, но ждать два года для неё оказалось слишком долго.

В конце 1985 года, когда мне поступило предложение поступать в военный институт, я был в раздумьях, и тут мне пришло письмо от Оксаны, в котором она написала, что расстанется со мной. На её пути появился «прекрасный человек», которого она полюбила. Тогда я собрал свои эмоции и чувства в кулак и в ответном письме пожелал молодым любви и счастья.

Их счастье продлилось до августа 86-го, когда я получил письмо от Оксаны с вновь

проявившимися чувствами, на которые, видимо, повлияло моё поступление в институт и появившиеся перспективы. Мой ответ был обтекаемый, влюблённость не исчезла и вновь пробила эмоциями от прочитанных строк. И только получив очередное письмо в октябре, новый, умудрённый опытом, я написал ей «Прости и прощай».

— Знаешь, Оксана, давай отложим этот разговор. Для нас обоих он слишком тяжёл, — не настроенный на долгую беседу, я решил успокоить её, — мне ещё полгода учиться, а потом ехать на войну.

— Какую войну?? — не поняла Оксана.

— У меня язык, пушту, афганский. Через пять месяцев я стану офицером и полечу в Афганистан. На два года. А там всякое может случиться.

Оксана задумалась. Перспектива ожидания суженного больше двух лет не входила в её планы.

— Я буду писать тебе! — решила она и потянулась ко мне за поцелуем, но я уклонился, слегка приобняв её за плечи.

— Пиши, конечно, а сейчас, извини, пойду окно ремонтировать.

— Юрочка, Володя, идите блины кушать! — мама заглянула в гостиную комнату, в которой мы с отцом играли в шахматы.

— Сейчас, мам!

— Ты фигуры то не дёргай. Взятся — ходи! — проиграв из пяти партий три, батя нервничал.

— Хорошо, — улыбнулся я, зная, как он не любит проигрывать, и двинул пешку, за которую перед этим брался рукой, в заведомо проигрышное положение.

— Знай наших! Ничья! — довольно потянулся отец.

— Проигравший собирает шахматы!

— Так ведь ничья, — попытался я поспорить.

— Это неважно, последняя партия за мной!

Блины, вареники, пельмени, пирожки. Всю неделю мама баловала меня вкусной кулинарией. Мои попытки избавить её от домашних хлопот ни к чему не привели, ответ был один

— На казённых харчах успеешь посидеть, ешь домашнее!

Оставшиеся дни отпуска я посвятил родным. Наконец-то у меня получилось пообщаться с родителями и отдать им неизрасходованную сыновью любовь.

Как я поступал в ВКИМО.

Мои родители познакомились в пригороде Батуми. Прекрасный город, расположенный на восточном побережье Черного моря и являющийся столицей Аджарской АССР, часть Грузии. Климат субтропический, мягкий, но довольно влажный, поэтому дожди здесь идут часто, а снег зимой выпадает очень редко и лежит недолго. Хотя я помню, как когда я был совсем маленький, температура опустилась ниже нуля и вместо дождя выпали необычайно обильные снегопады, и я выпрыгивал из окна второго этажа прямо в сугробы, которые возвышались до двух метров.

В Батуми я очень любил дельфинарий, в который нас с сестрой часто водили родители, но больше всего мне нравилось, когда мы ездили в Ботанический сад, расположенный на Зелёном мысе. Более двух тысяч экзотических растений, собранных со всего мира, прижились на территории в сто десять гектаров, и каждый раз я наслаждался их благоухающими запахами и ароматами.

Мой отец проходил там срочную службу, но женившись на моей маме, рождённой в Батуми польке, он остался на сверхсрочную. Мне было пять лет, когда отца направили служить в Германию (ГДР), в Магдебург. Мама и старшая сестра поехали с ним, а я с бабушкой остался жить в Батуми. Раз в год они приезжали в отпуск, чтобы проведать нас и привезти для меня жвачки и конфеты. Когда я учился во втором классе, мои родители, в очередной раз приехав к нам, переговорили с бабушкой, купили дом в Днепропетровской области, в небольшом районном городке и перевезли туда нас. Из Германии они вернулись, пробыв там шесть лет, и, решив, что за время их отсутствия сын совсем отбился от рук, начали меня воспитывать, но не успел я привыкнуть к их нотациям, как они снова уехали, на этот раз в Лейпциг. Так что своё детство и отрочество я провёл с бабушкой, которая и проводила меня в Советскую Армию после окончания мною металлургического техникума.

Сначала вместе с другом Геней Шаповаловым я шёл в команде, направлявшейся в Фергану в учебку ВДВ, но в последний момент из-за зрения минус один меня перевели в другую команду. Так я попал служить в подмосковье в войска ПВО. А мой друг Гена Шаповалов после учебки оказался в Афганистане в ДШБ (десантно-штурмовой бригаде).

Генка с родителями и малолетней сестрой тоже жил в частном секторе недалеко от моего дома и был высоким, красивым светловолосым парнем спортивного телосложения, с детства бредя десантом. Он даже после десятого класса пробовал поступить в Рязанское гвардейское высшее воздушно-десантное командное училище, но не добрал баллов.

Через полгода службы Генку назначили замкомзвода. А тридцатого мая 1985 года, когда его взвод выполнял боевую задачу по захвату вражеского склада с оружием, они попали в засаду душманов, и Гена, прикрывая отход взвода, геройски погиб.

Когда я узнал о гибели моего друга, то долго не мог прийти в себя. Потом написал рапорт, чтобы меня направили в Афганистан, но замполит провёл со мной беседу и сказал, что «такой герой нужен здесь».

Совершенно случайно мне попала в руки книга Александра Проханова (или, может, это было в плане моей судьбы?), из которой почерпнул первую информацию об Афганистане. И у меня появилась идея фикс — попасть в Афганистан, увидеть горы, среди которых остался Геннадий Шаповалов.

В августе 1985 года умерла бабушка, на похороны меня непустили, и я разрывался от горя, потому что она была самым близким мне человеком.

В декабре пришло письмо от моего школьного друга Вадима, который попал служить в Литву. Вместе с ним мы подавали документы в Харьковский юридический институт, но нам отказали, предложив поступать после прохождения службы в армии. Вадим писал, что в Москве есть военное высшее учебное заведение, в котором учат юристов.

О Военном институте я тогда даже не слышал, о нём в то время мало кто знал, даже на фасаде контрольно-пропускного пункта вуза на улице Волочаевской не было никакой таблички.

Написав рапорт на имя командира части с просьбой разрешить мне поступать в Военный институт, я неделю ждал ответ, а потом меня вызвали в штаб части.

Полковник Инокентьев внешне оправдывал свою фамилию, которая с греческого переводилась «невинный». Невысокого роста, круглолицый, упитанный, но не толстый, он производил впечатление доброго дядьки. Вот только когда «невинный» шёл по территории части, затихали и прятались даже собаки. Получить от него три наряда вне очереди, это было, по мнению старослужащих, как «два пальца обоссать».

Вот и сейчас он сидел за своим командирским столом и разглядывал меня, стоящего перед ним навтыжку ефрейтора.

— Как служба, товарищ ефрейтор?

— Хорошо, товарищ полковник! — преданно глядя ему в глаза, ответил я.

— А что ж ты тогда поступать в какой-то институт вздумал? Замполит вашей роты говорит, что ты не поступишь хочешь, а от службы закосить.

— Отвечать, когда спрашивают!

Я стоял, лихорадочно подбирая слова для убеждения командира в своём желании учиться в Военном институте.

— Никак нет, товарищ полковник! Я до службы хотел стать юристом, а сейчас хочу стать военным юристом!

— Военным юристом, — протянул полковник, — никогда до твоего рапорта не слышал о Военном институте. Даже запрос пришлось делать. Удивительно, но есть такой. Ладно, если окончишь и станешь прокурором, помни моё добро!

Инокентьев взял ручку и на моём рапорте написал: «Согласен. Замполиту полка подготовить документы.»

Июль я встретил в учебном центре ВКИМО.

Документы подавал на юридический факультет, но моего друга Вадима не пропустила медкомиссия, и уже в учебном центре, узнав о Ускоренных курсах и возможности после них поехать в Афганистан, я написал рапорт с просьбой разрешить мне поступать на эти курсы с изучением языка пушту.

После окончания металлургического техникума с красным дипломом у меня были прекрасные знания по многим предметам, но за два года, прошедших с того времени, многое забылось.

Мне надо было сдать первый экзамен (иностраный язык) на пять, и тогда, с учётом моего красного диплома, я поступал в институт, но знание английского меня подкачало...

До экзамена оставалось четверо суток, и обложившись учебниками и словарями английского, я пытался подготовиться к нему.

— Comrade teacher Corporal Sokolov has arrived for the exam. — Эту фразу доклада я учил

полчаса.

За столом сидел статный майор с посеребрёнными сединами висками, на груди у него были орденские колодки, говорящие о не простой доле военного переводчика, а рядом с ним молоденькая симпатичная блондинка, преподавательница, приглашённая из московского института иностранных языков им. Мориса Тореза.

— Hello, Comrade Sokolov, take a ticket.

— Ticket number twenty-two — билет откровенно не радовал. На мой не искушённый взгляд, текст для перевода с английского на русский был просто огромный.

В аудитории за отдельными столами расположились пять кандидатов на поступление, двое из армии (один из них я) и три суворовца, совсем молоденькие парнишки в чёрной форме с красными погонами.

Радовало то, что можно было пользоваться словарями. С грехом пополам мне удалось перевести чуть больше половины заданного текста.

Вторым заданием был перевод русских предложений на английский язык. С грамматикой я поплыл и плюнул на всё, перевёл слово в слово.

Третьим заданием проверялась способность воспринимать иностранный язык на слух и его последовательный перевод.

Мои полчаса на подготовку пролетели быстро.

— Comrade Sokolov, are you ready to answer? — девушка смотрела на меня, и только поэтому я догадался, о чём она говорит.

— No, I need five minutes, sorry, — эту фразу я тоже заучил заранее и перешёл на русский язык:

— Вот суворовцы уже готовы отвечать, рвутся в бой! Смотрите, каким огнём знаний у них горят глаза!

Глаза суворовцев смотрели на меня с такой глубокой ненавистью, что я почувствовал шевеление на голове своих волос.

Потом мне понадобилось ещё немного времени на подготовку, и к моменту моего выхода к столу экзаменаторов, в аудитории уже два раза поменялся сдающий экзамен коллектив.

Не торопясь читая перевод текста, я лихорадочно думал, как объяснить отсутствие перевода второй половины, но на моё счастье, меня остановили раньше:

— All right, let's do your second task.

Взяв листок с моими каракулями, экзаменаторша начала смешно хмыкать, а майор, глянув на моё произведение, поднялся из-за стола и, сказав:

— Пойду покурю, — вышел.

— Да, грамматику Вы не знаете... Переводите на слух, — бодро оттарабанив текст, преподавательница посмотрела на меня:

— Translate, please.

Поняв, что терять нечего, я сказал:

— Вы знаете, я почти всё понял, но кое-что надо уточнить. Не будете ли Вы так любезны прочитать текст ещё раз, но медленней?

— Ok, — с улыбкой глядя на меня, она повторила текст.

Глубокомысленно глядя на девушку, которая была старше меня максимум на пару лет, я выдал:

— Прекрасно. Ещё раз, пожалуйста, и ещё медленнее!..

После чтения в пятый раз она не выдержала:

— Кто стучится в дверь ко мне

С толстой сумкой на ремне?

— Конечно! — воскликнул я. — Почтальон ходит по домам и разносит почту.

— Молодец, а что ещё он делает?

— Разносит посылки и переводы!

— Какие переводы???

— Денежные. Солдату надо же на что-то конфеты в магазине покупать.

Не удержавшись, преподавательница рассмеялась и, глядя на меня несколько раз глубоко вздохнула и, наконец, произнесла:

— Молодой человек, Вы понимаете, что английский не знаете совсем?

— Понимаю, — с шуточного настроения я перестроился на серьёзный лад.

— Тогда Вы должны понимать, что я не могу поставить Вам положительную оценку.

— Подождите. Я подал рапорт на Ускоренные курсы и хочу изучать афганский язык, чтобы через десять месяцев стать офицером и поехать в Афганистан. Кто-то же должен ехать на эту войну. Я уже отслужил почти два года и знаю, с какой стороны стреляет автомат. Да и психологически я поустойчивей этих мальчишек, — кивнул на сидящих суворовцев, — целый год я буду учить пушку и когда, и если вернусь доучиваться в институт, то, думаю, смогу изучить английский язык. Или выполнять интернациональный долг, Вы отправите их?

Она замерла, обдумывая мои слова. В этот момент в аудиторию зашёл покуривший и всё понявший майор.

Быстро взяв ручку, девушка пододвинула к себе мою экзаменационную зачётку, вывела в графе оценку 3 (три) и расписалась.

Историю, русский язык и литературу, физподготовку я сдал на хорошо, и единственная тройка не повлияла на итоговый результат поступления в ВКИМО.

Знакомство с Леной

Начало марта в Москве не слишком отличалось от прошедших зимних месяцев.

Повсюду лежал снег, который уже спрессовался до твёрдости ледяного булыжника, и уставшие дворники ломаями пытались очистить от него тротуары.

Мы, курсанты ускоры, дружно шагали от метро Спортивная в сторону Дома Культуры завода Каучук, в который нас пригласили за свой счёт девчонки из музыкального училища.

Ожидались конкурсы и танцы. А также весёлое времяпровождение.

Я стоял и смотрел на неё. На ту, с которой в прошлой (или будущей?) жизни уже прожил тридцать лет. Она была юная, наивная, прекрасная, не обыкновенная и лучезарная! Сначала я слышал её заводной смех, а потом увидел стройную, изящную, среднего роста красотку. Тёмно-русые волосы обрамляли овальное лицо, на котором выделялись большие серо-зелёные глаза, а её тонкий, слегка вздёрнутый нос говорил о упрямом, но весёлом характере. Синие джинсы и белая кофта только подчёркивали её женственность. Я смотрел и знал, что не представляю своей жизни без неё, что в той прошлой жизни я выжил в Афгане только благодаря тем письмам, которые она мне писала. А она... Она стояла в компании своих подружек и что-то весело обсуждала, ещё не зная, какие коварные планы зрели в моей голове.

Зазвучала мелодия медленного танца. Я подошёл к ней.

— Простите, могу пригласить Вас на танец?

Она согласно кивнула головой, и мы закружились в танце.

— Меня зовут Юрием. Хотите, я угадаю, как Вас зовут?

Она посмотрела на меня, улыбнулась в ответ:

— Попробуйте.

— Думаю, Вам очень подойдёт имя Елена.

— Интересно, а что ещё Вы успели услышать из наших с подружками разговоров? — её глаза хитро смеялись.

— Поверьте, я не подслушивал Ваши разговоры. Уже давно я увлекаюсь изучением хиромантии и физиогномики и могу даже предсказывать будущее.

— Да?? И что же меня ждёт в будущем?

— Знаете, здесь не та обстановка, чтобы говорить о таких серьёзных вещах, если Вы мне дадите свой домашний телефон, то при новой встрече я расскажу Вам много интересного, — контроль и ещё раз контроль боже, как тяжело и непривычно называть любимую женщину на Вы, близкого и родного человека, с которым прожил столько лет вместе, воспитывал общих детей и делил радость и горе... И вдруг мне пришла в голову мысль о том, что эта жизнь может преподнести сюрпризы, и для того, чтобы нам быть снова вместе, мне надо будет прилагать серьёзные усилия. Да... Задача со многими неизвестными. Поборемся, чего не сделаешь ради любви!

— Я подумал. Спасибо за танец, — она подошла к своим подружкам, а я подумал, что ситуация повторяется. Хотя... Я же и так знаю и помню не только её домашний адрес и телефон, но и почти ВСЁ о ней!

Меня отвлек сокурсник Илья Левин. Шибутной и шустрый малый, тёмноволосый, кареглазый, невысокого роста, но крепкого телосложения, пользовался успехом у

прекрасной половины и даже успел к своим двадцати двум годам жениться и родить ребёнка. Родила, конечно, его жена, а он был папой. Левин был родом из Калинина. Имел неплохую подготовку по карате и хотя не боялся конфликтных ситуаций, в драки ввязывался редко. У него было удивительное умение дипломатично обыграть своего противника, используя хорошо подкованную речь.

— Колёк, ты после дискотеки куда собрался? — Илья схватил меня за локоть и придвинулся поближе, музыка звучала так громко, что только говоря прямо в ухо собеседнику, можно было рассчитывать на ответ.

Я улыбнулся. Всё как тогда. Бросив взгляд на то место, где пару минут назад стояла с подругами Лена, я их уже не увидел.

В этот момент со стороны входа раздался крик:

— Помогите!

Мы с Ильёй одновременно подошли к компании молодых людей нашего возраста, которые пытались вытащить из зала симпатичную девочку, вырывавшуюся из их круга. На скидку их было человек двенадцать.

— Слышишь, девочка, не дёргайся, — наглый парень лет восемнадцати — девятнадцати крепко держал её за руку.

Я оценивающе посмотрел на него: блондин, физически крепкий, плотный, чуть выше среднего роста.

— Пацаны, что происходит? — Илья резко вклинился в середину стоящей компании.

— Тебе что надо, терпила? — наглец, который явно был вожаком этой подростковой стаи, копировал уголовные замашки.

— Мне? — Илья обратил внимание на то, что я прикрыл ему спину, — Да я так, мимо шёл.

Илья, как всегда, был в своём репертуаре. Даже в не простых ситуациях на его лице гуляла смешливая ухмылка. Выросший без отца, он привык участвовать в уличных разборках родного Калинина, нахватался жаргонных словечек и при случае любил их использовать.

— Ну так шёл бы ты дальше, не мешай мне с моей подругой общаться, -

— Я не твоя подруга!

Перед нами стояла симпатичная, можно сказать красивая брюнетка с хорошей фигурой. Один из хулиганов держал её за руку, не давая вырваться из их круга.

— Отпустил бы ты девчонку, — Илья кинул взгляд в мою сторону, — а мы поговорим спокойно.

— Ты чего, курсантик? Хочешь поговорить, ну пойдём выйдем.

Толпа двинулась на выход.

— Серый! — шкет в серой водолазке кивнул на девушку, — а чё со шмарой делать?

— Говнюк, за свои слова надо отвечать,

— не сдержался я.

— Ответим, курсантик, — криво ухмыльнулся вожак банды и кивнул подельнику, — Тащи её с нами. Чтоб не возвращаться.

Вышли... На задний двор Дома Культуры. Помнится мне, что прошлые разборки проходили в мужском туалете этого же здания. Я оценил обстановку, бросив взгляд вокруг себя.

Один, самый мелкий, цепко держал Светлану, именно так звали брюнетку, из-за которой начался весь сыр-бор.

Остальные, а их было одиннадцать человек, сомкнулись в круг диаметром метра три, в центре которого стояли мы с Ильёй.

А где все наши? Странно как-то, что никто с нашего курса не вышел за нами.

Ну да ладно, сейчас не до посторонних мыслей.

— Ну что, фраера допиз. сь?

Удар, нанесённый мне ногой сзади, я почувствовал каким-то звериным чутьём. Движение только начиналось, а я уже ощутил, как чья-то нога летит мне прямо в правую почку. Резко развернувшись, я пропустил её, обратным крюком правой руки прихватив лодыжку и, резко потянув на себя, сделал шаг вперёд с нанесением удара правым локтем в лицо противника. От удара его нос с хрустом вмялся, а сам его обладатель, видимо, потеряв сознание, упал на спину.

Смутный парень слева от меня не успел отреагировать на моё йоко гери, которое практически отбило ему плечо и парализовало левую руку.

Ещё один хулиган получил уширо гери, один из сильнейших ударов в карате, который наносится ногой назад, в основном пяткой (какато) или подушечкой ступни (чесоку). Ему я попал в грудь, в район солнечного сплетения, надолго отправив в нокаут.

— Spина к спине! — Илья подставил жёсткий блок левой рукой, отбивая прямой удар правой руки плотного парня со шрамом на щеке. И тут же по круговой траектории нанёс сбоку в голову удар маваша гери, который буквально снёс его соперника.

Краем глаза вижу летящий мне в голову кулак, слегка отклоняюсь в сторону и наношу в висок зарвавшегося противнику уракен сай учи жёсткий удар, после которого бессознательное тело падает на снег.

Ещё один бедолага, получив удар в челюсть от Ильи, заваливается назад...

И вдруг всё замерло. Все участники нашего кордебалета застыли, как будто их внезапно заморозили. Окинув поле битвы взглядом, я увидел в руках Серого "пику" или по-другому заточку, напильник, заточенный с одной стороны до остроты шила. И эта пика, до поры лежавшая у него в рукаве, была направлена в живот Илье.

Одним шагом с разворотом я переместился к ним. Ударив по руке бандита, я услышал хруст ломаемой кости, и в то же время всё пришло в движение. Крик Серого резко ударил по ушам. Он даже не орал, а выл, схватившись своей левой рукой за кисть правой руки, которая, казалось, висела на одной коже. Заточка упала на землю и лежала у его ног. Не знаю, что больше подействовало на его подручных, его вой или искажённое дикой болью лицо с выпученными глазами, которые, казалось, ещё немного и вывалятся из глазниц.

Из всей банды на ногах оставались только четверо. Трое лежали не шевелясь, а пятеро подавали признаки жизни, пытаясь встать на четвереньки.

Илья стоял, открыв рот и глядя на меня в немом изумлении.

— Давай быстрее! Уходим, пока менты не приехали! — я подскочил к мелкому, продолжавшему держать брюнетку.

— Отпусти девушку.

Взяв Свету за руку, я потащил её в гардероб. Время поджимало, а нам ещё надо было получить свои шинели и пальто девушки.

Отдышались в метро.

— Светлана, Вы где живёте? — Илья как-то быстро пришёл в себя и с улыбкой смотрел на девушку.

— На Вернадского, — в этот момент к платформе подошёл нужный нам поезд.

— Так это всего через пару станций отсюда. Давайте мы Вас проводим. Не возражаете?

— Ой, спасибо, мальчики, я так испугалась, что одна теперь пока домой не приду, буду бояться.

Да, вид у Светы был неважный. Вся растрёпанная и бледная, она ещё находилась под впечатлением прошедших событий.

— Ребята, большое Вам спасибо! Никогда не думала, что со мной может такое произойти. Если бы не Вы, даже не знаю, чтобы было!

Мы стояли возле подъезда шестнадцатиэтажного панельного дома и делились своими впечатлениями от уходящего вечера.

Светлана ещё в метро навела марафет и теперь усиленно строила глазки Илье.

Я успел поговорить с ней о Лене, и Светка, прекрасно поняв, что моё сердце уже занято, полностью переключилась на Илью.

— Валера, я ничего не могу обещать, но сделаю всё возможное, чтобы Лена дала свой номер телефона! А когда у Вас следующие выходные?

— Увольнительные, — поправил Илюха, — выходных у курсантов не бывает. Точно сказать не можем, всё от наших командиров зависит, ты мне свой телефончик оставь, а я позвоню.

Номер телефона Лены я и так прекрасно помнил, но надо было доигрывать свою роль незнакомца до конца, и пришлось попросить Свету поговорить обо мне с Леной...

Мне всегда импонировало, как легко и непринуждённо Илья переходил с девчонками на ты. Он всегда чувствовал тот момент, когда от чопорно-вежливых отношений надо переходить к более близким.

Вот и сейчас мы расставались со Светой как близкие друзья, а Илья ещё и уносил с собой листок с заветным номером её домашнего телефона.

— Только звоните мне после восьми вечера! Я раньше домой из училища не приезжаю! — Видимо, поддавшись внезапному порыву, она вдруг наклонилась к Илье и поцеловала в щёку сначала его, а потом и меня.

— До свидания! — быстро набрав код подъезда, она открыла дверь и ушла.

А мы с Ильёй пошли к метро.

Мне упорно не спалось. Адреналин бурлил в крови, и я в очередной раз прокручивал в голове события уходящего дня. В метро Илья доставал меня вопросами. Он никак не мог понять, что произошло во время драки.

— Валер, у меня как будто кусок памяти вынули. То я дерусь, а потом вдруг передо мной на земле лежит пика, этот сучёнок визжит со сломанной рукой, и ты стоишь рядом. Как это всё произошло? Это ты ему руку сломал? Или я??? Ты же далеко был, за спиной у меня, а потом смотрю — а ты слева... и этот вопит.

Я сказал ему, что у него стресс, вот и забыл часть событий. И руку сломал ему он. Пусть не думает, что я супермен.

Фантастика какая-то. Попал в своё прошлое, теперь ещё и выясняется, что я могу замедлять время. Это только в стрессовых ситуациях или по желанию?

Полигон. Граната.

Военный полигон. Сколько мальчишек прошло через него, осваивая свою сложную профессию — защищать Родину. Да и не только мальчишек, в мире хватает армий, где тяжёлую лямку службы наравне с мужчинами тянет прекрасная половина человечества.

В Вооружённых силах любой страны полигоны играют огромную роль в подготовке профессиональных кадров, помогают военнослужащим окунуться в условия, приближенные к боевой обстановке, обеспечивают необходимыми тренировками и испытаниями, чтобы совершенствовать навыки и закалять боевой дух.

Полигон Московского высшего военного командного училища расположен в Ногинск-2. С Курского вокзала на электричке до Ногинска (Захарово конечная), потом на автобус со станции напротив вокзала в Ногинске до деревни Соколово, а оттуда пешком до полигона.

Весна 1987 года выдалась холодной, только в последних числах апреля резко потеплело, и нас начали возить на полигон МВОКУ.

В 80-х годах МВОКУ считалось по праву одним из лучших военных училищ в вооружённых силах Советского Союза. Среди выпускников училища было четыре маршала, более пятисот шестидесяти генералов, девяносто выпускников получили звание Героев Советского Союза. Из-за того, что училище располагалось непосредственно в Кремле, его курсантов называли «кремлёвцами».

Ох, и жёсткая у них была подготовка. В поле они практически проводили большую часть своего учебного времени. В полной боевой выкладке, с шинелью в скатке и автоматом в руках курсанты МВОКУ летом и осенью, зимой и весной, в жару и холод, в дождь и снег учились не просто защищать Родину, а умело командовать вверенными подразделениями и выполнять поставленные боевые задачи.

В этом плане нам до них было далеко. На первом месте у нас стояло знание иностранного языка и умение правильно переводить в боевых условиях. Хотя, безусловно, мы всё равно в первую очередь учились быть офицерами.

В Военном институте была отменная учебно-материальная база, но не было своего полигона. Вот и приходилось командованию института договариваться с руководством МВОКУ о тренировках курсантов в Ногинском учебном центре.

От института нас везли в грузовых тентованных Уралах, справа и слева вдоль бортов скамейки, на которых сидели по пятнадцать курсантов. Урал — 4320 машина хорошая, но трястись в ней шестьдесят пять километров в одну сторону не каждый выдержит, особенно после плотного завтрака. Отдельные курсанты, непривычные к такой перевозке, поначалу сидели на корточках возле заднего борта и изливали из себя потоки пиши с излишками желчи.

Наше командование учитывало то, что выпускники ускора будут проходить службу в условиях войны, и поэтому боевой подготовке уделялось достаточно много внимания. Во-первых, нам увеличили продолжительность и интенсивность занятий в поле, во-вторых, на учебных и методических занятиях курсантов пропустили через все учебные точки и заставили глубоко изучить стрельбу из всех видов оружия и метания гранат, в т. ч. и кумулятивных противотанковых. Мы должны были быть не только готовыми к любым

условиям службы, но и показывать свою эффективность как боевой единицы. Умение воевать и выживать в одиночку входило в одну программу, а другая программа предусматривала нашу подготовку как командиров и включала в себя отработку сложных боевых операций, тактическое маневрирование располагаемыми силами и средствами, командование различными подразделениями в реальных условиях. Физическая выносливость, дисциплинированность, стрессоустойчивость и боевой дух, несмотря ни на что — вот что в нас формировали наши командиры в первую очередь.

Мы учились стрелять из различного оружия: пистолета, автомата, ручного пулемёта Калашникова, пулемёта Калашникова ПКМ 7,62 мм, автоматического станкового гранатомёта АГС — 17, снайперской винтовки Драгунова. Пару раз дали стрельнуть из крупнокалиберного пулемёта НСВ-12,7 «Утёс» и РПГ-18 «Муха», а также прокатились на БТР 70 и опробовали КПВТ и ПКТ.

Огневой городок был допотопный и представлял из себя ряд окопов и полуокопов с брустверами, из-за которых по стоячим мишеням велась стрельба. Кроме этого, нами изучалась тактика мелких воинских подразделений, их действий в различных видах боя и условиях местности, что очень помогло выжить многим из нас в командировках в горячих точках.

Здесь мы познакомились с основами манёвров, маскировки, скрытного передвижения как обычных подразделений, так и войск специального назначения. Именно здесь мы освоили основы планирования и организации разведывательно-поисковых действий, засады и налёта.

Полигон имел разнообразную топографию, здесь были и лесные участки, и поля, и холмы. Как я понял уже в Афганистане, умение ориентироваться на местности, безусловно, было одним из главных качеств настоящего спеца.

На одном из выездов проводили учебные метания гранаты из окопа.

Граната — это взрывчатый боеприпас, предназначенный для поражения живой силы противника. При этом она поражает большую площадь и уберечься от ее взрыва довольно трудно. Но можно.

По правилам безопасности в переднем окопе находились курсант и инструктор, которого нам выделяли от полигона. Сначала нас тренировали метать болванки со взрывателем, и только убедившись, что все освоили технику метания гранаты, нам доверили бросать боевые гранаты.

Я правша. В этой руке у меня граната РГН (ручная граната наступательная), спусковой рычаг плотно прижат пальцами к корпусу гранаты.левой рукой выпрямляю концы предохранительной чеки, указательным пальцем за кольцо выдёргиваю чеку из запала, а правой рукой размахиваюсь и бросаю гранату в мишень, которая в тридцати пяти метрах от меня, а сам укрываюсь в окопе.

Инструктор хлопает меня по плечу:

— Молодец, боец! Главное не бздеть!

И обернувшись назад, кричит в сторону окопа, из которого моя группа наблюдает за бросками, ожидая своей очереди:

— Следующий!

После отпускания скобы раздаётся довольно громкий хлопок — срабатывает капсюль-воспламенитель, ну и горение замедлителя сопровождается шипением и выделением дыма.

Курсант Шевченко хоть и служил в армии целый год, прежде чем поступил в военный институт, но с гранатами дел не имел. Сказалось волнение и то, что момент хлопка взрывателя передался в его руку, и Шевченко испугался, машинально разжал руку и выронил гранату в окоп. Три — четыре секунды, столько проходит времени до взрыва. Инструктор нагнулся, схватил гранату и выбросил ее в сторону мишени, где она и взорвалась. И только после этого, отряхнувшись от земли, спокойно посмотрел на бледного курсанта и сказал:

— Не зачёт. А по-хорошему тебе бы ещё и пиздюлей накатить надо бы. Ну да ладно. Я сегодня живой и поэтому добрый. Бери новую гранату, будем метать.

Вот так с добрым словом и хорошим наставником мы постигали суровую военную науку.

Отступление.

Горбачёв, Яковлев, Тэтчер, МИ-6, Руст.

Конец мая — начало июня 1987 года запомнился мне не только усиленной подготовкой к началу выпускных экзаменов ускоренных курсов, но и увольнением сотен высокопоставленных военных во главе с министром обороны Советского Союза маршалом Соколовым. Генеральный секретарь КПСС Горбачёв продвигал подписание договора с США о сокращении ядерного оружия, но этому противился Соколов. Перестройка, о которой так много говорил генсек, затормозилась. Выполняя установки, получаемые со стороны кукловодов, Горбачёв заменял неугодных ему чиновников на лояльных, но с армией, которая пользовалась народной любовью, возникли сложности.

И тогда ему на помощь пришла английская разведка Ми-6, с которой уже тогда у него были тесные связи.

Ещё в декабре 1984 года в ходе визита в Великобританию Горбачёва пригласила к себе в особую загородную резиденцию в Чекерсе премьер-министр Маргарет Тэтчер.

Машина с Михаилом Горбачёвым и Александром Яковлевым (директором Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, близким другом Горбачёва и одним из главных идеологов перестройки) плавно съехала с шоссе, пересекающего сельский округ Эйлсбер, на дорогу в направлении деревни Эллсборо, вблизи которой, у подножия холмов Чилтерн, и располагалась резиденция.

Личная дружба между ними завязалась в мае 1983 года, когда Горбачёв прилетел в Канаду во главе делегации Верховного Совета СССР, а Яковлев был там в это время послом СССР.

— Ну что, Александр Николаевич, думаешь, не обманут нас англичане?

— Не должны, Михаил Сергеевич. Уж слишком много на карту поставлено!

— Не должны, — повторил Горбачёв, — дело политиков — политический процесс пусть развивается в рамках конституционных, и в конце концов мы подведём народ под правильный выбор. Как думаешь, сможем?

— Да, мы найдём какие-нибудь коню..., эти... эээ, ограждения-огород соорудим из законов, нас ограждающих. А страдать будет опять народ, — он ухмыльнулся краем губ, — Опять его то ли воевать, то ли ... и убивать, так сказать, придумаем что-нибудь. Войну какую-нибудь справедливую. У народа ещё психология, оставшаяся от древних времён, ещё с пещерного человека, когда он охотился на мамонта. Ну, чтоб поесть, надо... вот это... тут же хвататься за саблю до сих пор! Как чуть что, ну, — Яковлев хотел симитировать доставание сабли, но спохватился, что он в машине, — у нас ещё армия есть, но там, знаете, Михаил Сергеевич, своих людей ставить надо. Я хотел уточнить свою позицию. Нам надо отстранить политиков, когда будет решаться вопрос о независимости нашего государства, и запустить то, что называется сепаратизм. Нам надо людей спросить, есть кто устал от перемен, это... эээ, перестройку хотят. Мы через них всё запустим.

— Это понятно. А что по расширению НАТО говорить будем?

— Михал Сергеевич, ну на здоровье, потому что в век ядерного оружия это не имеет ни малейшего значения. Ну ни малейшего значения! Придвинется НАТО, не придвинется

НАТО, с точки зрения безопасности это не имеет ни малейшего значения!

Автомобиль свернул на аллею, ведущую к расположенному в глубине территории дому.

— Мистер Горбачёв, мистер Яковлев, добрый день! — Маргарет Тэтчер встретила их возле своей резиденции в неоготическом стиле.

Старинный загородный особняк Чекерс, или Шашечный суд, был официальной резиденцией премьер-министра Великобритании. Построенное в двенадцатом веке поместье было подарено нации сэром Артуром Ли в 1921 году Мировым соглашением, полностью вступившим в силу в Законе о поместье Чекерс 1917 года. Герб одного из первых владельцев дома, Элиаса Остиариуса, включал шахматную доску, что, видимо, и послужило его названию, но возможно, что он был назван в честь шашечных деревьев (род рябины), которые растут на территории поместья.

Их провели в небольшую уютную комнату с камином и удобными креслами, расположенными вокруг журнального столика.

— Господа, прежде всего я рада представить Вам сэра Кристофера Кит Карвена, главу нашей Секретной разведывательной службы.

Высокий стройный мужчина лет сорока пяти-сорока восьми поднялся с одного из кресел и слегка склонил голову.

— Присаживайтесь, — Тэтчер показала рукой на свободные кресла.

— Будете чай или кофе, или, может, господа предпочтут выпить немного виски? — Она наморщила свой лоб и улыбнулась, — мне бы хотелось, чтобы наша беседа проходила в дружественной обстановке.

— Кофе, пожалуйста, — у Горбачева всегда была страсть к кофе. Пил он его всегда и очень много.

— Я, как Михаил Сергеевич, тоже буду кофе, — Яковлев любил подчеркнуть, что не только мысли, но и желания у него такие же, как и у его старшего товарища.

Принесли кофе и хлеб с мармеладом.

— Попробуйте, господа, — Тэтчер пододвинула тарелку с мармеладом поближе к гостям.

— Мистер Горбачёв, сэр Карвен доложил мне о трудностях, возникших у Вас в связи со смертью Вашего покровителя Андропова. Ваш новый Генеральный секретарь Черненко не относится к Вам с симпатией, верно?

— Да, это верно, — замялся Горбачёв.

— Пусть Вас это не тревожит. Черненко старый и больной человек. Такой же, как были и Ваши предыдущие генеральные секретари Брежнев и Андропов. Помните наш разговор на похоронах Андропова? Подождите ещё немного, думаю, через год у нас получится решить вопрос с Вашим продвижением. Вам нужно быть готовым. Нельзя допустить к власти Вашего Григория Романова.

— Это правильно. — Горбачёв даже привстал из кресла. — Романов убеждённый коммунист, но мы уже работаем над тем, чтобы дискредитировать его. Запущены слухи о якобы использовании им из нашего известного музея Эрмитажа сервизов Екатерининского времени и что они были разбиты во время свадьбы его дочери.

— Сэр Карвен, Вы мне ничего такого не рассказывали, — Тэтчер повернула голову в сторону главы МИ-6.

— Извините меня, я как-то упустил этот момент, — Кристофер Карвен встал с кресла и склонил голову.

— Господа, нам понадобится Ваша помощь в замене верхушки нашей армии. Думаю, у нас будет серьёзное противостояние, которое нельзя допустить. Вот смотрите.

Горбачёв вытащил из портфеля карту Генштаба СССР со всеми грифами секретности и разложил её на журнальном столике. На карте были изображены направления ракетных ударов по Великобритании.

— Госпожа премьер-министр, со всем этим надо кончать, и как можно скорее! — Михаил Сергеевич смотрел на Тэтчер, которая растерянно рассматривала изображения стрелок — направлений ядерных ударов по городам Великобритании со стороны Советского Союза.

— Вы видите, здесь нанесены места размещения всех ядерных запасов нашей страны. Каждой из таких вот клеточек вполне достаточно, чтобы уничтожить всю жизнь на Земле. Значит, накопленными ядерными запасами всё живое можно уничтожить тысячу раз!

— Хорошо. Кристофер, нам надо ускорить операцию «Генеральный секретарь». Февраль, максимум, начало марта следующего года. Вам всё ясно?

— Да, госпожа премьер-министр!

— И начинайте подготовку вариантов операций для дискредитации высшего военного руководства Советской армии.

Генеральный секретарь КПСС Константин Черненко пробыл на своём посту чуть больше года, большую часть своего правления он провёл на койке в Центральной клинической больнице. Состояние его здоровья начало резко ухудшаться после того, как он отведал копченой рыбы, присланной министром МВД СССР Виталием Федорчуком. У Черненко развилась тяжелейшая токсикоинфекция с осложнениями в виде сердечной и легочной недостаточности. Днём десятого марта 1985 года личный врач К. У. Черненко констатирует его смерть. Григорий Романов, который в руководстве ЦК КПСС курировал вопросы, связанные с военно-промышленным комплексом СССР, в это время отдыхал в литовской Паланге. О смерти Черненко ему сообщили с десятичасовой задержкой. Сразу же выехав, в Москву он прибыл только на следующий день. Там его поставили перед фактом избрания на должность Генерального секретаря М. С. Горбачёва, который через несколько дней снял Романова с должности и отправил на пенсию.

Матиас Руст родился и вырос в городке Ведель, земля Шлезвиг-Гольштейн. Его детство прошло на берегу Эльбы, куда они всей семьёй любили приходить в выходные дни. Благодаря своему отцу, который был увлечён небом и самолётами, маленький Матиас попал на аэродром в пять лет. С тех пор подняться в небо стало главной его мечтой. Когда он подрос, то начал заниматься лётным делом в Гамбурге, благо, что до него было всего двадцать километров. На семнадцатилетие отец сделал ему подарок, купив полёт с инструктором, который в дальнейшем и учил его летать.

Его инструктор Хофманн не только учил летать, но и очень увлекательно рассказывал о других странах и возможностях пилотов путешествовать между ними. Небо полностью захватило Матиуса, к тому же по своему характеру он был упрямый и настырный, добиваясь тех целей, которые ставил перед собой.

Во время Второй Мировой войны Вилли Хофманн состоял в гитлерюгенд, юношеской

военизированной нацистской организации. Адольф Гитлер считал эту организацию своим любимым детищем. В умы молодёжи вкладывалась будущая идеология сверхлюдей, и Вилли не был исключением, когда в 1945 году шестнадцатилетним подростком пошёл защищать Берлин от русских. Третий Рейх пал, но идеология, в которой его воспитали, жила в его сердце и требовала реванша. После войны Вилли остался в Берлине, где его нашли сотрудники МИ-6 и привлекли к своей разведывательной деятельности.

Разделив Германию на две части, союзники некоторое время поддерживали в отношениях статус-кво. Однако британские стратеги уже разрабатывали план операции «Немыслимое» — войны против СССР, а на англо-советском участке начались провокации, в которых и использовались молодые немцы, считавшие англичан меньшим злом.

По мнению Черчилля, «во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, надо немедленно создать новый фронт против её стремительного продвижения; в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток...»

В Гамбургском филиале английской разведки Вилли Хофманн занимался отбором и подготовкой молодых немцев с перспективой их дальнейшего использования против СССР. Имея лицензию инструктора лётного дела, Хофманн легко вербовал новых агентов, а иногда использовал их в тёмную.

Вот и Матиус Руст привлёк его внимание после того, как Хофманну поставили задачу найти исполнителя хитроумного плана по нарушению границы Советского Союза. Молодой амбициозный человек был идеальным кандидатом на эту роль. Последние полгода Вилли подталкивал юношу к идее полёта в Москву ради мира на Земле. Слова инструктора упали на благодатную почву, и парень загорелся этим, уже считая, что это его собственные мысли.

В восемнадцать лет Матиас сдал экзамены и осуществил свою мечту, получив лицензию пилота.

— Поздравляю тебя, Матиас!

Самолёт Руста мягко остановился на взлётно-посадочной полосе. И первым его встретил инструктор Хофманн.

— Какие у тебя дальнейшие планы, сынок? Не раздумал стать миротворцем и увидеть Москву с высоты птичьего полёта?

— Нет, учитель, не раздумал! Я хочу создать воображаемый воздушный мост между Востоком и Западом. Хочу показать народам СССР стремление ФРГ к миру!

— Молодец! Настоящий мужчина всегда добивается своего! Ты уже подумал над маршрутом полёта и какой самолёт для этого лучше подойдёт?

Девятнадцатилетний пилот-любитель из ФРГ Матиас Руст арендовал самолёт «Cessna 172».

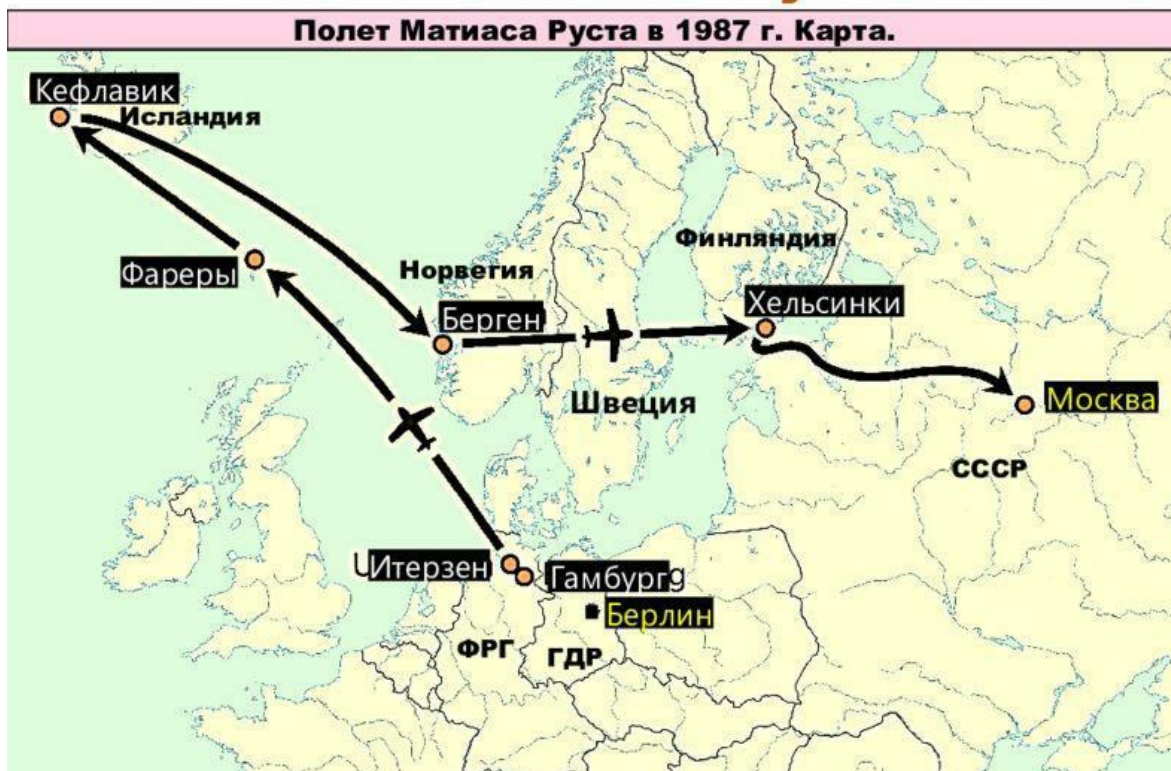
Тринадцатого мая 1987 года он вылетел из Германии на Фаррерские острова, где дозаправился и полетел в Исландию. Пробыв там несколько дней, он перелетел в Норвегию, а затем в Хельсинки.

Из столицы Финляндии Руст вылетел в 13:30 по московскому времени. Долетев до Финского залива, он развернулся: его самолет лег на курс к Москве. Он ориентировался по компасу, озерам под крыльями Cessna — Чудскому, Ильмену, Селигеру — и железнодорожному пути Ржев — Москва. В 14:10 самолет Руста заметили дежурные советского зенитно-ракетного дивизиона, но команды на уничтожение борта так и не последовало.

Советские системы ПВО наблюдали за нарушителем на протяжении практически всего его маршрута в одну тысячу сто тридцать километров.

В 18:15 Матиас Руст беспрепятственно сел на Красную площадь в сердце Советского Союза.

Полет Матиаса Руста в 1987 году

28 мая 1987 г. 19-летний немец **Матиас Руст** на своем самолете приземлился на своем самолете на Красной площади – в самом сердце советской столицы.

Самолет пилота-любителя преодолел расстояние от советской границы до столицы страны и не был сбит системами противовоздушной обороны.

Это был настоящий шок. Символично, что событие произошло в День пограничника.

Поставленная премьер-министром Великобритании задача по поддержке Горбачёва была выполнена на 100 %. Отправляя в полёт Руста, Ми-6 рассчитывала, что его собьёт ПВО русских, после чего весь «цивилизованный мир» поднимет шум о убийстве молодого парня, полного пацифистских идей. И это даст повод Горбачёву убрать неудобных ему военачальников. Однако русские не сбили самолёт Руста, а его посадку на Красной площади засняли несколько профессиональных камер. Это был настоящий плевок в лицо всей советской системе, что дало Горбачёву ещё лучшую возможность избавиться от министра обороны маршала Соколова и преданных ему людей. А самым интересным оказался тот факт, что, как писали немецкие журналисты, у севшего на Красной площади самолёта Руста топливные баки оказались почти полными, а значит, уже где-то на территории Советского Союза его самолёт произвёл посадку для дозаправки...

От автора: Уважаемый читатель! Надеюсь, что сюжет романа понравился, а дальнейшие события увлекут тебя. Основная интрига впереди. Следующие главы планирую выложить завтра. Критика и лайки принимаются).

Выпуск и к чему приводят размышления.

В конце июня 1987 года нас построили на центральном плацу Военного института, в торжественной обстановке вручили дипломы об окончании Ускоренных курсов Военного института и объявили о присвоении звания младший лейтенант.

Нам выдали отпускные билеты и предписания явиться после окончания отпуска на место службы.

Саша Гуревич закатил пышную свадьбу. Танька забеременела от него, и её мама настояла на браке до того, как новоиспечённый младший лейтенант отправится зарубеж исполнять свой интернациональный долг. На свадьбу Сашка пригласил весь наш курс, кроме меня. И хотя я видел, что какие-то сомнения в отношении честности Татьяны у него зародились, в последнее время он перестал игнорировать меня полностью и даже стал здороваться, но любовь застлала его взор, не позволяя помириться со старым другом.

Все мои друзья разъехались в отпуск по разным концам нашей необъятной Родины, а я, наконец-то получив свободу действовать, начал поиски кинжала и его владельца. Если бы меня кто-то спросил, зачем я это делаю, то у меня на этот вопрос ответа не было. И в тоже время это был мой единственный шанс понять, что со мной произошло.

Информации было катастрофически мало. Шансы найти ветерана, который владел ножом до меня, стремились к нулю.

На моё счастье, мне удалось договориться с комендантом Хилтона, как мы называли общежитие гостиничного типа на территории института, в котором жили курсанты, начиная с четвёртого курса, и приезжие офицеры. На неделю меня пустили пожить в пустующую комнату отбывших выпускников, в которой собирались делать ремонт. Этаж был пустой, и только в двух комнатах ещё обитали поварёшки, как мы ласково называли девчонок Клинского кулинарного училища, которые проходили преддипломную практику в нашей институтской столовой.

Сев на стул возле окна и глядя на вечернюю Волочаевскую улицу, я начал проводить ревизию имеющейся информации.

Кинжал я купил в 2002 году. Сейчас 1987 год. Сколько может быть лет ветерану? Я напряг память. Точно! Парень, который продал кинжал, говорил, что деду уже чуть за восемьдесят, а он ещё всё отлично помнит, и если бы не последствия многочисленных ранений и контузий, то он хорошо бы себя чувствовал. Тогда сейчас ему под семьдесят лет. Живёт он в Кунцевском районе. Конкретно рядом с рабочим посёлком, что существенно сокращает поиски. Кунцевский район до 1991 года был просто огромный, с населением почти четыреста тысяч человек, но после развала Советского Союза власти затеяли административную реформу, и в итоге историческое Кунцево разделили на четыре района. А если он туда переехал позже? Тогда мне вообще ничего не светит... Нет, вспомнил, в разговоре с помощником проскользнуло, что они соседи и ветеран знает его с пелёнок.

В Кунцево стройка только начинается. В основном стоят дома послевоенной застройки пятидесятых годов. Есть дома, которые строили пленные немцы, есть «сталинки» и «хрущёвки». Многие дома в Кунцево изначально были выкрашены в ярко-жёлтый цвет, за что кварталы в окрестностях Молодёжной (Молодогвардейской) улицы получили прозвище

«Страна Лимония». Первое упоминание о Кунцево вообще датируется 1622 годом и встречается в жалованной грамоте царя Михаила Фёдоровича князьям Мстиславским, потом именованной владели князья Милославские, Нарышкины, а с 1865 года и до самой революции фабрикант Солдатёнков.

Да. Район не маленький. Задача не из лёгких.

Что-то я упускаю, где там мои полочки с отформатированными знаниями?

Парня, помощника ветерана, звали Сергей. Ну, ему сейчас лет пять максимум.

А вот у деда было звучное имя. Сергей называл его... Юрий Петрович!!!

Полковник КГБ — НКВД, сотрудник контрразведывательной организации СМЕРШ

Говорят, что название организации придумал лично товарищ Сталин. Виктор Абакумов, будущий руководитель СМЕРШа, предлагал Сталину несколько вариантов названий, но Иосиф Сталин сурово ответил: «Товарищ Абакумов, надо так назвать, чтобы врагам страшно стало, что бы тебя боялись! А давайте назовём «СМЕРШ», от сокращенного — смерти шпионам».

Абакумов, конечно, сразу согласился. Да и название получилось звучное и хлёсткое, похожее и на удар плётки, и на шипение приоткрывшейся к нападению кобры. В общем, маладэц Сталин!

Семья Капустиных живёт с отставным полковником на одном этаже, соседи.

Обобщаю: Военный пенсионер, полковник, скорее всего, ветеран КГБ или военной контрразведки. Зовут Валерий Петрович. Возраст около шестидесяти восьми — семидесяти лет. Живёт в Кунцевском районе.

Всё равно информации очень мало.

И вдруг меня озарило! Фамилия пацана, Серёги, Капустин! Надо искать его семью, а дед живёт рядом.

Сегодня куда-либо ехать было поздно, а вот завтра поеду в адресно-справочное бюро искать Капустиных.

С тоской посмотрев на пустой холодильник, в который так и не успел ничего купить, я одел туфли и направился в ближайший гастроном.

Массовый отъезд курсантов в отпуска положительно повлиял на наличие товаров в магазине. Мне удалось купить не только докторскую колбасу, но и банку майонеза, банку зелёного горошка, полкило сосисок. С хлебом не повезло, его почему-то уже разобрали, и пришлось довольствоваться печеньем. Зато в винном магазине отоварил свою карточку и получил бутылку водки «Андроповки» за четыре рубля семьдесят копеек и две бутылки плодово-ягодного вина «Золотая осень» по один рубль пятнадцать копеек.

В 80-х годах на территории Советского Союза повсеместно была введена система талонов. Во многих городах продуктовые талоны на мясо, масло, сахар, колбасу, табак и майонез гражданам выдавали в домоуправлениях, студенты получали их у коменданта общежития. В Москве дефицит был меньше, здесь талоны выдавали на водку, табак и сахар. К тому же количество покупаемых продуктов тоже было ограничено месячной нормой. Например, сахара на месяц на человека продавали 1 кг, табачных изделий два блока, т. е. двадцать пачек сигарет, а вот спиртного на одного взрослого в месяц полагалось две бутылки вина и бутылка водки или коньяка. Нам, свежеепечённым офицерам, такие талоны выдали в институте наши финансисты вместе с первой зарплатой и отпускными. Только не всегда можно было найти нужные товары в магазине, иногда за ними надо было занимать очередь рано утром, а то и в ночь.

Исключения были только для свадеб и похорон. Предоставив в магазин документ из ЗАГСа (управления записи актов гражданского состояния) ты мог купить два ящика водки.

Сложил продукты и алкоголь в авоську, перешёл через трамвайные пути и направился к КПП, до которого было всего метров четыреста, как вдруг меня окликнули из-за спины:

— Эй, пацан, постой-ка!

Это меня сразу же нервирует, потому что от таких окриков всегда стоит ждать какую-то подлянку.

Не замедляя шага, я бросил взгляд через плечо и увидел, что меня догоняют два типа старше тридцати. Избегая конфликта, хотел ускориться, но от стены казармы, расположенной вдоль трамвайных путей, отделилась ещё одна фигура и преградила мне дорогу.

— Слышь, ты чё в натуре такой шустрый? Тебя зовут, а ты в игнор ушёл.

Понятно. Гопники. Искали жертву, а тут ещё и халява подвернулась в виде бутылок водки и винца.

Бегущий первым потянулся, чтобы схватить меня за футболку, и совсем не ожидал, что я остановлюсь, переброшу авоську в левую руку и нанесу назад удар правым локтем прямо в его солнечное сплетение.

Всхлипнув, гопник схватился за грудь и выбыл из схватки. А я, развернувшись, сделал два шага назад, становясь спиной к забору института.

Тот, который выскочил мне навстречу, подходил справа. Слева встал небольшой крепыш в плоской кепке а-ля привет с Кавказа.

Удивляло, что гопники полезли ко мне, несмотря на то, что было ещё довольно светло, видно, очень бухнуть приспичило, а денег нет.

Оглядевшись по сторонам, я подхватил лежавший рядом со мной камень и приготовился к драке. И тут из КПП института выскочил дежурный прапорщик и с ним курсант второго курса.

— А ну, разошлись, падлы! — прапорщик был боевой, на правой стороне его кителя висели орденские колодки, а на ремне к боку прилежала кобура с пистолетом.

Увидев мою подмогу, гопники подхватили своего дружка и побежали в сторону дворов многоэтажек.

— Спасибо, Семёныч!

— Спасибо на хлеб не намажешь, — улыбнулся прапорщик, которого я хорошо знал по нашим совместным занятиям рукопашным боем.

— А ты чего на них смотрел? В спортзале покруче смотришься.

— Да жалко было бутылок, бросать не хотел, а с одной рукой много не навоюешь, — отшутился я.

Поднявшись на свой этаж, хотелось поскорее накрыть на стол и подкрепиться, желудок уже начал отбивать тамтамы, но к двери мне подойти не дали. Из комнаты поварёшек высунула голову самая бойкая из них, Танька, невысокая, темноволосая, с красивой грудью, симпатичной мордашкой, пухлыми губками и наглыми карими глазами.

— О, лейтенантик, куда спешишь? — У Таньки был удивительно развит нюх на алкоголь. Вот и сейчас её ноздри раздулись, а глаза загорелись от вида моей авоськи.

— На ловца ты уже прибежал! — Высунувшись полностью из дверей, она выхватила из моей руки сетку, — заходи к нам, у нас целая кастрюля жаренной курицы.

— А хлеб есть? — уточнил, понимая бесполезность своего вопроса, алкоголь всё равно

не вернуть.

— И хлеб, и к хлебу! И кое-что ещё! О чём не говорят, чему не учат в школе! — довольная, что ей не оказали серьёзного сопротивления, Танька затащила меня к ним в комнату.

Нас собралось человек двенадцать. Девчонки отмечали окончание практики и прощались с институтом, а заодно и с нами, теми, кто ещё не успел покинуть его стены.

Накурили так, что можно было вешать топор. Пили, ели, принесли гитару — пели.

Приятно вспомнить молодость, а то в той жизни последние десять лет давление зашкаливало, пить бросил. Ну и девять месяцев просыпаться в шесть часов утра от крика старшины: «Курс, подъём!» тоже хорошего мало.

Так что я расслабился и получал удовольствие. Жаль, что на гитаре я играть так и не научился, но вот петь любил и часто это делал в караоке, которого ещё нет.

У Володи, курсанта четвёртого юридического курса, оказался тонкий слух, и когда я попросил подыграть мне напев мотив романса «Гори, гори, моя звезда», он сразу подхватил мелодию.

Собравшаяся компания бурно отреагировала на нашу импровизацию, и я вспомнил ещё один мой любимый романс:

— Гусарская рулетка — жестокая игра,

Гусарская рулетка — дожить бы до утра.

Так выпьем без остатка

За всех шампань со льда.

Ставки сделаны, ставки сделаны,

Ставки сделаны, господа. Ставки сделаны, ставки сделаны,

Ставки сделаны, господа...

Танька, уже изрядно подвыпившая, пустила слезу, а потом решительно села ко мне на колени:

— Девки, сегодня Юрчик мой, и чтобы ни одна падла на него не претендовала.

— Танюшка, а меня спросить не хочешь? — попытался я спихнуть с себя её упругий зад.

— Нет! Не хочу! Ты, Юрчик, попал в мои крепкие и нежные объятия, а мне отказывать нельзя! — категорично заявила она и, прижавшись ко мне своей крепкой грудью, поцеловала меня в губы, запуская свою шаловливую ручку в мои штаны.

Молодость отреагировала соответствующим образом, и у меня пропала воля к сопротивлению.

Утром я проснулся с лёгкой головной болью. Всё-таки даже молодой организм не всегда может выдержать адской смеси из водки, вина, портвейна и пива. Хорошо хоть проснулся в своей комнате, а рядом, закинув одну ногу на меня, сопела Танька. Посмотрел на часы — уже было десять утра. Стараясь не шуметь, встал с кровати, натянул трико и пошёл принимать душ. Вернувшись, посмотрел на сладко спящую девушку и не стал её будить.

Сделал зарядку. Собрался и поехал на поиски ветерана.

Ветеран СМЕРШа.

Найти Юрия Петровича Лисицына в многомиллионной Москве оказалось на удивление не сложно. Я не стал изобретать велосипед и попросту поехал в адресно-справочное бюро. Поразительно, но людей с фамилией Капустин было всего семьдесят три, а в Кунцевском районе их вообще проживало восемь человек. А когда я уточнил, что меня интересует Рабочий посёлок и прилегающие улицы, то в списке осталось только двое(!).

Ломиться к Капустиным я не стал. Поднявшись на второй этаж немецкого дома по улице Академика Павлова, где и проживал первый из Капустиных, я нажал на звонок соседней двери. Открыла мне дверь высокая приятная женщина лет шестидесяти.

— Добрый день, скажите пожалуйста, Юрий Петрович здесь живёт?

— Юрий Петрович? Лисицын?

Мне ничего не оставалось, как только кивнуть головой. Сто процентное попадание! С первого раза в яблочко! Мне и раньше говорили, что я везунчик, а я всё сомневался. Теперь и фамилию ветерана узнал!

— У него квартира номер девять, — и она махнула рукой в конец коридора.

— Спасибо! — радостно улыбнулся я и направился к двери Лисицына.

— А Вы, молодой человек, наверное, из школы? Опять будете приглашать нашего ветерана к себе? Ваши часто к нему заходят. Хотя сейчас же лето, дети на каникулах, — решила уточнить соседка Петровича.

— Да, из школы, — не стал ломать я стройную линию размышлений, которая натолкнула меня на повод для начала разговора с боевым офицером.

Юрий Петрович Лисицын в свои шестьдесят восемь лет выглядел на шестьдесят. Высокий, под метр восемьдесят пять, широкоплечий, стройный, с редкой сединой, которая терялась в его светлых волосах. О нём можно было бы сказать, что он красивый, если бы его лицо не пересекал шрам от мочки правого уха и до края губ.

Встретил меня в спортивном костюме. Оказалось, что он буквально десять минут назад пришёл со своей пробежки на стадионе Медик.

Взгляд старого НКВДешника прошёлся по мне рентгеном. Удивительно, но с первых минут мы испытали симпатию друг к другу. Несмотря на свою, однозначно не простую, жизнь полковник излучал позитивную энергию, а его серые глаза хоть и смотрели немного насмешливо, в то же время светились умом и добротой.

— Ну проходи, тётка. Обувь снимай. — Юрий Петрович достал тапки из шкафа и протянул мне, — одевай, пойдём я тебя чайком побалую, в ваших институтах такого не дадут.

Представляясь ветерану, я честно сказал, как меня зовут и что только закончил ускоренные курсы Военного института и стал офицером переводчиком со знанием афганского языка пушту. А приехал потому, что от моего однокашника, который жил и учился в Кунцево, услышал о ветеране, боевом офицере СМЕРШа. Он мне и адрес дал Главное, номер дома назвал правильный. И поскольку мне через месяц улетать в Афганистан, то считаю не лишним послушать знающего войну человека.

Так себе легенда, но не зря говорят, что чем проще, тем лучше.

И вот мы сидим на кухне и ведём разговор. Вернее, рассказывает Петрович, а я

внимательно слушаю.

— На войне всякое бывает... И чудеса разные случаются. Не зря говорят, что на войне атеистов нет. Все молятся. Вот я коммунист с двадцати лет, а крещённый. Родители в младенчестве окрестили. В церковь никогда не ходил, но молитвы знаю. Бабка моя, царство ей небесное, набожной была и меня приучала. Ну да, тогда уже Советский Союз строился. Меня в девять лет в пионеры приняли, в четырнадцать в комсомол, а в партию я в армии вступил.

В Красную Армию меня призвали в 1937 году. Служил пограничником на советско-финской границе в Ленинградском пограничном округе НКВД СССР. За полтора года дослужился до командира отделения. Думал, ещё полгода и на гражданку уйду, но начальник заставы уговорил остаться на сверхсрочную службу. Отправили меня на десять месяцев в полковую школу, а по возвращении присвоили звание старшины. Только начал осваиваться в новой должности, Зимняя война с финнами началась. Понятно, мы в первых рядах границу перешли. Я маневренной группой командовал, состав — двадцать пограничников. У нас задача была захватить пограничный пост и обеспечить продвижение наших войск в глубь финнов.

Границу разделяла речка, по-фински Съестар-йоки «Смородинная речка», а наши её Сестра называли. Не особо широкая, всего-то метров двадцать пять, но глубина от полутора до трёх метров. Нам повезло, в двадцатых числах ноября мороз ударил небольшой, ночью до минус пятнадцати, но этого хватило, чтобы ледок появился, тонкий, конечно, однако пройти можно было. Мы ночью и прошли, вернее, проползли на другой берег по льду. Обошли пост с тыла, бесшумно сняли часовых, зашли на территорию погранпоста и атаковали. И всё бы прошло гладко, да только днём на пост пришло отделение егерей.

Егеря разместились не в казарме, а в бараке рядом со столовой финнов. И вот когда мы забросали гранатами казарму, из барака полезли егеря. У нас сразу двое раненных случилось. Хорошо, пулемёт для добивания солдат, выскакивающих из казармы, я поставил так, что чтобы стрелять по дверям и окнам барака, его надо было повернуть всего на сорок пять градусов правее. Наш боец Иван Самохвалов успел это сделать и, по сути, спас всю операцию. Из потерь у нас всего трое раненных было, и все от егерей. Задачу мы выполнили — обеспечили продвижение основных сил Красной Армии вглубь Финляндии.

Ну а потом нам в основном пришлось вести разведывательно-поисковые действия в тылу финнов, прикрывать образовавшиеся промежутки между частями и подразделениями красноармейцев. Финские лыжные отряды диверсантов стремились проникнуть к нам в тыл и перенести свои действия на советскую территорию. Крепко финны воевали, леса свои они лучше нас знали. В конце войны наиболее тяжёлые бои у нас были... Почти две трети личного состава списали, кого по ранению, кого в чистую...

Война весной, в марте сорокового года закончилась. Границу мы свою от Ленинграда отодвинули. Выборг, Выборгский залив, северное побережье Ладожского озера, острова Рыбачий и Средний к Советскому Союзу отошли. Полуостров Ханко по мирному договору на тридцать лет арендовали.

А меня уже после войны медалью «За отвагу» наградили. Первая моя награда.

Юрий Петрович отпил из чашки чай и продолжил:

— Летом сорокового командование отправило меня в Себежское специальное училище войск НКВД, — он усмехнулся, — там тогда диверсантов готовили. Прямо как у тебя Ускоренные курсы подготовки младшего состава. Ты думаешь, почему я с тобой сейчас

беседу веду?

Он пристально посмотрел на меня, но не особо ожидая ответ, продолжил:

— Ты мне меня в молодости напомнил. Опять же срочку отслужил, сейчас вот уже младший лейтенант и в Афганистан на войну пойдёшь. С твоим языком пушту, может в штаб попадёшь, а может и в разведку. Экспресс допрос-то учили, пожалуй, в полевых условиях проводить?

— Учили, — кивнул я головой.

— Значит, будь готов по горам побегать. Племена пуштунов в основном в гористой местности живут, — ветеран вытянул из пачки новую сигарету, подкурил и затянулся, — ещё чего спросишь?

— Мне бы послушать про Отечественную войну, как с немцами, с их диверсантами воевали, — плавно подвёл тему к нужному мне направлению.

— Про Отечественную?.. — , протянул Петрович, — про неё много можно рассказывать, но есть у меня одна история, которая особняком стоит. Да и память о том бое у меня осталась в виде трофея.

— Как выжили тогда, как победили, сам не знаю... Против нас настоящие волки были. Спецы из Бранденбург-800. Армейский спецназ подчинялся абверу, который у фрицев занимался военной разведкой и контрразведкой. Осенью 1941 года для наших войск под Москвой сложилась сложнейшая ситуация. Для верховного немецкого командования это направление наступления было главным. Здесь решалась судьба всей войны... Оборонительные рубежи наших войск были сильно растянуты. Многие советские дивизии были обескровлены, а поступавшее пополнение не имело боевого опыта и перемалывалось в жерновах войны. Немецкая группа «Центр» сумела прорвать нашу оборону, нанести поражение Брянскому фронту и окружить группировку генерала Лукина на Минском шоссе под Вязьмой. Дальнейшее её продвижение мы смогли остановить ценой титанических усилий и сопротивления частей Красной армии и ополченцев. Началась Московская стратегическая оборонительная операция.

Положение советских войск, занявших оборону на Можайской линии, оставалось исключительно тяжёлым, не хватало сил, средств и личного состава.

Я тогда в спецподразделении НКВД служил. Молодой был. Гонористый, — Петрович усмехнулся и продолжил, — молодые в основном все такие. Вот только на тебя смотрю и понять не могу, больно ты умный и хитрый. Меня, старого чекиста, на разговор вытянул.

Он глубоко затянулся сигаретой:

— Диверсантов выбросили из самолёта недалеко от Истринского водохранилища. Их человек тридцать было. И нас столько же. Информация была. Нам её наша разведка скинула. Уж не знаю как, но ценные сведения они добыли. Фрицы ночью десантировались и аккуратно в тот район, где мы уже сидели. Они ещё в воздухе были, когда командир дал команду «Огонь!». Половину мы покروшили, а вот вторая половина, чуть меньше, тринадцать человек их осталось, сумела уйти и оторваться от нас. Мы на две группы разделились и в погоню пошли. Ночи тогда стояли тёмные. Конец октября, а на удивление ещё теплая погода стояла, — на минуту задумался и продолжил:

— Нам немчуру упускать нельзя было. Следопыт с нами один шёл, от бога, он и вывел нас на фрицев, когда они уже под Можайском на отдых расположились. Сам город немцы тогда уже взяли. Ещё немного и диверсанты линию фронта бы перешли. Хотя какая там

тогда линия фронта была... Основные бои вдоль шоссе и дорог велись, немцы в лес особо не заходили, в некоторых деревнях их за всё время боёв за Москву так и не увидели.

Диверсантам переход нелегко дался. Ну и сами конечно выдохлись. Мы за ними трое суток шли. Километров восемьдесят отмахали и в полдень нагнали их. Там Ильинская слобода, деревня, а рядом с ней Козья горка есть. Вот там они и решили передохнуть. Не знаю, как сейчас, а тогда места были болотистые. С одной стороны, речка Кучугуровка течёт, с другой ручей какой-то, название заковыристое, уже, пожалуй и не вспомню.

— Ты чай то пей, на травах, сам собирал, там и чабрец, и душица, и зверобоя чуть есть, а ещё девясил добавляю. Его ещё Александр Васильевич Суворов крепко уважал и солдатам своим чай из девясила пить приказывал, когда через Альпы шёл.

Отхлебнул чая, погасил докуренную сигарету и прикурил новую.

— Вот зараза, как в сорок четвёртом, после ранения в госпитале пристрастился курить, так и бросить не могу.

— Ну так вот значит. Немцы не на самой горке встали, а чуть ниже, в распадке. А мы уже как гончие на след встали и на них то и выскочили. Все бы там полегли, да дружок мой близкий Володька Семёнов, он как раз первым шёл, как заорёт «Фрицы!» и успел полбарабана ПППШ по ним выпустить. Пока фашисты на Вовке огонь сосредоточили, тут и мы с ними в рукопашную сошлись. На меня сразу здоровый такой выскочил с пистолетом в руке, только почему он не выстрелил, до сих пор не пойму. Я ему в ноги бросился и на себя дёрнул, он затылком о пенёк и приложился. Только встал, а тут второй на меня с ножом идёт. Не, не с кинжалом. У него конкретный окопный нож был. Я их потом навидался. А у меня армейский ножик НА-40.

Сошлись. Немец в лицо мне метил, да я как-то увернулся и сам ему в горло засадил. Смотрю, рядом двое фашистов на нашего старшину Бочарова наседают, тут уж я их с нагана положил.

В общем, из тринадцати одного только в плен взяли, первого моего, он как башкой ударился, так в себя пришёл, когда мы его уже связали. Ну а нас из пятнадцати трое осталось. Старшина и я синяками да царапинами отделались, а вот у Лёньки Ковалёва огнестрел, плечо пуля насквозь прошла...

Потом, как в себя пришли, Лёню перевязали, убитых фрицев обыскали. Я с штабс-хауптмана, капитана по-нашему, чёрный кинжал и снял.

— А почему чёрный, из-за цвета? — спросил я.

— Цвет ни при чём. Я, когда его первый раз в руки взял, чуть сознание не потерял, такой злобой от него повеяло. Это позже, хоть я и коммунист, его святой водой обрызгал, полегче брать стало. У штабс-хауптмана ещё и полевой планшет забрал. С дневником.

Ветеран помолчал и добавил:

— Перевёл я его. Там много всего написано про Тибет, Шамбалу, монахов. Про Афганистан и его легенды. Нацисты искали Шамбалу на Тибете, а нашли именно там, в Афганистане, под именем «Шамс-и Бала», что переводится как «Поднятая свеча». Они не только нашли Шамбалу, но и Высших Неизвестных, тех кого упоминают в своих книгах известные эзотерики. Ты знаешь, кто это такие?

Я кивнул головой:

— Знаю и даже читал Елену Блаватскую и Георгия Гурджиева.

— Да?? Ты необычный молодой человек, Юра. Удивительно, что в твоём возрасте ты знаешь такие вещи...

Полковник задумчиво посмотрел на меня:

— С годами становишься суеверным, и сейчас мне кажется, что само провидение привело тебя в мой дом. Тем более, что дорога твоей судьбы ведёт тебя в Афганистан, туда, где, возможно, ты сможешь узнать своё предназначение. Есть теория, что в Афганистане существует загадочная субстанция, которая проявляется совершенно неожиданно, чтобы оказать свое влияние на мировую историю.

Знаешь, я ведь и Афганистаном и эзотерикой начал интересоваться только потому, что мне хотелось понять, где грань между правдой и ложью в дневнике немца. Больше сорока лет прошло с того дня, как он оказался в моих руках, а истины я так пока и не знаю. Может, тебе повезёт. Судьба иногда такие повороты выделывает, что похлеще любой фантастики. И то, что ты нашёл меня, это тоже не просто так произошло.

Так вот, в этом дневнике много о чём говорится, но больше всего про воду написано и про время...

Я сделал глоток чая и, переборов себя, спросил:

— Юрий Петрович, можно кинжал посмотреть?

— Показал бы, да вот беда, друг у меня пару недель назад умер, — тяжело вздохнув, он поднялся, подошёл к серванту, открыл дверцу и взял две стопки. Из второго отделения достал початую бутылку водки и налил по полной.

— Давай, лейтенант, первый тост у нас, фронтовиков, за погибших солдат, заодно и Ярослава Александровича помянем. Хорошим он был товарищем и настоящим офицером. Врагу спину не показывал, друзей в беде не бросал. Не зря жизнь прожил. Достоинейший человек. Так что, если есть оно, то царство ему небесное!

Мы выпили не чокаясь. Посидели и немного помолчали.

— Он за месяц до своей смерти попросил дать ему чёрный кинжал на экспертизу, у него дружок какой-то в НИИ работает. Там у них специальная аппаратура есть... Про рентген установку говорил. Я и отдал. Пару дней назад у Лидии, вдовы Ярослава спрашивал, сказала дома у них кинжал лежит. Ярослав за день до того, как у него инфаркт случился, забрал его из НИИ. Они ему отдавать нож не хотели, странное что-то наисследовали, но Ярослав хоть и на пенсии, а генерал-лейтенант КГБ как-никак. Настоял на своём и с ними поругался может, из-за этого и сердце прихватило.

Тяжело вздохнув, Петрович налил по второй. Мы молча выпили.

— На днях съезжу, заберу кинжал. А ты захочешь ещё приехать — приезжай. Парень ты, я вижу, нормальный, ещё посидим, чайку попьём, — подмигнув мне, он взял в руку бутылку. — Как говорят у нас на Руси, Бог троицу любит! Третью — на посошок.

Да... Не знал я, что фронтовики первую стопку за погибших поднимали. У прошедших Афганскую войну был свой обычай, третий тост...

Сочи

«В городе Сочи тёмные ночи». Так звучали слова в одной из песен известного в моём времени певца Александра Буйнова. Здесь он спеть эту песню пока не успел.

И снова лезут в голову слова песни уже Юрия Антонова: «Пройду по Абрикосовой, сверну на Виноградную». Правда, он написал музыку к стихам Игоря Шаферана к юбилею Крымской области, в 1984 году Симферополь готовился отметить двухсотлетие, а я сейчас в Сочи, год 1987-й.

И шёл по Виноградской улице, которая была относительно освещена стоящими вдоль дороги фонарями. Почему относительно? Да потому, что в это время любимой забавой мальчишек было попасть в фонарь на столбе шариком или камешком из рогатки. А вот свернув на Клубничную, пожалел, что нет у меня пока ПНВ, то есть прибора ночного видения. Глаз, конечно, не выколешь, но шею себе свернуть можно. Спросите, что я здесь делаю? Заблудился!

Где-то неправильно свернул, и вот результат — уже полчаса плутаю по тёмным улицам и переулкам ночного города. И как же это так вышло?

Расскажу обо всём по порядку.

После успешного знакомства с полковником Лисицыным я ещё один раз заезжал к нему, но кинжал так и не увидел. Валерий Петрович не забрал его у вдовы, которая была в каких-то наследственных хлопотах и бегала по адвокатам и государственным организациям, собирая необходимые бумажки.

— Ты, сынок, не переживай, покажу я тебе нож. Пусть Лидия свои дела доделает, и я с нею увижусь. А ты всё равно к месту службы из Москвы полетишь, так что, как только из отпуска вернёшься, жду тебя.

На этом мы с Петровичем расстались. Поехал на поезде домой, разобрался с поездными каталами, порадовал недельку родителей своим присутствием и улетел из Днепропетровска в Адлер.

В Сочи я полетел к моей прекрасной Елене, с которой после нашей встречи на дискотеке мы встретились в Москве всего несколько раз. Как и в прошлой жизни, элементарно не хватало времени.

Для Лены и её отца, с которым она прилетела на отдых к своей тёте, моё появление вызвало изумление. Не думали они, что смогу найти их в немаленьком городе. Но что для меня Сочи! Я в Москве Лисицына через адресно-справочное бюро нашёл, а здесь эти бюро на каждом шагу понаставлены. В аэропорту по прилёту сразу всю информация и получил. Фамилия у тёти Глаши такая же, как и у отца Лены. Да и имя такое редкое и звучное — Глафира!

В гостиницу меня не отпустили, а определили в комнату с будущим тестем. Прилетел я всего на пять дней, поэтому старался больше времени проводить с Леной. Её отец, полковник, выпускник Ярославского высшего военного финансового училища, служил в Москве в финансовом управлении Министерства обороны. Среднего роста, сухощавый, он скорее производил впечатление какого-то учёного или доцента института, чем военного. Да, в общем-то, и воинская специальность у него была не боевая. Однако характер он имел военный. Человек начитанный и грамотный, с ним было интересно вести беседы на самые

разные темы. Правда, вместе с нами он не часто выходил, а наоборот, давал возможность побыть вдвоём.

Погода в городе Сочи в конце июля 1987 года стояла замечательная. Цвели магнолии, и их сливочно-медовый запах распространялся по округе. Густая зелень была представлена различными субтропическими растениями, среди которых значительную часть занимали цитрусовые. Особая достопримечательность Сочи, как южного города с влажным климатом, это невысокие банановые пальмы, на которых росли маленькие зелёные бананчики.

А какие здесь растут платаны! Огромные деревья в два-три обхвата с густой широкой кроной и светло-зелёной корой, отслаивающейся от стволов. Листья платана восточного по своей форме неотличимы от кленовых, хотя он не является близким родственником клёна остролистного.

Во дворах у всех посажена виноградная лоза, и она вьётся не только по навесам на входе, но и по близрастущим деревьям. Жаль, что ещё не сезон и виноградные грозди висят зелёные.

Город буквально утопает в зелени и днём приятно прогуляться в тени деревьев, ну а ночь наполнена благоухающими запахами разных оттенков: здесь и роза, и лавр, и гималайский кедр, и можжевельник, уже упомянутая мною магнолия и многие другие.

Именно эти запахи и вынесли мои ноги на вечерний променад перед сном. Лена сегодня немного перегрелась на солнце и даже обгорела. Её намазали сметаной и рекомендовали постельный режим, поэтому она и не смогла составить мне компанию.

Выйдя из дома, я не планировал долгую прогулку, а думал немного пройтись по району и вернуться, но как говорят, человек планирует — дьявол корректирует. Вот и мне удалось на обратной дороге умудриться свернуть не в тот переулок.

Проплутав полчаса, на лавочке возле одного из домов, я увидел целующуюся парочку молодёжи, у которой удалось уточнить, где нахожусь и в каком направлении мне двигаться дальше. Поблагодарил их и уж поворачивался в нужную сторону, когда метрах в тридцати от нас через дорогу раздался душераздирающий крик:

— Помогите! Люди добрые, помогите! Убивают!

Из калитки небольшого частного дворика выскочила женская фигура и рванула вниз по переулку. Вслед за ней с пьяным криком «Убью, сука!», шатающейся походкой вышел некий субъект, нецензурно выражающийся и машущий рукой с каким-то предметом.

Парочка быстро зашла во двор и уже оттуда послышалось:

— Опять Пашка жену гоняет. Ему под горячую руку лучше не попадать!

Пашка, оглядевшись по сторонам, сумел в темноте увидеть мою одиноко стоящую фигуру и направился ко мне.

— Люська, шалава, сюда иди, — с этими словами он приблизился и увидев вместо жены незнакомого парня, громко выдохнул, — Ты!!!

Не знаю, кого увидел, может и сам чёрт ему привиделся, но с криком «ААА!», мужик вскинул предмет, который я идентифицировал как топор хозяйственный железный, он сделал ещё шаг вперёд и попытался им ударить меня.

Изображать из себя застывшую статую в такой ситуации стал бы только полный дурак.

Отскочив назад, я оказался прижат к лавочке. И о чудо! Одна из планок спинки скамейки была уже до меня кем-то сломана. Схватив лежащий на земле обломок, выставил его перед собой, с трудом отбивая второй удар пьяного идиота. Отклонить лезвие топора полностью не успел, и меня вскользь резануло по предплечью. Почувствовал, как потекла

кровь, и чуть не выпустил из руки своё слабое оружие. Качнув маятник, пропустил ещё один удар топора мимо себя, а затем, с коротким замахом ударил пьянчугу по голове.

Пашку как будто подрубили, и он завалился на правый бок на землю.

Выдохнув, хотел посмотреть, что у меня с рукой. В этот момент сзади мне нанесли неслабый удар чем-то тяжёлым, но я устоял на ногах и сумел развернуться. Передо мной с камнем в руке стояла дышащая перегаром ещё вполне симпатичная, но уже обрюзгшая женщина, которая, увидев лежащего на дороге мужика, вдруг взвыла:

— Убили!!! Лю-ди! Мужа убили!!!

Да, не зря умные люди говорят, что муж и жена — одна сатана.

В конце переулка замигали проблесковые маячки, и через минуту к нам подъехал милицейский уазик и, осветив фарами лежащее тело и нас, остановился. Из него не торопясь вышли три милиционера и обступили место происшествия. Кто-то из соседей, услышав крики, всё-таки позвонил в местное отделение.

— Старший лейтенант милиции Михайлов, что здесь произошло? — спросил, представившись, старший наряда. От невысокого, крепко сбитого, с грубыми чертами лица и тонкими губами среднего возраста мужчины веяло спокойствием, властью и уверенностью в своём праве задавать вопросы.

— Этот, — взвизгнула, кивая на меня, баба, — мужа моего убил!

Лейтенант наклонился над пьяницей, послушал дыхание и констатировал:

— Спит твой Пичугин. Перегарищем от него несёт за версту. Документы с собой есть? — аккуратно за лезвие подняв топор, он посмотрел на меня.

— Младший лейтенант Соколов, — ответил я, доставая из брюк своё офицерское удостоверение, — в отпуске.

Услышав, как за забором загремело перевёрнутое ведро, лейтенант быстро подошёл к калитке и стукнул по ней кулаком:

— Выходим!

Из двора вышли парень с девушкой.

— Лаврик и Маринка, — с каким-то удовлетворением проговорил милиционер, — всё видели, всё слышали?

— Да, Сергей Борисович! Видели. Пичугины опять напились. Людмила со двора выбежала, а Пашка топор схватил и за ней. Потом нас разглядел и с топором на него, — ухажёр девушки показал рукой в мою сторону, — бросился. Мы с Мариной во двор заскочили, а Пичугин топором начал махать. Вот. Только товарищ лейтенант увернулся и доской от нашей лавочки его по башке приложил.

— Ясно, — Михайлов так глянул на Люську, что она громко щёлкнула зубами, закрывая свой рот, уже открытый для высказывания какой-то своей версии произошедшего.

— Ты, Людмила, лучше помолчи и подумай, пока я с людьми разговариваю. Так что ты сделал, лейтенант, что на задницу этого нехорошего гражданина с топором посадил?

— Ничего особого, товарищ старший лейтенант. Под руку планка подвернулась, пришлось защищаться.

— Да у тебя кровь!

Тут и я почувствовал, как со лба на нос стекла тёплая капля, а в голове вдруг зашумело. Неслабо меня тётка камнем приложила. Адреналин схватки начал отпускать, и тут же пошёл откат.

— Это кто тебя сзади приложил? — старлей зашёл мне за спину и осмотрел рану на

голове.

— Да вот она, защитница мужнина, — хмыкнул я.

— А руку тебе этот хмырь резанул?

Я, наконец, смог рассмотреть рану на предплечье. Лезвие топора прошло вскользь, не слишком глубоко, но кровящее мясо было видно.

— Этого поднимаем, забираем. Ты, Людмила, в машину садись, — махнув на Пичугина, старший наряда начал раздавать указания. — Лейтенант, ты тоже садись в машину, нужно медицинскую помощь тебе оказать и показания снять. А Вы, Маринка и Лаврик, пешком в отделение сейчас подойдёте, свидетелями будете. Степанов!

— Я, товарищ старший лейтенант! — откликнулся один из милиционеров.

— Возьми бинт из аптечки, перебинтуй лейтенанта. Да вот ещё, со свидетелями пройдёшься, в машине места свободного не осталось.

Михайлов достал из кармана какой-то пакет, осторожно положил в него топор, затем подобрал окровавленный бульжник и тоже отправил в пакет. Развернувшись, пошёл к уазу.

В здании отделения милиции было тихо, кроме нас, нарушителей спокойствия города не наблюдалось. Для меня вызвали скорую, приехавшую, на удивление, через семь минут. Осмотрев, врач нахмурилась:

— Да... Предплечье зашивать надо. И по голове знатно прилетело. У тебя, паренёк, крепкий череп, если до сих пор сознание не потерял. Приложили, будь здоров! Перед глазами мошки не летают? В голове не шумит?

— Есть немного, — ответил я.

— Ну да, ну да. Рассечение кожи чуть выше и правее затылочной части и глубокий порез предплечья. Подозрение на сотрясение головного мозга.

В это время медсестра, обработав раны перекисью водорода, ловко перебинтовала меня.

Сняв свидетельские показания и записав происшествие с моих слов, Михайлов строго посмотрел на жену Пичугина:

— Ну что, Людка, допились!? И мужику твоему, и тебе сроки светят за нанесение тяжких телесных повреждений.

— Да, я... — попыталась что-то сказать в своё оправдание Людмила, но милиционер махнул рукой и сказал:

— В камеру их, вместе с мужем. До утра посидят, а там пусть ими следователь занимается.

Отдав распоряжения, он отпустил свидетелей, и когда мы с ним остались в кабинете одни, спросил:

— У тебя, Юрий Владимирович, как, серьёзные намерения в отношении участников происшествия?

— Не совсем понял вопрос, — я озадаченно посмотрел на старлея.

— Ты мне скажи, будешь добиваться их посадки или оставишь на наше усмотрение?

Заданный вопрос явно говорил о каком-то скрытом интересе в этом деле Михайлова, и я спросил в лоб:

— Что за интерес у тебя, милиционер? Родственники твои?

— Догадливый, — Михайлов устало провёл ладонью по своему лицу, — Людмила, сестра моя двоюродная. Вышла замуж за этого алкаша и сама спиваться начала, а ведь какая баба была! Мужики в женихах в очереди стояли, а оно вона, как в жизни бывает, выбрала

себе непутёвого.

Немного помолчав, он просительно посмотрел на меня:

— Слушай, лейтенант, позволь дело не заводить. У них детишек двое. Только они их сейчас бабушке в деревню отвезли, вот и расслабились. Слово офицера даю, такую беседу с ними проведу, они у меня оба пить бросят!

— Смотри, старлей, если твой Пичугин кого-нибудь зарубит, на твоей совести будет!

— Нет, не зарубит, каждый день контролировать их буду, и мои сержанты к ним постоянно заглядывать станут.

— Ладно, будь по-твоему.

Пожав мне руку, Михайлов вернул мои документы и предложил подвезти домой.

На часах уже было три часа ночи, когда, зайдя в дом, я застал сидящих на кухне Лену, её отца и тётю. Увидев меня всего в бинтах, через которые проступила кровь, они застыли в потрясении.

Быстрее всех отреагировал полковник:

— Ты где это так славно погулял?

Пришлось рассказывать им обо всех моих ночных приключениях. Выслушав, тётя Глафира констатировала:

— Молодые дерутся — тешатся; старые дерутся — бесятся. Как там в Европах говорят: «Когда муж с женой ругаются, держись от них подальше»!

То, что тётя Глаша врач, мне в первый же вечер поведала Лена, а вот то, что врач-травматолог, я не знал.

Утром, решив осмотреть мои раны, она застыла в недоумении:

— Когда, ты говоришь, тебя били и резали? Вчера?? Быть такого не может! Или у тебя регенерация, как у ящерицы!

На месте рубленной раны предплечья красовался почти затянувшийся шрам. Тётя Глаша оперативно вытащила хирургический шовный материал, нить для соединения тканей, которая, оказывается, недавно поступила к ним в город. Как она сама сказала: «Эта нить — настоящий прорыв в хирургии!».

На голове картина была похожей. На месте удара целостность кожи восстановилась, и только запёкшаяся на волосах кровь говорила о том, что всё это нам не приснилось.

Чёрный кинжал.

Передо мной стояла дилемма. Взять подарок или отказаться от него.

Мне предстояло самолётом лететь в Ташкент, а Лисицын подарил кинжал и предложил взять его с собой.

— Понимаешь, Юра, — начал полковник, разливая водку по стопкам, — чёрный кинжал очень непростой.

Сделав паузу, он поднял свою стопку, молча чокнулся со мной и выпил.

— Очень непростой... — как-то тяжело давался ему разговор, и видно было, что он не знает, с чего начать, повторяя сказанное ранее.

— Как бы тебе объяснить так, чтобы ты не подумал, что старик с ума сошёл. Когда я кинжал с мёртвого штабс-хауптмана забирал, то вытащил его из ножен и случайно палец о острие наколол. Держу нож в руке и вижу, как капля крови в металл впиталась, а меня в тот же миг словно молнией прошибло. Вокруг всё вдруг замерло: ни голосов товарищей, ни дуновения ветерка. И сами товарищи застыли. Это потом я понял, что время остановилось, а тогда испугался, что за чертовщина происходит. Только не долго эта тишина длилась. Миг какой-то. Не успел я от этого по-настоящему испугаться, а вот когда на меня лес обрушился, ветер прямо в ушах завыл, и каждую тварь, звуки издававшую, я слышал, вот тогда мне стало жутко. Каждая клеточка моего тела завибрировала, зарезонировала, откликаясь на внешнее воздействие и усиливая лесные звуки. Хорошо, сзади сосна была, и я на неё откинулся, а то точно упал бы.

Нас в НКВД разным вещам учили, в том числе и не терять самообладание при любых обстоятельствах, управлять своими чувствами. Вот я и попробовал мысленно приглушить звук. И знаешь — получилось! Представил себе переключатель звука, как на радиоприёмнике, и стал убавлять звук, а в уши словно защитные переборки поставил. Я после много экспериментировал, слух у меня не просто идеальный, а исключительный, при желании жужжание мухи за сто метров услышу. Ты вот улыбнулся, не веришь мне, а я ведь об этом никому не рассказывал. Боялся, что меня тогда на опыты к учёным отправят.

Так вот я шаг вперёд делаю и будто через кисель иду, меня воздух назад отталкивает. По моим ощущениям, минут пять это длилось, только проверить не смог. На часы глянул — стоят. А как справился со звуком, так и часы пошли...

Мы тогда на ногах еле стояли, маршбросок и бой все силы забрали. Трофеи собрали, пленного схомутали, чтобы не сбежал, раненого Ковалёва перебинтовали и там же в распадке передохнуть сели и отрубались.

Очнулся первым, уже вечерело, осенью темнеет рано. Сажу на землю на еловых лапах, которые наломал перед тем, как заснуть. Спиной к сосне прислонился и дышу глубоко-глубоко, воздух вокруг такой насыщенный кислородом, что кажется, его ложкой есть можно. Чувства настолько обострённые: слух, зрение, обоняние какие-то невероятные. Слышу, как лиса метрах в двадцати пробежала, олень осторожно пробирается через бурелом, кабан землю роет, жёлуди из-под листвы достаёт. Нас, конечно, учили по следам животных определять, но следов то я не вижу, а как будто образы перед глазами появляются и сразу приходит понимание, какой это зверь. Трое суток на ногах, а пару часов отдохнул и усталости ни в одном глазу. Товарищи мои еле поднялись, пришлось мне им на костре воду

кипятить да чифир заварить слышал про такой, наверно? — Слышал. Говорят, его зеки придумали. — Говорят, в Москве кур доят! — Юрий Петрович широко улыбнулся. — Ты Жюль Верна читал? — Ну, в детстве читал, у нас дома большая библиотека. Батя сам книги любит и меня приучил. Он мне всегда говорил: «Знания не мешок за спиной не таскать! Пока будет возможность, учись, сынок!». У нас из французов на полках романы Бальзака, Стендаля, Дюма, Гюго, Жюль Верна стоят. А Ги де Мопассана они с мамой от меня в платяном шкафу прятали, да я всё равно нашёл и ночью с фонариком под одеялом читал. Мне лет двенадцать было. Помню, взахлёб прочитал его «Жизнь», «Милый друг», «Монт Ориоль», «Пышку». Можно сказать, что первый сексуальный опыт оттуда почерпнул — от нахлынувших воспоминаний я тоже начал улыбаться. — Молодец! И батя у тебя правильный. Посиди-ка минутку.

Петрович поднялся из-за стола и вышел из кухни. Через минуту он вернулся обратно, держа в руках книгу Жюль Верна «Дети капитана Гранта».

— Подожди, у меня тут даже закладка есть. А вот послушай: «В одиннадцать часов подали чай. Приготовлен он был наилучшим способом, по-английски. Но Паганель захотел попробовать австралийского чая, и ему принесли жидкость, похожую на чернила. Ничего удивительного — полфунта чая кипело в литре воды в течение четырех часов! Паганель хоть и поморщился, но объявил напиток превосходным.»

— Одна тысяча восемьсот шестьдесят восьмой год! А ты: «Зеки придумали!». Может, австралийские каторжники и пили такой чай, а вот в России о чифире только после революции в двадцатые годы стало известно. Считалось, что напиток утоляет голод и даже помогает победить туберкулёз. Скорее всего, поэтому он и стал популярным в наших тюрьмах. Да только это мощный психостимулятор. А ещё в чифире высокая концентрация алкалоидов. Они, когда достигают головного мозга, активизируют центральную нервную систему, вызывают чувство эйфории, от которой человек ощущает прилив сил, становится бодрым и активным. В зависимости от выпитой дозы эффект сохраняется несколько часов. Мы, когда на задания уходили, с собой специальный концентрат брали. Крепкую заварку в кастрюле долго кипятили. Получаемая жидкость была тёмная и густая. На мазут похожа. Жидкость остужали и сушили. Из неё что-то типа смолы получалось, чтобы получить чифир, достаточно было положить кусочек концентрата в горячую воду.

Юрий Петрович прервал свои воспоминания, наливая ещё по одной.

— Будем жить, лейтенант!

Мы чокнулись почти синхронно, выдохнули и, выпив, закусили селёдкой с лучком.

— В общем, несмотря на чифир, я полдороги Лёньку на себе тащил, пока до ближней деревни добрались. Вроде и перевязали хорошо, да уж больно много он крови потерял. На околице в кустах притаились. Старшина сам сходил на разведку. Немцев в деревне не было. У местных выяснил, что в крайней к лесу избе лекарка живёт. Мы к ней и пошли. Я думал, старуху увидим, а там ничего так, в самом соку женщина нас встретила. Возраст так и не смог определить. От тридцати до сорока лет. И в чёрных волосах ни сединок, а глаза, как два омуты, чёрные. Я на входе в дом поначалу попытался с нею в гляделки поиграть. Да куда там! В голове вдруг зашумело, в мозгах как будто таракан завёлся, а потом чувствую, равновесие теряю и чуть не упал, пришлось на дверь опереться.

Встретила нас на пороге, как будто ждала уже. Старшину с раненым в дом пустила, а мне: «Стой!» говорит. Я и встал.

— Это что? — и на кинжал пальцем показывает. А я его на пояс уже прицепил.

— Нож, — говорю, — с убитого фрица снял.

— Станный он. Энергию от него чувствую. Плохо, что его кровью напитали. Жидкость, что в ноже твоём скрыта, нейтральна. Готова в себя что угодно принять: и зло, и добро. От хозяина зависит. А вот железо надо в церкви освящать. Ритуал над ним бесовской проводили и кровью подпитали. Хочешь в дом зайти — нож во дворе оставь.

— Да где я его здесь оставлю? — спрашиваю.

— Вон возле курятника бревно лежит, под него и клади. Глядишь, мать земля сыра, часть злобы и заберёт.

В общем, кинжал во дворе оставил. У лекарки Серафимы на три дня задержались. Нам сказала, что Лёню вовремя к ней привели. Пуля плечо насквозь прошла, а часть ткани от гимнастёрки в ране осталась, вот из-за неё воспаление и начиналось. Рану она почистила, промыла да какую-то мазь на травах положила. К третьему дню Ковалёв себя уже хорошо чувствовал, мы и собрались уходить. Да только Серафима меня в сторону отозвала.

— Хороший ты человек, Юра, и имя у тебя хорошее, хоть и не славянское. Знаешь, что означает? Быть верным. А ещё с древнегреческого переводится «земледелец». Только это не значит, что ты крестьянином должен быть. Это говорит, что землю свою родную ты любишь и готов для неё на любые жертвы, что стоять на её охране всегда будешь. Видение мне о тебе ночью было. Много чего в твоей жизни произойдёт. И на войне, и после неё. Кинжал свой забери. Он тебя сейчас своим хозяином считает и охранять будет. В нём само время заключено. Много лет пройдёт, и ты встретишь молодого парнишку, похожего на тебя. Не спрашивай, в своё время поймёшь. Вот тогда отдай нож ему. Тебе он уже без надобности будет, а тот, кого ты встретишь, сквозь время пролетит, и в молодом теле старая душа поселится, чтобы мир спасти...

— После войны, уже в пятидесятых годах, был я в той деревне. Хотел с Серафимой ещё поговорить. Да только не было её уже там. Местные жители сообщили, что весной сорок второго ушла она из деревни, а куда, никто не знал. Рассказали, что она не только знахарка, но и ведунья, бог знает в каком поколении была. И мать её, и бабка, и прабабка — все такие были. Зла от них никто не видел. Только добрые дела творили. Людей и скотину лечили. Иногда прорицали.

— Я, когда тебя увидел, сразу предсказание Серафимы вспомнил, — полковник откинулся на спинку стула и пристально посмотрел мне в глаза, — ты это. О тебе она тогда говорила. Я старый чекист. Людей на раз раскусываю. А вот с тобой...

Он сделал паузу, окидывая меня взглядом рентгена.

— Внешне молодой. Ко мне с уважением. А всё равно я, как будто со сверстником говорю. Вроде мальчишка, а душа у тебя взрослая и глаза старые, много повидавшие.

Застыв на месте, я лихорадочно думал, как мне поступить. Рассказать правду полковнику?! А вдруг с его стороны это такая проверка. Начну говорить, а он только посмеётся, да и кто в здравом уме поверит, что я из будущего??

Повисшую тишину разорвал телефонный звонок. Валерий Петрович вышел в коридор и поднял трубку: «Алло. Да, это я». Послушав своего собеседника, ответил: «Хорошо. В 17:00. До встречи». Положив трубку, он пошёл в гостиную и, вернувшись на кухню, протянул мне что-то, завернутое в зелёную атласную ткань.

Аккуратно развернув, я увидел именно то, что ожидал — кинжал. Положил ткань на край стола и вытащил нож из чехла. Он был таким же, каким я его помнил по своему прошлому-будущему.

— Наливай на посошок, — Петрович поставил свою стопку возле моей, — у меня встреча наметилась.

Выпив, он продолжил:

— Нож дай мне. В чехол не клади. Руку протяни.

Не особо задумываясь, я протянул свою руку и тут же, ойкнув от неожиданности, отдернул её. А потом я поплыл... Вернее, на какое-то мгновение утратил связь с реальностью, чувствуя, как в моих жилах закипает кровь...

Я ощутил, как какая-то незримая сила соединила нас с кинжалом, он как будто сказал мне: «Я это ты. Ты это я. Мы одно целое.»

И сразу на меня обрушилась какофония звуков. Окружающая действительность выплеснула на мои уши всё, что составляет городской шум, только усиленный в десятки раз. Руки сами обхватили голову, лишь бы не слышать это ужасающий хаос.

Полковник подхватил меня под локоть и провёл на кухню, посадив на табурет.

— Старый дурак! Совсем забыл то, о чём тебе рассказывал! Ты главное, сейчас мысленно закрой свои ушные раковины перегородкой. Отгородись от всего мира и потом представь себе, что эта перегородка становится тоньше, пока не станет приемлемой для твоего восприятия. И закрой глаза. Твоё зрение само перестроится, и при необходимости ты сможешь регулировать его, как в подзорной трубе и микроскопе.

Он налил стакан холодной воды, выпив который, я почувствовал, как сила, вошедшая в меня, равномерно распределяется по клеточкам тела...

Придя в себя, увидел на большом пальце лёгкий порез. А на острие кинжала исчезала, будто всасываясь внутрь, капля моей крови. Нож то оказался с двойным сюрпризом. В моём прошлом-будущем на него не попадала кровь и к низу рукоятки я притронулся всего раз, тогда меня пронзило уколом и просто разбило на несметное множество мельчайших частиц, перенеся в моё прошлое...

— Отлично. Кинжал признал тебя. Теперь ты его владелец и хозяин. Забирай и пользуйся. Теперь его с тебя только с мёртвого снять можно будет, если только добровольно кому не подаришь.

Ташкент — город хлебный.

Сегодня была пятница, седьмое августа 1987 года. Согласно воинскому предписанию, мне надо было явиться в штаб Туркестанского военного округа тринадцатого августа. Билет на самолёт из Москвы до Ташкента покупал заранее, но почему — то на более позднюю дату, вплоть до пятнадцатого августа, билетов не было. Вот и пришлось брать единственный оставшийся билет на седьмое число и целую неделю бить баклуши в городе. Такая перспектива меня вполне устраивала. И всё же я решил проехать к штабу и уточнить у дежурного офицера, кому мне надо будет представиться, о прибытии.

Небольшое отступление.

В прошлой жизни побывав здесь, я не особо много времени уделил знакомству с этим «каменным городом», как переводится с тюркского Ташкент (таш — камень, кент — город). В этот раз, ещё во время учёбы, в нашей институтской библиотеке я нашёл много интересной информации о нём. Археологи говорят, что его история началась более двух с половиной тысяч лет назад, когда на территории будущего города возникло первое поселение.

Городище Шаштеп построили вдоль Джун, естественной протоки реки Чирчик. Низкий уровень берегов канала позволял легко отводить воду на поля, что способствовало появлению земледельцев. Они обрабатывали землю каменными мотыгами, сеяли ячмень и мягкие сорта пшеницы, а урожай убирали бронзовыми серпами. Жители поселения разводили лошадей, ослов, верблюдов, овец и коз. Из шерсти последних делали тонко- и грубошерстные ткани, что способствовало развитию ткачества. Это определило их поклонение силам природы и божествам плодородия, о чём повествуют ранние части Авесты — священной книги зороастрийцев.

В конце первого века до нашей эры — начале первого века нашей эры вблизи нынешнего Северного вокзала в Мирабадском районе были построены первые укрепления городища Минг-Урюк, а с третьего века нашей эры и до пятого века в Ташкентском оазисе существовало государство Кангюй. Его жители называли себя народом Чача, а государство Чачанап. В пятом веке Чачанап был завоеван эфталитами, создавшими громадную державу на территории Средней Азии. В шестом веке эти территории вошли в Тюркский каганат. Несмотря на своё название «каменный город», Ташкент никогда не строился из камня. Древние жители строили свои дома из глины и соломы, из этого же материала возводились и ограждения. Считается, что такое имя отражало мужество и стойкость жителей Чача, проявленных в борьбе с врагами.

В седьмом — восьмом веках здесь сформировался целый узел из четырех городов и до двадцати замков и селений. В это время шло бурное строительство, поэтому в хрониках часто встречается упоминание Чачи как «страны тысячи городов». Сам город был крупным центром культуры.

Потом пришли арабы, которые подвергли разрушению и опустошению сам город и его пригороды. В это время была разрушена ирригационная сеть, а канал, питавший водой столицу, засыпан. С девятого века Шаш входит в состав арабского халифата. Название Чач передано в форме «Шаш» из-за отсутствия буквы «Ч» в арабском алфавите. Жители города исповедовали различные религии и верования. Христианство, буддизм, манихейство (названо по имени своего основателя — Мани, древнеперсидского художника и поэта, его

учение было составлено в основном из христианско-гностических представлений, которое впитало большое число заимствований из других религий — зороастризма и буддизма) мирно сосуществовали. Безусловно, начал распространяться и ислам, хотя только в 1321 году Узбек-Хан официально принял ислам от туркестанского шейха Саййид-Аты. В это время узбекская культура обеднела и деградировала. На подчиненной территории основным государственным языком стал арабский. Чисто узбекский язык заимел тюркские корни с присутствием большого количества заимствованных слов.

В тоже время экономика страны и самого города начала развиваться. Появилась металлургия, стала производиться бумага, улучшилось сельское хозяйство, торговля и ремесленное мастерство.

Развитие экономики, культуры и городской жизни тормозили бесконечные междоусобные войны, нападения кочевых племен, захваты и разграбления.

Самым трудным периодом для узбекской земли стал тринадцатый век, когда её захватили монголы. До середины четырнадцатого века развитие многих производств остановилось, а Ташкент был разорён.

Всё изменилось, когда к власти пришёл Тамерлан — основатель империи Тимуридов и один из величайших полководцев в истории. Его полное имя было Тимур ибн Тарагай Барлас — Тимур, сын Тарагая из племени Барлас, а из-за его хромоты, приобретённой после ранения во время сражения в Сеистане, враги дали ему прозвище Тимур-э Лянг, то есть «Тимур Хромой».

Тимур имел монгольское происхождение, но когда советские антропологи провели свои исследования, то выяснилось, что он имел характерные европеоидные черты. Сильная атлетическая фигура, рост не менее 172 сантиметра, рыжие волосы и борода, и в антропологическом отношении он относился к южносибирской расе, то есть смеси европеоидов и монголоидов. Как говорят историки, европеоиды (арии-индоевропейцы) многие тысячелетия населяли эти области и, как писал Лев Гумилёв, давали пассионарные толчки, импульсы в развитии Индии, Китая и других регионов, при этом смешиваясь с монголоидами.

Своё восхождение Тимур начинал как атаман небольшой шайки, который постепенно вырос до трёхсот всадников. Яркие выраженные качества лидера принесли Тимуру широкую популярность, особенно среди воинов, а когда он женился на дочери эмира Балха и Самарканда Хусейна, внука Казгана, его статус взлетел.

На пути к единоличной власти Тамерлан прошёл через бесчисленное количество битв и сражений, заявив, что собирается возродить могущество Монгольской империи, объявил себя потомком мифической прародительницы монголов Алан-Коа.

Интересна легенда о том, как Тимур выбирал столицу своей империи. Приказав зарезать трёх баранов: одного — в Самарканде, другого — в Бухаре и третьего — в Ташкенте, он подождал три дня, и когда мясо в Ташкенте и Бухаре протухло, он выбрал Самарканд, объявив его «святым и чистым городом».

Государство, которое создал Тимур, включало в себя Мавераннахр (историческую область Центральной Азии), Иран, Ирак, Афганистан. Сам же Тамерлан дал созданному государству название Туран.

Завоевания Тамерлана, государство Туран. Источник: Publik Domain.

Несмотря на то, что Тимур нигде не учился и не знал грамоты, современники говорили, что он был образован, обладал великолепной памятью и был весьма талантливым и способным человеком. Согласно летописям, он владел несколькими языками, любил беседовать с учёными и требовал читать ему вслух труды по истории. Из походов Тимур привозил не только материальную добычу, но и учёных, ремесленников, художников, архитекторов, которые оседали в крупных городах, таких как Ташкент. При нём шло активное восстановление городов, основание новых, строительство мостов, дорог, оросительных систем, а также активное развитие науки, живописи, светского и религиозного образования.

Как пишут историки, Тамерлан умер во время своего завоевательного похода в Китай в 1405 году. О причинах смерти учёные спорят до сих пор.

А самая известная легенда о хромом Тимуре связана с «проклятием могилы Тамерлана». Говорят, что, находясь при смерти, сам Тамерлан сказал своим близким: «Не нарушайте покой моей могилы, ибо того, кто меня побеспокоит, ожидает судьба, которая страшнее, чем я».

По свидетельству некоторых очевидцев, в Самаркандском мавзолее Гур-Эмир на могильной плите Тимура была выбита надпись: «Всякий, кто нарушит мой покой в этой жизни или в следующей, будет подвергнут страданиям и погибнет». По другим источникам, и надпись была чуть другая: «Если мой прах потревожат, то мир содрогнётся и низвергнется».

Есть легенда, что в 1747 году иранский шах Надир забрал из Самарканда надгробный камень с могилы Тамерлана, и в тот же день страшное землетрясение потрясло весь Иран и

разрушило его города, после чего шах вернул надгробие.

По роковому совпадению ли, или исполняя наложенное проклятие, могилу полководца вскрыли советские археологи 19 июня 1941 года, а 22 июня началась Великая Отечественная война.

Кинооператор Малик Каюмов, советско-узбекский режиссёр, был известен своей работой по съёмкам эксгумации места захоронения Тимура. Он, как непосредственный участник тех событий, рассказывал, что во время обеда вышел в ближайшую чайхану выпить чай. Там встретил трёх белобородых стариков, которые, узнав, что он имеет отношение к вскрытию гробницы, показали ему книгу, в которой на арабском было написано, что вскрывать могилу Тамерлана нельзя — выйдет дух войны. Однако когда Каюмов рассказал об этом руководителю экспедиции, тот не придавал этому значения и продолжил вскрытие могилы, а на следующий день началась война. Останки Тамерлана вывезли в Москву. Каюмов ушёл на фронт и, по его словам, в октябре 1942 года под Ржевом добился встречи с маршалом Жуковым. Тот выслушал рассказ о вскрытии гробницы и позднее передал эту информацию Сталину, который приказал перезахоронить останки Тамерлана. Останки Тимура на самолёте вернули в Самарканд и перезахоронили со всеми почестями. И тут же Красной армии удалось одержать первую крупную победу под Сталинградом...

После распада империи монголов образовался Узбекский халифат, ставший позднее Бухарским.

Временем нового возрождения называют конец восемнадцатого века, когда произошло объединение и укрепление региона, преобразовавшегося в Ташкентское государство. В 1810 году Ташкент вошел в состав Кокандского ханства.

Девятнадцатый век принёс развитие капитализма в России, что толкало русскую буржуазию на поиски новых рынков. Пытаясь остановить английскую экспансию, направленную в Среднюю Азию, Россия использовала её как новую область для колонизации.

В сентябре 1864 года генерал Черняев попытался захватить Ташкент, но городские старейшины под руководством Ишана Карабашходжа собрались в медресе Эшонкулидодхоха и решили не сдаваться и оборонять город. К ним на помощь со своим войском пришёл Амирлашкар Мулла Алимкул, и русские войска были вынуждены отступить в Чимкент. Новый поход генерал Черняев начал с лишения Ташкента воды, перекрыв арык Бозсу у крепости Ниязбек. Седьмого мая 1865 года его войска подошли к Ташкенту, захватив крепость Ниязбек. Героически сражавшийся Амирлашкар Алимкул был тяжело ранен и скончался.

Сорок два дня длилась осада. И только к вечеру шестнадцатого июня город был вынужден сдаться. Существует легенда, что тридцатого июня 1865 года представители Ташкентской знати принесли двенадцать золотых ключей от Ташкентских ворот в русский военный лагерь. Сдача ключей была актом признания победы русской армии над Ташкентом.

Почти год в окрестностях Ташкента русские войска вели борьбу с мелкими вооружёнными группами сторонников бухарского эмира. Только после поражения армии эмира Бухары Музаффара в Ирджарской битве, произошедшей восьмого мая 1866 года, в окрестностях города установилась относительно спокойная обстановка.

О включении Ташкента в состав Российской империи было объявлено семнадцатого августа 1866 года.

В семидесятых-девяностых годах девятнадцатого века Ташкент становится крупным

торговым, промышленным и культурным центром Средней Азии. Постепенно в Ташкент стали прибывать безземельные крестьяне из России, которым отдавались лучшие земли и создавались условия для работы и которые стали здесь опорой царской администрации. Приезжие и местные купцы и предприниматели стали открывать здесь продуктовые и галантерейные магазины, фабрики и заводы, предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, продукция которых вывозилась в метрополию. Роль Ташкента как центра традиционной духовной культуры для населения Туркестана все более увеличивалась. В это время зародилось просветительское движение под названием «джадидизм», что означало «новое». Движение, в которое входила прогрессивная интеллигенция, ставила перед собой две главные цели: подъем уровня жизни и просвещения народа до уровня жизни просвещенных наций и строительство в Туркестане национально-демократического государства.

Но не всем нравились происходящие перемены. Против колониального режима и в Ташкенте, и в других городах Туркестана происходили восстания, которые жестоко подавлялись властями.

После отречения русского царя была попытка создания Туркестанской автономии в городе Коканде, которую поддержало население Ташкента, но Ташкентский Совет большевиков совершил вооружённый переворот и разгромил республику «Туркистон Мухторияти». Туркестан был объявлен Туркестанской автономной республикой в составе РСФСР.

Последующая индустриализация, коллективизация сельского хозяйства повлияли на развитие как города, так в целом и республики, и в целом способствовали их благоустройству. В тридцатые годы двадцатого века здесь были построены текстильная, табачная, обувная фабрики, три гидроэлектростанции. В годы Второй мировой войны половина всех промышленных предприятий перешла на выпуск военной продукции. Немало бойцов-узбекистанцев, и в том числе из Ташкента, воевало на фронтах Второй мировой войны.

В послевоенное время Ташкент продолжал развиваться и строиться. В 1966 году землетрясение разрушило и повредило многие промышленные предприятия, культурные, медицинские, коммунально-бытовые учреждения, школы. Более трёхсот тысяч людей осталось без крова. Именно тогда проявился дух дружбы многонационального советского народа, который за три с половиной года заново отстроил город.

В детстве мне в руки попала хорошая книжка русского писателя Александра Неверова, в которой рассказывалось о маленьком мальчике Мише из голодающего Поволжья сразу после Гражданской войны двадцатых годов двадцатого века. Отважный мальчуган наслушался историй от старших о чудесном городе Ташкенте и отправился туда за хлебом. На пути туда ему пришлось пройти много жестоких лишений, и, в общем-то, повесть об этом, а не о Ташкенте, но название «Ташкент — город хлебный» почему-то отложилось в моей памяти.

И вот сейчас я снова здесь.

На трамвайной остановке народа было не много. Две пожилые узбечки сидели на скамейке, довольно громко что-то обсуждая на своём языке. Миловидная женщина в чёрном платке славянской внешности лет сорока — сорока пяти стояла, прислонившись к стойке навеса остановки.

— Простите за беспокойство, — решил я обратиться к ней, — Вы не подскажете, как мне проехать в штаб Туркестанского военного округа?

— Это недалеко отсюда, — окинув меня с ног до головы внимательным взглядом, ответила женщина, — Вы садитесь на тот же трамвай, что и я. Мне на пару остановок дальше, но я подскажу Вам, когда нужно будет сойти.

— Спасибо большое!

— Пока не за что.

Трамвай подошёл минут через семь, но рубашка на мне успела намокнуть от выступившего пота. Из-за текущих вдоль дорог арыков влажность была высокая, к тому же в Ташкенте на каждом углу стояли бочки с морсом, и я не удержался, чтобы не выпить пару стаканов. Вот под южным солнцем и выходила теперь из моего организма лишняя влага.

Пока стояли, ожидая трамвай, мы познакомились. Моя собеседница представилась Ириной Васильевной. Ехала она домой с кладбища, где была на могиле своего мужа, подполковника авиации, год назад погибшего при исполнении интернационального долга.

Когда я сказал, что только месяц назад выпустился из Военного института и мой путь лежит в Афганистан, Ирина Васильевна поинтересовалась, где я остановился. Узнав, что оставил вещи в камере хранения, предложила снять квартиру у неё, а о деньгах, мол, потом поговорим. Пока ехали в трамвае, она написала мне свой адрес и телефон.

— Вы, Юрий, как освободитесь, подъезжайте к нам. Мы с сыном живём через две остановки от штаба ТуркВО. Будем рады. А квартира, в которой будете Вы жить, находится рядом, на соседней улице. Вам пора выходить. Здесь рядом, немного пройдёте, улица Максима Горького, дом 100.

В штабе меня никто не ждал. Дежурный офицер, капитан с мотострелковыми эмблемами, долго рассматривал моё предписание.

— Переводчик? А что за Военный институт такой? Ни разу не слышал!

Не поленился, рассказал ему о нашем ВУЗе.

Выслушав меня, капитан потёр в задумчивости лоб:

— Думаю, тебе по любому надо к нашим грушникам идти. Тебя же по двойке отправляли? (Второе управление Министерства обороны и было Главным разведывательным управлением, в простонародье «двойка»).

Я кивнул головой:

— Так точно, товарищ капитан.

— Ну, тогда приходи тринадцатого в двадцать седьмой кабинет, это на втором этаже. Там и представишься.

На улице тянуло дымком и лёгким запахом шашлыка. Расположившись прямо под величественной чинарой со стволом в два обхвата, пожилой узбек жарил на мангале молотый или «жёванный» шашлык, как называли в Ташкенте люля кебаб.

— Добрый день, — поздоровался я, глядя, как шашлычник взял шампур в правую руку, а левой захватил из стоящей рядом миски комок готового рубленого фарша с луком и зирой. Происходящее захватило меня. Вращающийся шампур не торопясь входил в фарш, удерживаемый в кисти левой руки, который как будто сам наползал на металл и расправлялся на нём. Пальцы шашлычника совершали едва заметное движение, обжимая фарш и равномерно распределяя его на шампуре. Оглядев готовый люля, повар сам себе кивнул удовлетворённо головой и положил его на мангал.

— Добрый день, уважаемый! Проголодался? У меня самый вкусный шашлык в Ташкенте! Сколько тебе? — с улыбкой посмотрел он на меня.

— Два, пожалуйста.

— Лепёшку будешь?

— Да, конечно! — сглатывая от исходящего аромата слюну, ответил я.

Положив шашлык на красивую, с восточным орнаментом тарелку, шашлычник щедро посыпал его маринованным розовым луком с зеленью.

Прямо под чинарой, в её тени, был расстелен ковёр, на который я, предварительно разувшись, сел. С непривычки было немного сложно есть, но погрузившись в чревоугодие и наслаждаясь вкусом великолепного кебаба, через пару минут я уже перестал обращать на это внимание.

Капустин

Юрий Петрович не любил опаздывать. Навыки старого чекиста позволяли ему вплоть до минуты рассчитывать время, необходимое ему на дорогу от его дома в любое место Москвы.

Расставшись со своим молодым тёзкой, он начал готовиться к встрече со своим коллегой по старой службе. Подполковник Сергей Михайлович Кириллов пришёл к ним в Третье Главное управление, которое занималось военной контрразведкой, молодым лейтенантом в конце пятидесятых годов, когда Юрий Петрович уже возглавлял там отдел. Правда, по службе они пересекались редко, так как Кириллова определили в другой отдел, и если отдел Капустина занимался военной контрразведкой на территории Советского Союза, то Сергей Михайлович был ориентирован на страны Варшавского Договора. Несколько раз они встречались в общей компании обмывать новые звёздочки на погонах и правительственные награды.

Переодевшись из домашнего спортивного костюма на деловой с брюками и пиджаком, полковник долго не мог подобрать к нему галстук, которых у него скопилось очень много. Это была какая-то страсть или даже мания, практически из каждой своей командировки он привозил новый галстук. Среди тех, что висели у него в шкафу, были даже такие, которые он ни разу не одевал. Привычка, ввевшаяся в него за годы, заставила подобрать к белой рубашке и серому костюму тёмно-бордовый галстук, придававший его лицу строгий, властный образ, хотя, судя по звонку, встреча не должна была продлиться долго и носила абсолютно не официальный характер.

Из дома Юрий Петрович вышел в шестнадцать десять. На улице стояла прекрасная летняя погода. Август был его любимым временем года. Жара и духота, обычная для июля, сходила на нет, но в воздухе ещё не было запаха прелых листьев, который становится таким отчётливым ближе к сентябрю.

В последние годы, выйдя в отставку, он полюбил выезжать за город на «тихую охоту» за грибами. Осенью часто моросил дождь, а Капустин с годами возненавидел сырость, и поэтому ему больше нравилось бродить по лесу в августе, когда в лесу ещё было достаточно сухо. Друзья смеялись, напоминая, что грибы растут в дождь, но его это не смущало.

Вот и сейчас, выйдя из дома, Юрий Петрович подумал о том, что надо выбраться куда-нибудь в сторону Наро-Фоминска или Можайска, собрать грибочков и обязательно засолить их на зиму...

Пятнадцать минут неторопливой ходьбы до метро Молодёжная, затем девятнадцать минут до метро Арбатская, пять минут на пересадку и ещё восемь минут от Библиотеки им. Ленина до Красных Ворот.

Ровно без двух минут семнадцать Капустин перешёл через дорогу в небольшой сквер треугольной формы на пересечении улиц Каланчёвской и Новой Басманной с

Красноворотским проездом.

Возле памятника Лермонтову уже стояли двое мужчин, один из которых, Кириллов, держа в левой руке кожаный портфель, правой приветливо ему помахал.

— Привет, Петрович! — несмотря на полностью седые волосы, мужчина, поздоровавшийся с Капустиным, не был старым. На вскидку ему можно было дать не больше пятидесяти лет. — Знакомься, это Генрих.

Высокий, симпатичный, с лысиной в передней и центральной части головы и остатками седых волос по бокам и сзади, ещё крепкий старик протянул ему руку:

— Гу тен так.

Ответив на приветствие, полковник озадаченно посмотрел на своего товарища, пригласившего его на встречу.

— Он немец?

— Да, не удивляйся, коллеги из Штази попросили помочь.

— Штази? Какой интерес может иметь ко мне разведка и контрразведка Германской демократической республики?

— Наши друзья узнали, что у тебя остался с войны трофей.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну как же, Юрий Петрович, не делай такое лицо, как будто уже не понял, что мы говорим о том кинжале, который лежит у тебя дома.

— И чего им надо? — разговор начинал принимать какой-то неприятный оборот, и старый полковник нюхом почувствовал назревающие проблемы.

— Freundschaft. Дружба. И ничего больше. — усмехнулся Кириллов.

— Подари им кинжал.

Капустин ничем не выдал эмоции, которые появились у него в груди при этих словах, тем не менее, его оппонент по-своему понял его молчание.

— Не хочешь дарить — продай. Зачем он тебе нужен, Петрович? Пенсия у тебя небольшая, деньги лишними не будут.

— Мне чужих денег не надо. И пенсии для достойной жизни вполне достаточно.

— Денег много никогда не бывает, — Кириллов расстегнул портфель и, засунув внутрь руку, достал пачку немецких марок.

— Десять тысяч марок сейчас в качестве задатка и десять тысяч получишь, когда отдашь нож.

И тут впервые за многие годы Юрий Петрович совершил ошибку.

— Извини, не могу.

— Почему?

— Я его подарил.

— Кому??? — Сергей Михайлович даже завис от такой неожиданности.

Капустин, глянув на стоящего рядом немца и увидев, как расширились его тёмно-карие глаза, понял, что в переводчике тот не нуждается. Зато очень хочет получить чёрный кинжал. И внезапно осознал смертельную опасность, которая с этой минуты стала грозить выпускнику ускоренных курсов ВКИМО младшему лейтенанту Соколову...

Ташкент продолжение

Перекусив шашлыком, я решил немного пройтись по городу. Доехав на трамвае до метро им. Максима Горького, спустился в вестибюль станции и поехал до площади им. В. И. Ленина с одноимённым метро. Меня привлекало сюда одно интересное местечко, ресторан Зарафшан, о котором среди офицерской среды ходили легенды. Практически все, кто улетал в Афганистан или прилетали оттуда, обязательно приходили в этот самый большой ресторанный комплекс этого времени.

После съеденного возле штаба 40-й Армии шашлыка кушать не хотелось, но прогулявшись по площади, я принял решение освежиться, съев мороженое, и я зашёл в коктейль-холл ресторана, где располагался отдел кафе-мороженого.

Улыбчивый продавец преклонного возраста щедро посыпал ванильное мороженое жареными фисташками и полил вишнёвым вареньем. Я скромно присел в уголке и уже начал есть десерт, когда почувствовал на себе чей-то взгляд. Повернув голову в правую сторону, я увидел красивую узбечку, сидящую через столик и оценивающе разглядывающую меня. Заметив, что я обратил на неё внимание, она загадочно улыбнулась и показала рукой на свободный стул возле неё.

В первое мгновение я даже опешил, потому что, несмотря на наш социалистический строй, в Узбекистане было не принято, чтобы девушка так откровенно предлагала парню познакомиться. В тоже время, с первого взгляда, она понравилась мне и с моей стороны было бы глупо не согласиться с её предложением.

Привстав из-за стола, я прихватил тарелочку с мороженым и подошёл к её столику.

— Добрый день! — улыбнувшись ей, я галантно наклонил голову и представился. — Меня зовут Юрий, вы разрешите к Вам присесть?

— Да, конечно, присаживайтесь, Юра, — девушка благосклонно кивнула, — а моё имя Нурия. Вы заметили, что наши имена созвучны?

И она повторила «Нурия и Юрий», при этом звонко и заразительно рассмеявшись

— Не будете возражать, если я угощу Вас мороженым? — спросил я, присаживаясь на стул слева от неё.

— Угощайте! Я всегда после занятий захожу сюда скушать порцию.

— А где Вы учитесь? — я привлёк внимание мороженщика и попросил принести ещё одно мороженое.

— В Ташкентском государственном университете им. Ленина на факультете русского языка и литературы. — и добавила: — На третьем курсе.

— Здорово! Можно сказать, что мы с Вами коллеги, — я откровенно любовался Нуриёй. С первых минут нашего знакомства меня привлекли её карие миндалевидные глаза, расположенные на миловидном лице с высоким лбом и красиво изогнутыми густыми чёрными бровями. Классический прямой нос, высокие скулы и натуральные ярко-алые, чётко очерченные губы завершали образ восточной красавицы.

— Коллеги? — удивлённо спросила она. — Вы как-то не очень похожи на учителя. Ваша короткая причёска больше подошла бы военному.

Я рассмеялся.

— А вы проницательная девушка. Я действительно военный. Только, как и Вы, изучаю

язык. Вы русский, а я афганский язык пушту.

— Как интересно! В нашем университете есть небольшая языковая группа, которая изучает пушту, а где учат Вас?

— В Москве. В Военном институте Министерства обороны. Я выпускник ускоренных курсов.

В глазах Нурии промелькнуло понимание того, о чём я говорю, и поэтому последующие сказанные ею слова заставили меня немного насторожиться.

— Военный институт? Никогда о таком не слышала. Это, наверное, секретная информация? — и она, показывая интерес, наклонилась ко мне, чуть ли не прижавшись своей высокой грудью к моему плечу и обдав меня горячим дыханием.

Если бы мне было как в прошлом двадцать два года, то я бы, безусловно, растаял и купился на этот не хитрый приём, но весь мой пятидесятилетний жизненный опыт заставил только усмехнуться в глубине души. Тем не менее, чтобы она не поняла, что я раскрыл её обман, мне пришлось изобразить юношу, поражённого стрелой амура. Глубоко вздохнув и не отрывая взгляда от футболки, туго обтягивающей её прелести, я выдохнул:

— Очень секретная. Хотя некоторой информацией могу поделиться. Может, мы сегодня вечером поужинаем в каком-нибудь уютном кафе?

— Вы знаете, Юрий, у нас в Узбекистане не принято, чтобы девушка вечером ходила в общественные места с молодым человеком, если он не её муж.

Нурия приняла вид неприступной красавицы, но потом, увидев моё расстроенное лицо, улыбнувшись, подмигнула:

— А давайте Вы приедете ко мне? После смерти моих родителей я живу одна. Приезжайте ко мне домой.

Застыв на секунду, я ответил:

— Примите мои соболезнования...

— Ничего. Спасибо. Я уже три года живу одна и свыклась с мыслью, что мои родители в раю. Так Вы принимаете моё приглашение?

— Да. Только у меня одно условие.

Глаза Нурии удивлённо расширились.

— Ничего не готовьте. Я закажу еду в Зарафшане и привезу к Вам домой.

— Хорошо. — усмехнулась Нурия, — Такие вкусные шашлыки и плов, как в Зарафшане, дома сложно приготовить.

Нурия записала мне адрес, я договорился, что подъеду к ней в 18:00, и мы расстались.

Сделав заказ в ресторане, поехал в аэропорт и забрал из камеры хранения свой чемодан. Ловить такси не стал, узбекские таксисты ничем не отличались от московских и старались содрать с клиента побольше денег. Отойдя от аэропорта на пятьсот метров, я помахал рукой и на моё удивление возле меня тормознула шикарная для этого времени машина ВАЗ-2108 красного цвета. Переговорив с колоритным узбеком в национальной одежде, я договорился с ним и за три рубля он домчал меня до ул. Гульсанам, на которой в девятиэтажном доме жила Ирина Васильевна с сыном Петром.

Квартира, которую они сдавали, располагалась в этом же доме, только в соседнем подъезде. И договорившись с ними об условиях проживания, я оставил чемодан в новом месте и переоделся в новые джинсы. Не знаю почему, но уже выходя из квартиры, я остановился, вернулся назад, достал из чемодана кинжал, повесил его на ремень джинсов и прикрыл футболкой, оставив её навывпуск.

Приветливый пожилой водитель такси оказался родом из Молдавии, который приехал в Ташкент сразу после страшного землетрясения 1966 года, чтобы помочь восстанавливать город, да так и остался здесь жить.

Заехав в Зарафшан, я забрал приготовленный для меня шашлык с пловом, а у таксиста за двойную цену купил две бутылки хорошего белого вина. Вино было местное, называлось Столовое белое и, насколько я помнил, имело лёгкий освежающий вкус с кислинкой, очень приятно утоляющее жажду в жаркую ташкентскую погоду.

Отдав записку с адресом таксисту, я полностью доверился ему, и тот не подвёл, заехал в Махалля Чакар, как назывался район старого города, и, остановившись возле неширокой улочки, вплотную застроенную скромными саманными глинобитными домами, объяснил, что дальше мне придётся пройти между этими жилищами метров тридцать.

Название «Старый город» возникло ещё в царское время, когда было принято решение о строительстве нового города. Его архитектурный облик представлял из себя дореволюционные постройки конца девятнадцатого века, но была и часть домов, история которых тянулась в глубину веков.

Стихия 1966 года разрушила многие на то время современные постройки, но обошла стороной старую часть города, поэтому здесь сохранилось много домиков простых людей с двориками, которые закрывались резными деревянными воротами. Эти дома строили самым надёжным способом возведения жилья по древней технологии: сначала из дерева возводился каркас, затем он со всех сторон обмазывался глиной с соломой.

Улочки Старого города.

Улочка, по которой я шёл, была узкой, местами шириной не более двух с половиной метров. Пройдя тридцать шагов, я уже начал волноваться, когда впереди меня вдруг открылась калитка и Нурия, выглянув наружу, помахала мне рукой.

Дворик оказался очень уютный. Сверху был сделан навес из длинных деревянных

жердей, по которым вился виноград, и его крупные, но ещё зелёные незрелые грозди свисали с лозы.

Сбоку от входа в дом стоял небольшой хозяйственный деревянный стол, застеленный клеёнкой, на который Нурия и выставила привезённую мною еду и вино.

Окружающая атмосфера напомнила мне загородную дачу, и, расслабившись, я получал удовольствие от лёгкого флирта с Нуриёй, но долго идиллия не продлилась.

Я только наливал по второму бокалу вина, когда калитка внезапно распахнулась и во двор зашли два крепких узбека среднего роста, а за ними, чуть сзади, держался высокий седовласый мужчина европейского типа в костюме. Шедший первым держал в руке небольшую палку, похожую на маленькую самодельную дубинку.

Посмотрев на Нурию, он что-то крикнул на узбекском языке, и та, вскочив из-за стола, забежала в дом.

— Ну что, кафир, сестру нашу захотел? Ты знаешь, что мы с тобой за это можем сделать? Мы тебя, как барана, зарежем и закопаем. Никто тебя не найдёт!

Происходившее вдруг навеяло мне где-то слышанную фразу: «вечер перестал быть томным». И, не сдержавшись, я даже ухмыльнулся, что не прошло незамеченным.

— Ты чего ухмыляешься, а? Не догоняешь, что ли?

И повернувшись ко второму стоявшему молча узбеку, он что-то сказал ему на своём языке, после чего тот засмеялся.

— Деньги есть? Давай сюда. — И, сделав шаг вперёд, он протянул ко мне руку.

Грустно чувствовать себя лохом, а с моим жизненным опытом тем более. Ведь говорила мне чуйка, что не доведёт до добра меня встреча с такой красоткой. Не послушал.

Мои размышления прервал спокойный голос, раздавшийся за спиной стоявшего передо мной местного гопника.

— Юрий Владимирович, тебе привет от Юрия Петровича.

Сделав пару шагов вперёд, передо мной встал седовласый.

— Меня зовут Сергей Михайлович, я друг Капустина. Ты уж извини, что наше знакомство происходит в такой обстановке, но восточные люди горячие, а ты сестру их тут соблазнял. Но я могу помочь тебе разрулить ситуацию.

Да уж. Игра старая, как этот мир. Плохой и хороший. Злой и добрый. Один наезжает, второй спасает. Что же тебе надо?

— И чего Вам надо? — решил не затягивать с вопросом я.

— Правильный разговор, — раздвинул рот в ухмылке Сергей Михайлович, — у тебя ножик Капустина есть, он просил вернуть.

«Чёрта с два! — подумал я, — Капустин однозначно тут не при делах!»

А вслух произнёс:

— Хорошо, только он у меня не с собой.

— А где?

— На съёмной квартире.

— Ладно, сейчас проедем туда, и ты мне его отдашь.

— Скажите, а зачем он Вам понадобился?

— А это, сынок, не твоё собачье дело, — считая меня обычным молодым сопляком, Сергей Михайлович расслабился, как и его сопровождающие, которые отошли в угол двора, о чём-то перешёптываясь между собой.

Я потянулся к бутылке с вином, делая вид, что хочу налить себе вино, и, резко схватив

её, кинул в лицо седому.

Пока тот уклонялся от летевшей бутылки, я выпрыгнул из-за стола и выскочил в калитку.

Я бежал по причудливым лабиринтам старого города, мимо дряхлых домиков, покосившихся заборов, огородов и виноградников. Мои преследователи не отставали от меня, постепенно нагоняя. Меня подводило то, что я совершенно не знал, куда бегу, а узбеки были местными и прекрасно ориентировались в здешних переулках. Солнце уже зашло, и над городом опустился сумрак, когда я увидел впереди старый полуразрушенный глинобитный забор, за которым виднелись руины древнего здания. Не раздумывая, забежал во двор и заметался в поисках выхода. Первый узбек показался в створе перекошенных ворот, и я кинулся в дом.

Крыша практически отсутствовала, обвалившись под действием ветра и дождя, и мне приходилось перепрыгивать кучи разного непонятного мусора. Я надеялся, что выпрыгну на соседнюю улицу через какое-либо окно, но, забежав в небольшую комнату, понял, что удача отвернулась от меня — дальше ни прохода, ни окна не было. Торжествующий абориген встал в проёме входа, я, глядя на него, сделал шаг назад, и неожиданно пол под моими ногами обрушился, и я рухнул в подвал.

Скорее всего, я бы переломал себе ноги и позвоночник, но, как это уже случалось в минуты смертельной опасности, время замерло. И вместо того, чтобы жёстко упасть на глубину не менее семи метров, я приземлился, пройдя через кисель, и только в самом конце, сгруппировавшись, согнул колени и вытянул носки, смягчив падение.

Сначала мне показалось, что я ничего не вижу, настолько было темно в подвале, но через минуту глаза освоились и заметили какие-то светлые пятна на стене, подсвечивающие окружающее пространство. Это были грибы, содержащие пигмент люциферина, который при взаимодействии с кислородом окисляется и испускает зеленоватый свет. Их свет был достаточно ярким, чтобы я смог определить с направлением своего движения, заметив в стене огромный проход.

Пока изучал это древнее подземелье, над моей головой замелькали лучи фонарей, и, освободив свой слух, я услышал, как Сергей Михайлович обсуждает варианты спуска в подвал. Немного подождав, понял, что наверх мне путь окончательно отрезан, и, собрав со стены немного грибов, пошёл в туннель.

Через несколько метров я наткнулся на кирпичную кладку с нанесёнными на неё какими-то древними символами. Когда-то это была крепкая стена, пережившая много веков, но землетрясения, периодически сотрясавшие её, добились своей цели, и в верхнем правом углу появилось достаточно большое отверстие, в которое я смог пролезть.

Пройдя метров пятьдесят, наткнулся на развилку. Туннель уходил в три стороны: налево, прямо и направо. Надо было выбирать, куда идти. В любом случае, я надеялся, что найду дорогу наверх и положив один гриб возле прохода, повернул направо.

Через некоторое время я вышел на этой же развилке. Мой гриб лежал на своём месте. Теперь стало ясно, что мне надо прямо. Только время было упущено. Мне в спину неожиданно ударил луч света, и знакомый голос закричал:

— Вот он! — преследователи ускорили шаг, и я тоже был вынужден побежать.

Добежав до очередной развилки, я замер, пытаюсь определить, в каком направлении мне двигаться. Одновременно с этим старался слушать, и это принесло свои плоды: с правой стороны я с огромным трудом уловил лёгкое журчание воды и свернул туда. Мои враги не

отставали.

Туннель начал расширяться и внезапно перешёл в небольшую пещеру, по дну которой бежала самая настоящая река. В этом подземелье светящихся грибов было ещё больше, и их света хватало, чтобы я видел противоположную стенку, на которой один над другим было два входа, и к верхнему снизу вели пробитые каменные ступеньки.

Несмотря на близость преследователей, интуиция не позволяла мне торопиться. И вытащив чёрный кинжал, моё единственное оружие, я пошел через зал, держась в стороне от тёмной воды, текущей в том же направлении.

Мне оставалось метров пять, когда сзади меня проход осветился и обогнавший своих подельников Сергей Михайлович крикнул:

— Соколов, бл. ть, стой! Стой, или я буду стрелять! — с его стороны раздался звук передёргиваемого затвора пистолета, и я понял, что не успел.

Уже поворачиваясь к нему лицом, я увидел какое-то движение в воде и на миг замер.

Огромные крабоподобные твари беззвучно атаковали, ничем не выдав себя до самого конца. Их острые клешни в какой-то момент выскочили из воды и попытались проткнуть Сергея Михайловича, но, не дотянувшись, вернулись обратно под воду, чтобы через мгновение повторить свою попытку. Один из крабов тянулся ко мне, и я, скорее на каком — то рефлексе, чем сознательно, ударил его кинжалом, проткнул клешню и увидел, как начала разгораться синяя вспышка в месте прокола. Инстинктивно закрыв глаза, я спас их от ослепительного огня, который сжёг краба.

Услышав пистолетные выстрелы, открыл глаза и увидел отступающего в туннель Сергея Михайловича. Ему оставалось пару шагов до входа, когда из щели, ранее мною не замеченной, расположенной немного выше и левее входа, появился чудовищный монстр с огромными фасеточными глазами, вытянутым длинным хоботом и конечностями, заканчивающимися серпообразными когтями.

Он одновременно был похож на гигантскую муху и на паука, и я, не зная, чего ожидать от него, интуитивно отпрыгнул в сторону. Но тот не обратил на меня внимания. Хобот монстра издал звук, похожий на разрывающуюся струну, и на Сергея Михайловича упала самая настоящая паутиная сеть. Только она не приклеилась к его телу и не сковала его движения, как это свойственно паучьей сетке, а медленно проникая в человека, разрежала его на части. И всё это время он кричал, испытывая дикую боль.

В следующий момент мухо-паук обратил внимание на меня.

Видимо ужас, поселившийся во мне, моей рукой выхватил из ножен чёрный кинжал и бросил в сторону чудовища. Нож, пролетев метров пять, вонзился в глаз чудовища. И я опять едва успел прикрыть свои глаза, защищая их от ярко синей вспышки. Когда я начал смотреть, то увидел, как тело твари сохлось, отдав свою жизненную энергию кинжалу. Хитиновое туловище монстра мумифицировалось, а затем его лапы подломились и на пол пещеры осыпалась уже только труха, а рядом упал сам нож. Бой в замкнутом пространстве вышел короткий и ожесточённый. Разделавшись с мухой-пауком, я поднял кинжал и начал всаживать его в клешни крабов, пытающихся вскарабкаться на берег подводной реки, который с моей стороны был немного пологий. При пробитии тела крабов нож давал вспышку так же, как и с монстром, только не так ярко. Я уже тогда понял, что кинжал забирает жизненную энергию у тех, кого убил...

Разделавшись с обитателями пещеры, я поднялся по ступенькам к верхнему входу и пошёл по нему. Медленно закручиваясь по спирали и сузившись до такого размера, что в

конце я еле через него протиснулся, проход вывел меня в подвал в старом доме, подобном тому, в котором я провалился в это грёбаное подземелье. Выбравшись наружу, я посидел, приходя в себя, и только тогда вспомнил, что куда-то пропали узбеки. Скорее всего, они что-то знали про эти подземелья и вовремя сбежали, прекратив мои поиски.

Мне повезло. Оказалось, что я вылез недалеко от канала Анхор, который считался негласной границей между Старым и Новым городами. Было раннее утро, когда поймав такси, я поехал на съёмную квартиру.

Чтобы хорошо отмыться от вони подземелья, я вылил на себя весь флакон шампуня, который у меня был, а потом упал в кровать и сразу отрубился.

Хорошо, что в квартире был телефон, проснувшись около двенадцати часов дня, я позвонил в Москву Капустину.

Юрий Петрович как будто ждал моего звонка и поднял трубку после первого гудка. Выслушав меня, он выдохнул в трубку и сказал:

— Извини, тёзка, моя вина, случайно обмолвился, что подарил клинок, но не сказал кому. Сергей Михайлович Кириллов действительно был мой коллега. Ему хватило моих слов, чтобы затем получить всю информацию о тебе от моих соседей. Кто-то назвал ему твою фамилию, а уж узнать, что ты выпускник ВКИМО, для действующего сотрудника КГБ не составило труда. Думаю, они тебя уже от аэропорта отследили. Да, тебе надо знать, на встрече с Кирилловым был какой-то немец, которого зовут Генрих, кто он, сказать не могу, не знаю, но подозреваю, что от тебя не отстанут...

Ташкент — Кабул — Кандагар

После разговора с Капустиным я откинулся на диван, стоящий в зале двухкомнатной съёмной квартиры. Вообще в ней был минимум необходимых вещей: в зале стоял стол, пару стульев, диван, два кресла, сервант и комод, в спальне была полуторная кровать с тумбочкой и платяной шкаф, на кухне электрическая плита, чайник, небольшой холодильник «Саратов» и кухонный стол с тремя табуретками.

Мои мысли крутились вокруг произошедших событий и того, что мне сказал Юрий Петрович. И центром притяжения этих событий являлся чёрный кинжал. Он перенёс моё сознание в прошлое, дал суперспособности Капустину и мне, уничтожил чудовищных монстров, забрав их жизненную энергию.

Мне надо было разобраться с теми подарками, которыми наделил меня кинжал, или вернее та сила, что заключена в нём.

В моменты, когда надо мной нависала смертельная опасность, у меня срабатывал защитный механизм в виде замедления времени, это раз.

Полученные мною травмы и ранения заживали с ошеломительной скоростью, что говорит о появлении у меня свойств регенерации. Правда, не могу сейчас определить, идёт ли речь о регенерации простой физиологической, которая существует у человека в процессе нормальной жизнедеятельности организма и не связана с повреждением или утратой части организма, а только усилена в десятки раз, или же меня наделили репаративной регенерацией? Т. е. такой, при которой я смогу отращивать потерянные мною органы, подобно ящерице, способной отрастить новый взамен сброшенного в момент опасности. Это два.

Третьим подарком стала возможность ускоряться, совершая действия, когда весь мир замирает. Вроде похоже с первым, но есть разница. Недавно я понял, что ускорением могу управлять, и назвал это Спуртом. В моём арсенале появился тактический приём, позволяющий кратковременно резко увеличить темп моего движения.

А замедление времени в первом случае происходит вне зависимости от моего желания и срабатывает в момент, когда моей жизни угрожает по-настоящему смертельная опасность.

И четвертое, то, с чем я пока до конца не разобрался и касающееся меня косвенно. И это свойство чёрного кинжала разрушать биополе, энергетические потоки, которые окружают каждый живой организм, и поглощать жизненную энергию погибающего существа. Особенно хорошо это свойство проявило себя в отношении тварей, с которыми я столкнулся в подземных лабиринтах Старого города.

Нет, не всё. А прекрасная память, которая позволяет мне не задумываясь извлекать из потаённых уголков моего сознания всё, что когда-либо я читал, видел или слышал? А великолепный слух, который мне приходится приглушать, и от которого я поначалу чуть не сошёл с ума. Зато теперь, при необходимости, я могу убрать шоры не только со своего, оправдывающего мою фамилию, соколиного взора, но и со слуховых перепонки, улавливая самые тихие звуки на расстоянии до ста метров.

Мои размышления прервал резкий звук дверного звонка. Вчерашние приключения добавили мне осторожности, и, тихо подойдя к двери, я посмотрел в глазок. На лестничной площадке стояли двое молодых парней, в одном из которых я узнал Петра, сына Ирины

Васильевны.

Спросив для проформы «Кто там?», я впустил их в квартиру.

— Привет, Юрка! — Пётр пожал мне руку и представил своего товарища: — Знакомься, это Вартан. Мой старый дружба и кореш. У тебя какие планы на сегодня?

— Да, в общем-то, никаких.

— Ништяк! Собирайся, поедем гульбанить. Мамка моя сказала тебе в Афганистан скоро лететь, так мы с Вартанчиком хотим тебе город показать. У Вартана Жигули копейка, он её подрихтовал, светомузыку поставил, крутая тачка получилась. Потом можем на речку махнуть.

Ребята оказались весёлые, и я с ними уже через полчаса нашёл общие темы для разговоров.

Покатав меня часа два по центральным улицам, Вартан подъехал к Старому городу.

После прошедших событий я не испытывал особого желания рассматривать местные достопримечательности, но оказалось, что у него здесь живут родители.

Его папа и мама представляли из себя крепкую пару, пронёсшую свои нежные чувства друг к другу через годы совместной жизни.

Отцу на вид было около шестидесяти и звали его Авет, а матери Алмаст не было и пятидесяти, по крайней мере мне так показалось из-за её моложавого вида.

В скромном дворике, чем-то похожем на двор дома Нурии, уже стоял накрытый стол. Каких только закусок на нём не было!

Из холодных закусок хозяева поставили яхна гушт (отварное холодное мясо), казы (колбаса, приготовленная из конины), узбекский салат с редькой, салат Ташкент с бараниной. На первое подали шурпу, на второе бараний шашлык с острым салатом Шакароб, и когда уже казалось, что в меня ничего не влезет, принесли плов, от аромата которого у меня опять потекли слюнки. И всё это великолепие шло под русскую водку.

К подаче шашлыка, после принятой на грудь поллитры, я решился на несколько вопросов.

— Вартан, я слышал, что в Ташкенте есть много легенд о джиннах, а каких-либо других монстров в этих сказках не упоминают?

Мой новый друг завис, обдумывая мой вопрос.

— Слушай, сразу не скажу. Дедушка мой Арам, царство ему небесное, когда я маленький был, рассказывал наши армянские сказки, а другие я не помню.

Отец Вартана, сидевший напротив, внимательно посмотрел на меня:

— Юра, джан, с чем связан твой интерес?

— Просто интересно, есть ли хоть доля правды в таких рассказах.

— Что тебе сказать, когда я был маленький, больше пятидесяти лет назад, родители перестали выпускать гулять детей в вечернее время и ночью. Говорили, что один взрослый и несколько детей пропало. Их искали. Но нашли только странные следы, которые вели в подвал древнего разрушенного здания. В подвале обнаружили туннель и какую-то одежду пропавших. Несколько смельчаков пошли по следам дальше и не вернулись. И тогда наши аксакалы замуровали и запечатали все входы в это подземелье символами, защищающими от сил зла, но ещё долгие годы ходили разговоры о древних чудовищах, которые приходят по ночам, чтобы напасть на одиноких путников или детей. А сегодня на рынке, когда я покупал продукты, там снова начали шептаться, что кто-то видел этих монстров.

«Это точно вчерашние узбеки», — подумал я, — «значит, им удалось выбраться из

туннелей...»

Дни быстро летели. Мы с Петром и Вартаном, спасаясь от городской духоты, пару раз съездили на Чарвакское водохранилище, которое появилось в результате строительства каменно-насыпной плотины.

После разрушительного землетрясения 1966 года Ташкент и окрестные посёлки начали отстраивать заново и, чтобы решить проблему нехватки электроэнергии, построили Чарвакскую ГРЭС. Искусственное озеро затопило близлежащие земли и скрыло под слоем ила и воды многие исторические памятники. Зато голубая гладь воды, в которой отражаются изумительной красоты горы и возможность отдохнуть от суеты городской жизни на живописном берегу с лихвой компенсируют потерянное. В озеро впадают три реки: Угам, Чаткал и Пскем, которые весной наполняют его водой доверху. Летом это великолепные бурлящие потоки, а зимой воды в них мало, но можно любоваться ущельями, по которым они протекают...

13 августа я проснулся рано утром, и приведя себя в порядок, приехал в штаб 40-й Армии и поднявшись на второй этаж, подошёл к двери с номером двадцать семь. Постучал в дверь и, спросив: «Разрешите?», зашёл в кабинет. Комната была небольшой. Прямо у входа стоял первый стол, за которым, склонившись над бумагами, сидел молодой капитан, на его стуле висел китель с погонами с четырьмя звёздочками на каждом, а на петлицах блестели общевойсковые эмблемы, такие же были у военнослужащих мотострелковых войск. За его спиной у окна стоял второй стол, за которым никого не было.

— Товарищ капитан, здравия желаю! — поздоровался я с офицером. — Разрешите представиться?

— И тебе не кашлять, — с недоумением посмотрел капитан на стоящего перед ним в гражданской одежде молодого человека, — представляйся.

— Младший лейтенант Соколов, переводчик языка пушту, представляюсь в соответствии с предписанием для распределения к дальнейшей службе.

— Почему не по форме одеты? — решил построить меня штабной офицер.

Легенду об этом я придумал, ещё когда меня посетила мысль не тащиться в офицерской форме по солнечному Ташкенту, потев от здешней жары и многочисленных патрулей комендатуры.

— В аэропорту чемодан мой потеряли, ищут. — И я честными глазами посмотрел на военного чиновника.

— Да? Что-то часто у переводчиков чемоданы с формой теряются, ты на моей памяти уже пятый такой, — с ехидной улыбкой проговорил капитан.

Я молчал, спокойно размышляя о том, что «ни хрена ты мне кэптан не сделаешь и дальше Афгана не пошлешь».

— Ладно, давай сюда предписание, удостоверение личности офицера, отпускной билет. Отметки на отпускном о постановке и снятии с учёта по месту проведения отпуска все есть?

— Так точно. — Я даже в Сочи не поленился заскочить в комендатуру и поставить печати.

— На тебя уже есть запрос из спецназа ГРУ, официально 7-й ОМСБ (отдельный мотострелковый батальон), а по сути 186-й Отдельный отряд специального назначения, — и с ухмылкой спросил: — Как, товарищ младший лейтенант, коленки не затряслись?

— Никак нет, товарищ капитан. — Знал бы ты, родной, что когда-то мне уже приходилось топтать афганские хребты, дрожать, но не от страха, а от холода,

опускающегося на землю с заходом солнца, сжимая заледеневшими пальцами цевьё автомата. В отдельных провинциях Афганистана днём температура доходит до +45+50 градусов Цельсия, а ночью падает до минусовых температур, и вода во фляге превращается в лёд...

— Вылет через два дня из военного аэропорта «Тузель». С собой лишние вещи не брать. Разрешается две бутылки водки, пару блоков сигарет. Остальное, в том числе автомат, получишь в части.

На следующий день я поехал в аэропорт Ташкента встречать своих товарищей по языковой группе. У меня были их домашние телефоны и позвонив по межгороду, удалось поговорить со всеми. К моему удивлению прилетали они все в один день, при чём заранее не договариваясь.

Из аэропорта мы дружно поехали в штаб армии, где каждый из них получил своё распределение.

Кроме меня в войска специального назначения попал командир нашей языковой группы Султанов, Костя Колпащиков и Женя Горохов, среднего роста, светловолосый, с серозелёными глазами на всегда приветливом лице парень. Вся группа у нас была дружная, ещё во время учёбы мы старались все праздники и дни рождения отмечать вместе, чему завидовали остальные наши однокурсники. Ещё четверо наших друзей были тоже распределены в ГРУ, но только в ОСНАЗ, радио и радиотехническую разведку, и им предстояло прослушивать радиоэфир и ловить переговоры наших врагов. И только Володьку Лебеда назначили служить в военную прокуратуру.

На правах старожилы я показал друзьям Ташкент, и через день мы все уже сидели на пересылке в военном аэропорту «Тузель», который ещё назывался «Ташкент Восточный» и был построен в 1983 году.

Почти все офицеры, прапорщики и вольнонаёмные, прибывающие в Афганистан, проходили через этот пересыльный пункт, который состоял из двух двухэтажных барачных корпусов с трёхъярусными солдатскими кроватями. Койки были заправлены солдатскими одеялами и те, вылет которых по какой-либо причине задерживался, коротали время здесь.

Наш вылет тоже задерживался, поэтому, сбросившись оставшимися финансами, отправили гонцов за водкой и закуской. У меня денег не осталось, перед отъездом я зашёл к Ирине Васильевне и поблагодарил их с Петром за тёплый приём, отдав пятьдесят оставшихся у меня рублей. Конечно, деньги хозяева брать категорически отказывались, но я сказал, что они мне в ближайшее время не понадобятся, и настоял на своём.

Из закуски наши гонцы купили два арбуза, нагретых на солнце, и много бутылок водки, которая тоже была тёплой.

К тому времени, когда за нами пришёл дневальный и сообщил, что пора идти на посадку в ждущий нас ИЛ-76, мы уже все были серьёзно пьяны, но, захватив вещи, прошли через таможенную и пограничников к самолёту. Часы показывали два ночи.

Нам достался стандартный военный транспортник с лавочками вдоль бортов, а по центру были закреплены два БТР-80.

Мягко взлетев, наш самолёт набрал высоту и, устремившись в звёздное небо, полетел в Кабул.

В Кабуле я расстался с товарищами. Со мной остался только Костя Колпащиков. Остальные поехали и полетели на новые места службы.

А через день и мы с Костей на Ан-22 приземлились в Кандагарском аэропорту

«Арианна».

Все вылеты совершались в ночное время, чтобы обезопасить самолёты от попадания ракеты из переносных зенитных ракетных комплексов. В это время американцы уже поставили моджахедам почти четыре тысячи ракет «Стингер», и все самолёты, взлетая и садясь на взлётную полосу, использовали ЛТЦ (ложные тепловые цели), ловушки, чтобы запутать ракету и перенаправить её для поражения одной из ловушек.

Мы прилетели под утро. Высадив нас на взлётной полосе, самолёт покати́л в сторону ангаров, а Костя, я и ещё человек двадцать прилетевших офицеров направились к аэропорту.

Нам оставалось пройти метров четыреста, когда я вдруг услышал звук, чем-то похожий на комариный писк.

— Бегом! Мы под обстрелом! — закричал я и мы с Костей побежали в сторону здания аэропорта.

Метров сто сзади нас раздался оглушительный взрыв. Я толкнул Костю, падая на бетонные плиты аэродрома, и над нашими головами просвистели осколки разорвавшегося снаряда. Вскочив, мы побежали дальше и уже забежали в здание, оглядываясь назад, когда ещё несколько разрывов накрыло взлётку. Полный офицер, задыхаясь от одышки, бежал последним и не добежал метров двадцать. Он продолжал бежать даже без головы, когда режущая кромка осколка перебила ему шейные позвонки, отбросив голову куда-то по ходу движения...

Молодой лейтенант, остановившийся рядом со мной, побледнел, прикрыл рот рукой и отвернулся в сторону, пытаясь сдержать рвотные рефлексy.

Найдя спокойное место на территории аэропорта, мы с Костей присели.

— Какая страшная смерть, — Костя обхватил себя за голову, — был человек, и нет его. А ведь его где-то ждёт семья...

«Да, нелепая смерть», — подумал я и сколько не напрягал память, не мог вспомнить подобного случая в своей прошлой жизни. Многие события, происходившие сегодня, уже отличались от тех, которые я помнил. Да и разве могло быть иначе, ведь в этот раз со мной был чёрный кинжал.

Конец первой книги.

Больше книг на сайте - Knigoed.net